

Мария Акулова

НАСЛЕДНИЦА
СЕВЕРНЫХ УГОДИЙ

Своё шестнадцатилетие я планировала отпраздновать в одиночестве, предаваясь грустным мыслям. Однако, неведомым образом оказалась в совершенно невероятном мире, где северные маги охраняют другие народы от таинственной опасности, на морских побережьях люди поклоняются огню, а на востоке, по преданиям, живут люди-полузмеи — наги. Кажется, теперь у меня нет времени унывать, ведь моё желание наконец-то исполнилось!

Глава 1

Утреннее солнце будит меня всегда первой в общей комнате на десять кроватей. Всё потому, что именно моя располагается у самого окна. Так что как только первые лучи светила появляются на небосводе, сразу же они проходятся по моему лицу, давая знать, что новый день начался.

Сегодня же всё было иначе. Тучи затянули до горизонта небо, пасмурно взирая на редких прохожих. Из приоткрытой форточки веет грозой, а деревья раскачиваются ветром так сильно, что редкими сучьями достаются до стекла, отгарабанивая лишь им известную песнь предстоящей бури. Именно она меня и разбудила.

Не открывая глаз, натягиваю одеяло повыше, до самого носа, пытаюсь согреться. Весна едва наступила, но в приюте уже несколько лет не работает отопление, так что спастись от холода только так и приходится: шерстяными покрывалами да вязаными свитерами, щедрой рукой спонсора подаренные воспитанникам на Новый год. Лучше бы с такой самоотверженностью занялись поломанными трубами и полопавшимися батареями, и то пользы было больше.

И всё-таки я покрываюсь мурашками, поэтому, поняв, что нагретая кровать не спасёт, выползаю из неё, становясь на заколевшие ноги, беру из тумбочки пакет с ванными принадлежностями и отправляюсь в душ. Пока нет других детей, могу потешить себя мыслью, что я дома, в семье, а не в забытом богами приюте, где на один кран приходится ещё тридцать девочек.

Тихо ступая по выкрашенному коричневой краской дощатому полу, добираюсь до двери, прикрываю её за собой с тихим скрипом — пора смазать петли, конечно же мне, как самой старшей в комнате, и только в коридоре обуваю тапки. Шлёпанье гулко разносится по пустому помещению, вытянутому на пару десятку метров вперед, будто причудливый пенал, эхом отдаваясь от стен, краска с которых кое-где уже обсыпалась, являя на свет плесень. За одной из дверей слышен разговор наших воспитательниц, приглушённый из-за войлока под дермантином, прямо как в советские времена. Впрочем, с тех пор в этом тоскливом месте потерянных детей и сломанных судеб ничего не изменилось.

Ванная комната для девочек на этаже со спальнями, прямо в конце коридора. Просторное помещение с зелёной плиткой, швы между которой залиты герметиком — воспитанники своими руками пытаются навести порядок, до которого директрисе, а уж тем более работникам детского дома, уже давным-давно дела нет. Переобуваюсь в резиновые сланцы, чувствую, как скользит подошва по мокрым полам. Приходится схватиться за поручни для инвалидов в попытке удержать равновесие, насквозь проржавевшие. Потрепанный махровый халат оставляю на крючке. Воздух сразу холодит голое тело, оставляя тысячи мурашек на тонкой бледной коже.

Вода из лейки температурой едва ли больше двадцати градусов сначала смывает любые хорошие мысли. И лишь спустя минуту она чуть теплеет. Тогда намыливаюсь простым детским мылом, оставляющим неприятный осадок на коже. Затем споласкиваюсь чистой водой, пахнущей хлоркой. Пусть и неидеально, но зато чувствую себя свежей и проснувшейся.

Сегодня мой день рождения. Впрочем, это не имеет никакого значения, ведь никому до такого события из моего окружения и дела нет. Как и мне. Их было уже пятнадцать, этот —

шестнадцатый. И за эти долгие годы никто никогда мною не интересовался. Вначале, как и другие, я верила, что вот-вот, ещё один день, и за мной придёт моя мама, настоящая, которая подарила жизнь. Но годы шли, и я разглядела реальность. В ней нет места даже приемным родителям. Вот и в этот раз праздновать буду, как и всегда: в одиночестве, с грузом несбывшихся надежд, задувать свечу на заранее купленном кексе. Только это и могу себе позволить на скромные социальные выплаты.

Сушу волосы допотопным феном, мыслями пребывая где-то далеко-далеко, расчесываюсь, осторожно разбирая гребнем спутавшиеся пряди. Посеченные кончики сухой соломой ложатся поверх гладких локонов. Одеваюсь в свою лучшую одежду, можно сказать даже парадную: скромное платье в цветочек с юбкой воланом и аккуратным кружевным воротничком, который я связала крючком, однажды увлѣкшись рукоделием.

На кухне, заставленной многолитровыми кастрюлями, в такой ранний час никого. Со своей полки в холодильнике беру маленький кекс, он едва занимает ладонь. Пока кипятится чайник, нахожу свечи, одну из них, льдисто-голубую, выбираю. Осторожно погружаю восковое основание в мякоть выпечки и, заварив простой пакетик «нескафе три в одном» кофе, зажигаю.

По традиции сажусь за столик у окна, чтобы встретить своё шестнадцатилетие. Погода стала ещё хуже, чем каких-то тридцать минут назад, уже всюду хлещет дождь, стекая каплями по не совсем чистому стеклу. И загадываю желание.

«Не важно как, пожалуйста, пусть у меня появится семья! Клянусь, я сделаю всё, чтобы они меня полюбили. Боженька, Будда, хоть кто-нибудь, услышите мою мольбу.» — произношу эти стыдные слова в мыслях, клянясь сама себе, что это в последний раз, задуваю свечу и откусываю румяный бок кекса.

То ли он сам попал не в то горло, то ли я виновата, но чувствую, как выпечка застревает, не позволяя мне дышать. Силюсь вдохнуть, бью кулаком себя в грудь, но это не помогает. Свет перед глазами меркнет, падаю на пол, ударяясь спиной о стол, но в конвульсиях почти этого не чувствую. И, перед тем, как сознание меня окончательно покидает, мелькает мысль: «Надо было всё-таки этот чертов кекс запить кофе».

Пробуждение получается тяжелым. Вначале буквально взрывается болью голова, приводя меня в сознание. Мелькает мысль: «Выжила! Наверно, кто-то из своих помог, когда была на последнем издыхании». Пытаюсь приподнять руки, чтобы потереть виски, что угодно сделать готова, лишь бы пропал этот адский колокольный звон, который пытается мои бедные череп и мозг. Но не получается, что-то крепко держит конечности. Это уже мне не нравится, поэтому распахиваю глаза в надежде узнать, какого черта происходит с моим телом. И тут же зажмуриваюсь от яркого, слепящего света, бьющего прямо в них. Против воли стону от неприятных ощущений.

— Ал'Сандр очнулась, — донеслось откуда-то сбоку, — ал'Сандр пришла в себя! — вновь воскликнул девичий голос, а затем его хозяйка, судя по шелесту одежды, подскочила и унеслась куда-то, стуча по полу каблуками.

Постепенно, пока чуть ослабла боль, я прихожу в более связное сознание. Пытаюсь сделать выводы по тому, что происходит. Во-первых, я совершенно точно чуть не умерла пару минут назад, подавившись кексом. Во-вторых, таких тяжелых последствий от простого удушения не было бы. В-третьих, обращение «ал'Сандр» наталкивает на мысль, что либо я умом тронулась, либо моё желание какие-то неведомые силы выполнили, что более вероятно. И, четвёртое, не знаю, есть ли здесь в помещении ещё болезные, как я, но, кажется, под этим необыкновенным именем имели в виду меня. Информации всё ещё мало, чтобы делать окончательные выводы.

Наконец, та, что заметила моё пробуждение, вернулась, да не одна, а с подмогой, уж очень разные по своему звуку эти люди издавали шаги: тяжелый, будто под тучным телом; легкий, как у ребёнка, но без стука каблуков...и, мне кажется, или это шуршание кожи о пол? Я холодею от одной только мысли, что кто-то пришел со змей.

— Действительно, очухалась, — мужской низкий голос. — Ал'Сандр, душенька, откройте глазки, нас так просто не обманешь.

Боясь возвращения боли, пытаюсь найти откоряку. Это достаточно легко.

— Там змея, — тихо шепчу, добавляя побольше страха и опасений в эти два слова.

— Ль'Ву, слышал? Наконец-то хоть кто-то сообщил тебе правду, ты — змея! — грохочет смехом всё тот же мужчина. Затем моего лба касаются прохладные пальцы. — Мы уж думали всё, заморозила ты своё сердечко окончательно и уже не вернёшься из Пустынных земель.

Значит, первые мысли были правильными. Я — некая ал'Сандр, и, учитывая, что некоего «змея» назвали ль'Ву, получается, это местный способ обозначать фамилии.

— Она боитс-с-ся, — шипяще произносят у меня над ухом, почти касаясь его губами. Я даже чувствую чужое горячее дыхание, от чего дергаюсь и раскрываю глаза. Реакция соглядатаев не заставляет себя ждать. — Нивес-с-с, дорогая, рас-с-скажи, что произошло?

Это окончательно убеждает меня, что начинается новая жизнь. Я попала. В прямом смысле этого слова. Каким-то неведомым образом из Леки Снежинкиной стала Нивес ал'Сандр. Имя-то какое забубонистое. Теперь другая морока — понять, что случилось с хозяйкой этого тела. Если моё сознание так легко проникло в него, значит, первая владелица либо умерла, либо тоже «ушла» куда-то. А мне теперь разбирайся с окружающим миром. Теперь я ничем не лучше младенца, только начинающего познавать всё вокруг.

Что значит фраза «мы уж думали всё, заморозила ты своё сердечко окончательно и уже не вернёшься из Пустынных земель»? Сказать им всем сразу, что я не Нивес и в душе понятия не имею ни о каких землях или же повременить, кто знает, как тут относятся к душам, занявшим чужую плоть. «Лучше осмотреться», — принимаю решение. И выдаю совершенно девчачью чушь, основываясь лишь на догадках:

— Один парень отверг мои чувства, сказал, что ему я не нужна, — и натурально так пускаю слезу, чему научилась, пребывая в детском доме. Как, если не рыданиями, заставить других не лезть не в своё дело.

Кажется, работает, потому что со спины у меня раздаётся цоканье. Поворачиваюсь и наконец-то могу рассмотреть первого, кто со мной говорит. Это невысокая девушка лет пятнадцати на вид. У неё кожа причудливого голубоватого цвета, будто светящаяся изнутри, вместо глаз сплошные белки, в центре лба изумруд.

Голову венчает корона, сплетенная из белых, можно сказать седых, волос, с мелькающими меж прядей маленькими чёрными камнями. Для землянки, как я, это более чем необычное зрелище.

Она протягивает руку ко мне, и я подаю свою в ответ, умом понимая, что в данный момент не управляю собственной конечностью. Едва они соприкасаются, как разряд тока пробегает по кончикам пальцев. Глаза голубокожей незнакомки стремительно чернеют, рот её открывается, являя мне белые заострённые зубы, и слышу:

— Печаль души была столь велика, что сердце хоть и оттаяло, но сознание спит.

— Так и говори, что у девуш-ш-шки амнезия, — вновь шипит знакомый голос.

Теперь я могу рассмотреть и Ль'Ву. Мои подозрения подтверждаются — это не совсем человек. Только верхняя часть туловища выглядит людской, ниже располагается внушительных размеров змеиный хвост, на котором и стоит наг. А ведь насколько понимаю, это он и есть. В бытность свою подростком, я интересовалась мифологией, и именно такими на картинках изображают полулюдей-полузмей. Сам по себе мужчина выглядит опрятно: светло-каштановые волосы длиной чуть ниже мочки уха тщательно уложены и перевязаны на затылке, торс и руки спрятаны за чёрной рубашкой с причудливой вышивкой золотом на воротничке и рукавах, а чуть ниже, там, где начинается хвост, что-то наподобие шотландского килта прикрывает все стратегически важные места.

Ль'Ву ободряюще мне улыбается, затем, шелестя, подползает ближе.

— Дитя, что ты помниш-ш-шь? — теперь он настолько близко, что могу рассмотреть мелькающий меж тонких губ раздвоенный язык. — С-с-семью помниш-шь? Имя?

Думаю, это хорошая мысль — притвориться, что многое забыла, чтобы не выдать себя. Поэтому отвечаю:

— Нет.

Свет перестаёт бить в глаза, и теперь я могу разглядеть остальных. Тот, кому принадлежал низкий голос, тоже мужчина. Ростом не более полутора метров, зато такой полненький, что больше напоминает Колобка. Голова лысая, без единого волоска, как бильярдный шар. Одет он в бархатный костюм малинового цвета, а на коротенькой шее повязан чёрный шёлковый платок. Хоть в комнате и не жарко, выглядит потным — мелкие бисеринки влаги на висках и над верхней губой. Обмахивается ладонями с пальцами, больше похожими на сосиски, но это мало помогает.

— Лье'Рар, давно не видел у вас-с-с такой эмпатической реакции, — голос ль'Ву будто песок, переносимый жарким ветром по пустыне.

«Колобок», как я уже успела мысленно окрестить кругляша, присаживается на стул, заботливо подставленный под него. Делает это девочка в чёрном платье по колена и белом фартуке, наряд точь-в-точь как у земных горничных. Две косички, заплетенные по бокам, подпрыгивают при каждом движении ребёнка.

— Ал'Сандр, может, вам воды? — по голосу определяю, что именно она сообщила другим о моем пробуждении. И единственная из персонала, кто озаботился комфортом, судя по обстановке, в больнице.

Я киваю, и тут же к моим губам девчушка подносит стакан с причудливым носиком, из которого очень удобно пить, находясь в той позе, что я есть — почти лёжа. Вода оказывается такой вкусной, будто родниковая, с лёгкой кислинкой от ягод, что лежат на дне прозрачной ёмкости.

— Спасибо, — шепчу ей благодарность и едва-едва сжимаю детскую ладонь.

Тем временем, пришедшие с ней взрослые обсуждают мою судьбу.

— Каан, то, что она страдает амнезией, не делает её опас-с-сной, — это наг обращается к голубокожей девушке, так я узнаю её имя. — Это же прос-с-сто дитя.

Та усаживается на край моей постели, ничуть не смущаясь нарушением чужих границ личного пространства, накручивает на палец прядь белых волос. Свет, отражающийся от чёрных камней, бьет мне в глаза.

— Я согласен с ль'Ву, выводы делать слишком рано. Если мы ошибёмся, то навлечём на себя гнев всех Северных угодий.

— Ты хоть раз видел, чтобы один человек вызывал активацию сразу и моих способностей, и лье'Рара? Уж не в обиду тебе, Алон, — теперь мне известно первое имя и «колобка», — но здесь что-то не так. Моя интуиция буквально вопит от тревоги!

Я вызываю подозрение, даже ничего не говоря, одним только своим присутствием. Это плохо. Тем временем Каан продолжает.

— Мы не можем подвергать опасности других учеников, пока окончательно не убедимся, что это действительно ученица из ал'Сандров.

Теперь информации у меня чуть больше. Я не в больнице, как предположила изначально, а, скорее всего, в школе.

— Все Приходящие, которые появлялись на Материке пос-с-следнюю тыс-с-сячу лет, вели себя с-совсем иначе, — настаивает на своём полузмей, одергивая рукава рубашки. — Это же прос-с-сто ребёнок, на которого очень с-с-сильное впечатление оказала первая любовь. Вспомни с-себя в эти годы, ал'Туган. Когда я тебе отказал в заключении брака, ты

едва от академии камня на камне не оставила.

Готова поклясться, что вижу румянец на щеках Каан. Она смущенно опускает голову, но через секунду берет себя в руки.

— Лье'Рар может так реагировать именно потому, что у Нивес-с-с очень горячее сердце, — наг тоже оказывается рядом с моей кроватью. Он кладёт руку себе на грудь и представляется, — меня зовут ль'Ву Даар, дитя. Тебе нечего бояться.

Неужели на моем лице так явственно написан шок от происходящего, что меня надо успокаивать? Или же Даар пытается меня защитить по неведомым мне и другим причинам? Это предположение имеет основание быть. Другой вопрос, что за способности у Алона ль'Рара, раз он способен так запросто считывать чужие чувства и эмоции, как утверждает Каан.

— В любом случае, моё слово решающее, — выступает ал'Туган, вставая с моей кровати и поправляя одежды. — Пока я не решу, что Нивес не представляет опасности, она останется в лазарете. Лекари будут приглядывать за её состоянием, попытаются вернуть утраченную память. Разрешаю приносить ей книги из библиотеки, — кивает девочке, что напомнила меня. — Теперь мне пора, дела не ждут.

Почти не ступая по полу, она покидает помещение, следом за ней буквально выкатывается «Колобок». Ль'Ву же пока с места не трогается.

— Кто такие Приходящие, и почему вы их так боитесь? — задаю вопрос ему, который мучает меня уже почти час. Хотя ответ на вопрос предполагаю, хотелось бы знать достоверно.

— Они скорее Захватывающие, чем Приходящие. Злые духи, которые вселяются в тела только что умерших. Никто не знает, откуда они появляются, зато сразу можно сказать, что тело одержимо: поведение и привычки носителя вдруг резко меняются, наблюдается потеря памяти. Со временем Приходящие начинают творить бесчинства и далеко не безвинные.

Странно, но за всю свою речь наг ни разу не прошипел.

— В таком случае, почему вы думаете, что я не приходящая? — дослушав, интересуюсь главным.

— Дитя, не все они плохие, — грустно улыбается, качая головой. — Иногда так просто складываются обстоятельства. Разве это от нашей воли зависит? Нет. На всё воля Божья.

Сказав это, ль'Ву уползает, напоследок помахав мне самым кончиком хвоста. Я же готова поспорить, что и он сам не из этого мира. Сомневаюсь в существовании здесь христианства. Стало быть, у меня появился защитник, по крайней мере до первого моего проступка.

Первым делом, что я прошу после ухода незваных посетителей — зеркало. Хочется ведь знать, в каком теле мне теперь предстоит жить. Обосновываю свою просьбу тем, что нахожусь здесь неизвестно сколько для себя, чтобы не вызвать лишних подозрений. Девочка, помощница главного лекаря, которую, как оказывается, зовут Лири, послушно приносит мне тяжелое овальное зеркало в витой оправе золота. Держать его не очень удобно, но выбор не велик.

В отражении на меня смотрит девушка, красавица. Нет, не так. Красавица с большой буквы. Тонкие черты лица с бледной тонкой кожей, сквозь которую просвечиваются тонкие вены, густые четко очерченные брови вразлёт, аккуратный прямой носик и чувственные полные губы с совершенно очаровательным луком Купидона.

Чтобы понять, насколько мне повезло с телом, посмотреться в зеркало не обязательно: тонкие запястья с длинными пальцами, талия, что легко могу обхватить руками, длинные ноги, явно тренированные бегом или долгой ходьбой, но при этом без единого мозоля на стопах. И во взглядах всех, кто меня видит, я читаю лишь восхищение.

Чего не скажешь о Каан ал'Туган. Это неземное существо навещает меня каждый день с тех пор, как я очнулась. И каждый её визит больше похож на допрос у следователя, чем дружескую беседу, которой она предпочитает называть эту словесную экзекуцию.

Заявляется с первыми лучами солнца, освещающими светлую комнату лазарета, усаживается на простой деревянный стул, выкрашенный в светло-розовый цвет, кладёт на колени планшет с бумагой, ставит на него перо и начинает задавать вопросы:

— Как тебя зовут? — перо шевелится и начинает записывать.

В первый раз я нехило так перепугалась, увидев, как острие пишущего инструмента из земного средневековья само по себе бежит от пергаменту, документируя встречу.

— Нивес ал'Сандр, — заученно отвечаю, как примерная ученица.

Да и какой смысл спрашивать, если они, Каан, Алон и Даар, сами мне сообщили имя в первый же день.

— Сколько тебе лет? — вперившись своими невозможными глазами задаёт следующий вопрос.

— Шестнадцать, — это уже болтушка Лири просветила меня, коротая рядом скучные вечера.

— Кто твои родители?

— Не помню, — тут уж приходится валить на амнезию. Затем добавляю, — Даже имена.

— И ты бы не смогла их узнать даже из книг, что я так опрометчиво любезно разрешила тебе приносить, — заключает Каан. Постукивает пальцем по подлокотнику. — Даже не надейся выведать информацию, которая тебе не нужна в твоём шатком положении.

На этом обычно наш «дружеский разговор» и заканчивается. Ал'Туган уходит, презрительно вздёрнув свой хорошенький носик, а я остаюсь наедине со своими мыслями, кои с каждым днём становятся всё более мрачными.

Так как лазарете я буквально селюсь, приходится потихоньку обживаться. Он рассчитан на пять кроватей, но именно мою огораживают несколькими ширмами, чтобы другие посетители не слишком мешали мне. Рядом с кроватью появляется стол в замену тумбочки,

и на нём стопка книг из библиотеки становится всё выше — Лири не ленится бегать в библиотеку, я же впитываю новые знания, как губка.

Первым оказывается собрание томов об устройстве этого мира: «Краткое описание истории Материка». Из четырёх книг в обложках из кожи и с железным тиснением, я многое узнаю.

Материк простирается на многие ли (местные километры) с севера на юг и с запада на восток. Им правят четыре королевства: Северное, разделённое на угодия, во главе которых стоит король; Южное с князем, Восточное с главным Оракулом и Западное — без определенного монарха. Люди, населяющие эти страны, давным-давно определили свою роль в мире. Северяне, владеющие магией льда, защищают остальных от опасности за Горным хребтом. Южане, поведшие свой род от драконов, поклоняются магии огня; Восток населяют наги, чьим предсказаниям внимает каждый, кто их слышит, никогда не перечая словам хвостатых прорицателей. Запад же загадочен даже для тех, кто родился и прожил в этом мире многие годы. Там, по путанным дорожкам лесов, говорят, странствуют Следопыты, хранящие секреты своего народа и своей магии.

Как оказалось, я тоже маг. Да не простой.

Об этом мне поведал уже ль'Ву, навещающий меня пусть и не так часто, как ал'Туган, зато без злого умысла.

— В первую очередь, что тебе надо запомнить, это иерархию в обществе. Здесь она строится на том, насколько чистая у тебя кровь. «Ал'» — обозначение члена королевской семьи, «ль'» — благородный чистокровный, как я, например. Происхожу из семьи троюродного брата Оракула. Так что можно сказать, что и во мне течёт кровь предсказателя. Тот, кто вышел из неблагородных, но долгими годами службы и преданности доказал правителю, что достоин лучшего, получает титул благородного и приставку к своей фамилии «лье'», как наш господин Рар, — рассказывает в первый же вечер наг, сам принеся мне ужин.

Свернув хвост в несколько колец, он вполне удобно устроился рядом с моей кроватью. Похлёбывает из фляги что-то приторно пахнущее и разговаривает со мной на равных.

— Получается, я, как и Каан, из королевской семьи, — понять это проще простого даже мне в данный момент, у кого куча свалившихся знаний смешалась в кашу в голове.

— Каан — пятая дочь правителя, тринадцатая в очереди на престол. Поэтому и получила позволение от отца работать в Академии, обучать магов. Будь она хотя бы на восьмом месте, то занималась бы работой на благо собственной династии, — Даар поправляет рубашку, сегодня белую с серебряным шитьем, чуть задрвшуюся. — Ты же совсем другое дело. Возможно, уже успела соотнести свою фамилию и фамилию правящей семьи Севера, не так ли? Так вот, следующей на трон взойдёшь именно ты, наследница северных угодий.

Теперь понятно, что хотела услышать от меня ал'Туган. Но есть вопрос, который надо уточнить у ль'Ву, чтобы в следующий раз быть подготовленной.

— Я искала в книгах, но не нашла ни единого слова о своей семье. Только король то, король сё. Ни о детях его, ни о жене. Даже геологического древа нет, — меня смутило отсутствие информации.

— Северяне народ закрытый, издавна славятся тем, что умеют хранить собственные секреты. Может, именно поэтому там никогда не случались дворцовые перевороты...

— Но ты ведь знаешь, ль'Ву? — в нетерпении перебиваю его.

Он протягивает свою большую ладонь ко мне, поглаживает по голове, успокаивая:

— Какая же нетерпеливая, — звучит совсем не как упрёк. — Да, я знаю. Ведь о тебе было мое первое и единственное предсказание. «Через пламя свечи придёт истинная хозяйка севера». Я и раньше знал, что оно связано с династией ал'Сандров, но, после того, как Нивес заморозила себя, уверился окончательно. Кто бы что не говорил, вернуться с Пустынных земель невозможно. Теперь тебе предстоит жить чужой жизнью и стать во главе северян, когда придёт время. Только вот не понимаю, как можно пройти через пламя свечи?

— О, это я просто загадала желание на день рождения, — умалчивая о подробностях, поясняю.

— Тебя и правда хранят боги.

— Если я наследница, значит, либо единственный ребёнок в семье, либо старший?

— Старшая. У тебя есть младшая сестра-близнец, с которой вы учитесь вместе, и младший брат. Олвен и Луми соответственно.

Вот так сюрприз. Получается, я уже вторую неделю в лазарете, а сестра так ни разу и не навестила. Интересная ситуация, требующая особого подхода.

— А родителей как зовут? — будет то ещё зрелище, если они, прознав о болезни дочери, заявятся в Академию, а та даже их не признает.

— Гвендолин и Иклин.

— Все эти имена что-то значат, я права? — наконец-то догадываюсь.

— Традиция такая. Гвендолин — благословенное дитя, Иклин — сострадание, Олвен — белый след, Луми — снег. И, наконец, Нивес — в честь снежной богини, которая заставила снег не таять на жаре юга во время Первой материковой войны. Это имя было дано тебе, как наследнице. И с ним пришла великая ответственность, запомни это.

Значит, по тому, как зовут человека, можно, как минимум, определить отношение к нему других членов семьи. Надеюсь, это понимание приблизит меня к познанию мира.

«Летоисчисление Материка ведётся с появления первого мага. Он пришёл с Неизведанных земель, что лежат через озёра за Горным северным хребтом. Одежда на нём была необычная, точного покроя и мягких тканей. За спиной котомка. Именно он показал поселенцам, как добывать огонь и использовать его; научил строить хижины, которым нестрашно ненастье: зимой в них тепло, а летом не жарко, никакой дождь не помеха.

В году одиннадцатом после пришествия, чужеземец отправился в путешествие по Материку, составляя первую достоверную карту местности. Он объединил четыре племени и дал им названия согласно частям света, где их повстречал: Северное, Южное, Западное и Восточное. Он же ввёл в народ такое понятие, как «выборы». Однако, такая система управления не прижилась, сменившись монархией. Это обусловлено тем, что именно у Мага родились первые дети, обладающие способностью управлять стихиями. Трое из них и стали королями, четвёртый же отказался, уведя своих людей в леса — так появились Следопыты.

Леец ал'Сандр — защитник; Драго ал'Зида — несущий огонь; Далинда ал'Вула — величайшая предсказательница; Юл ал'Туган — идущий своей дорогой — имена величайших правителей Материка».

— Даже рождение новой звезды тебя бы сейчас не отвлекло, — чуть шипящий голос над ухом застаёт меня врасплох.

Ль'Ву подкрался незаметно, воспользовавшись тем, что чтиво меня затянуло, даже привычного шуршания кожи его хвоста о пол не услышала, склонился и припугнул.

Поворачиваюсь к нему, чтобы разглядеть очередную вышитую рубашку. На крепком мужском теле и впрямь оказывается этот предмет одежды: сегодня темно-фиолетовая без вышивки, но с причудливыми пуговицами, на которых, вглядевшись, можно рассмотреть незнакомые мне руны. Снизу привычно вижу килт (или как он в этом мире называется).

Закрываю книгу, предварительно вложив закладку, роль которой играет простой кусок пергамента, сложенный пару раз, и передаю её Даару.

— О, это же «Полная история Материка от Микона Летописца», — сразу же узнает мужчина, пролистав пару страниц. — Нам её читают с самого детства, а потом мы и сами, научившись складывать буквы, изучаем.

И почему имя историка напомнило мне о Никоне? С каждым днём всё больше убеждаюсь, что я даже не вторая землянка здесь, слишком уж много знакомых словечек, обычаев.

— Лири сегодня утром принесла, сказала, что мне это поможет разобраться во многом. Пока я читаю лишь историю какого-то попаданца, — недовольно фыркнув, откидываюсь на подушке.

— Так и есть, — ошарашивает тремя словами ль'Ву. Потягивается устало и поясняет, — знаешь, как я это понял? Хоть для других и потеряно имя первого мага, в моей семье до сих пор хранят его тайну. Его звали Александр. И в честь отца первый маг льда назвал свою династию ал'Сандрами. Если вдаваться в подробности, то можно заметить связь между именем и тем, что делают до сих пор северяне — защищают.

— Неужели до сих пор никто до этого не додумался? — пытаюсь осознать внезапно свалившуюся информацию.

— Здесь относятся с подозрением к чужеземцам, занимающим чужие тела. И вот уже

несколько веков предпочитают их умертвлять, чем давать шанс, чтобы потом расхлебывать последствия. Как там говорят? «Не делай добра — не получишь зла». Так что банально некому было просветить местных о том, что же значит именитая фамилия. Я рад, что тебе хватило ума не кричать сразу же, кто ты такая, — наг берет из миски на моем столе яблоко, вдыхает его запах, от удовольствия зажмуривая глаза, и кусает, пачкая губы соком. Раздвоенный язык быстро по ним пробегается, собирая влагу. Затем вновь переводит свой взгляд на меня. — Скажу больше, фамилии и остальных королевский родов имеют земное происхождение: Немезида — богиня мщения, народ с юга мстил за истребление драконов; Вавула — ловушка, в которую заманивают хитрые наги других людей; Айтуган — как лунный свет, что освещает тропы Следопытов.

Никогда не думала, что история может быть такой интересной. Удивительно наблюдать сплетение тонких нитей деталей в полотно бытия.

Почему я раньше этого не замечала? Жила, упиваясь лишь собственным горем и одиночеством, не пытаясь сблизиться с кем-то, тем самым продлевая агонию. Ведь наверняка первопроходец-маг Александр именно так себя чувствовал, попав сюда, но не отчаялся, нашёл место в мире, дал себе и своим идеям продолжение.

— С тобой куда познавательнее, чем с книгами, — наконец отмираю, отвечая ль'Ву.

— Приму за комплимент, Нивес, — видит, как я дергаюсь от чужого имени. Утешает, — если не хочешь нажить себе проблем, привыкай к нему. Нет больше Леки, теперь ты Нивес ал'Сандр. Кстати, — вдруг встрепенулся, приподнимается на хвосте, приближая своё лицо к моему, — мне показалось удивительным, как сильно совпадает значение твоих имён в обеих жизнях. Я попал в этот мир, потому что отчаянно любил змей, и одна из них задушила меня. Что же сделала ты? Ну не упал же снеговик тебе на голову, не так ли?

Припоминаю детали своего последнего дня и рассказываю их, пытаясь не упустить даже самую незначительную:

— В тот день было очень холодно. Я пошла в ванную, где тоже меня хорошенько обдало ледяной водой. Зажгла свечу на именинном кексе...

— Ага, с прошедшим, — вставляет ни к селу ни к городу Даар, полностью погрузившись в собственные мысли.

— Свеча! Она была синей, как замёрзшие воды озёра зимой! Я задула её и пожелала семью.

— В таком случае всё ясно. Вселенная посчитала, что здесь ты обретёшь то, о чем мечтаешь. Учитывая, что огонь ты задула, тела южан тебе были недоступны для вселения, вот и отправилась прямиком в освободившуюся тушку наследницы.

— Меня больше волнует вопрос, почему она решила заморозить себя. Ведь знала, что это конец её существования.

— Причина должна быть серьёзной, и нам только предстоит выяснить мотив. Не исключено — кто-то мог помочь будущему правителю Севера отправиться на тот свет, — огрызок от яблока ль'Ву метким движением забрасывает в урну у двери.

И тут же ловит укоризненный взгляд Лири, пришедшей на вечерний осмотр.

— Господин учитель, — строго уперев руки в бока, обращается к моему посетителю, — думаю, вам уже пора. Только и делаете, что пациентке нарушаете режим. Ей восстанавливаться надо, силы копить. И кому, как не вам знать, что лучший способ это сделать, так это отоспаться?

Наг смотрит на неё скептически, затем же вдруг ухмыляется и подмигивает девушке.

— В таком случае, может, ты мне скрасишь вечерок? А ещё лучше ночь, — вкрадчиво подползает к ней. Кончик хвоста Даара покачивается заинтересованно из стороны в сторону.

Оказавшись совсем рядом с помощницей лекаря, тянет свои руки к её талии, но тут же получает смачную оплеуху.

— Иди шипи со своими змеями, негодяй, — даёт Лири уверенный отпор. Силу она вложила в пощечину не малую, вон, теперь потирает о бедро ладонь, ругая себе под нос ль'Ву на чем свет стоит.

— Вечно она так, недотрога, — впрочем, на лице у Даара выражение шкодника, достигшего желаемой цели. Он машет мне рукой, Лири кланяется, — за сим попрощаюсь с тобой, Нивес, пока цел. На днях ещё заползу.

Мне же остаётся сдать в руки девушки. Она подходит к моей кровати, убирает с неё книгу на стол, продолжая ворчать. Но вскоре уже и не вспоминает о бесцеремонном поведении нага, щебечет радостно, со мной ей явно интересно. Померив температуру и отдав ужин, достаёт из вместительного кармана белого фартука небольшую деревянную коробочку. Открывает, показывая на крупный чёрный камень.

— Сегодня лекарь наказал начать подпитку ваших магических сил, госпожа.

Вопрос «что же с этим делать?» совершенно точно отражается на моем лице, поэтому Лири поясняет:

— Вы у нас ещё ни разу с начала учебного года не лечились, перенапрягшись на занятиях, вот и не видели амулет Таар.

Она протягивает его к моей груди, и камень тут же прилипает к гладкой коже. Чувствую тепло, расходящееся от этой точки по всему телу, о чем и сообщаю девушке.

— Значит, всё правильно работает. Сегодня, ал'Сандр, вас ждут очень приятные сновидения.

Сказав эти загадочные слова, Лири хлопком ладоней тушит свет, исходящий от двух сфер под потолком, подтыкает мне заботливо одеяло и уходит. Я же, мучившаяся все эти дни в лазарете от бессонницы, впервые быстро отбываю в царство Морфея.

Вначале я не вижу ничего. Даже тьму. Будто нахожусь в вакууме. Затем органы чувств приходят в себя. Первым делом осознаю, что лежу на траве. Она щекочет кожу, а кое-где и вовсе колется. Провожу рукой по ней, собирая прохладные капли росы. После в игру вступают обоняние и зрение. Полной грудью вдыхаю свежий запах полевых цветов и смотрю на чёрное-чёрное, освещённое лишь звёздами и только начавшей расти луной, небо.

— Тут спокойно, не так ли? — слышу мужской голос совсем рядом с собой.

Дергаюсь, думая встать и рассмотреть, кто здесь ещё, но сильная хватка чужой руки на моем плече останавливает. Меня будто пригвождают к земле, не давая шевельнуться.

— Пусти, — прошу, чувствуя, как страх холодными щупальцами обвивает моё тело, заставляя чувствовать себя беспомощной. Добавляю, надеясь, что поможет, — Пожалуйста.

— Чего пугаешься? Мы там, где нет зла. В принципе, тут вообще ничего нет: ни добра, ни счастья. Даже это небо и поле ненастоящие, — голос звучит чуть ближе, как если бы ко мне приблизились сантиметров на двадцать.

Плечо выпускают, и я расслабленно выдыхаю.

— Ты их сама придумала. Подсознание штука сложная. Странно, что тебяхватило только на это. Я, например, сейчас мыслями на поверхности Сатурна, смотрю на кольца и наслаждаюсь бокалом чудесного тысячелетнего вина. Чудесно? — хмыкает незнакомец, мечтательно описывая свои галлюцинации.

В момент, когда хочу поинтересоваться, что здесь происходит, просыпаюсь. Ни на какой я поляне, а в лазарете, в собственной постели, и меня будит, трясая, Лири.

— Госпожа, очнитесь! — ни капли не щадя меня, ухватившись руками за рукава белой ночной сорочки, теребит из стороны в сторону. Чувствую себя марионеткой с подрезанными ниточками. Девушка наконец видит, что её действия привели к желаемому результату. — Да что же это такое?! Никогда не видела подобного результата от амулета Таар! — она пытается снять камень с моей груди, где он провёл всю ночь, но ей это не удаётся. Поэтому, оглушив меня, Лири кричит в сторону двери, — Господин ль'Ту, у Нивес перенасыщение!

Впервые за то время, что я оказалась тут, вижу своего лекаря. Худощавый старичок с длинной белой бородой и такими же седыми волосами, собранными под обруч, в длинном белом балахоне появляется почти сразу, стуча каблуками своих причудливых деревянных башмаков. Его внешность напоминает того самого Дамблдора, доброго волшебника, из фильма «Гарри Поттер и философский камень». На шее у него висит слуховая трубка на кожаном шнурке, а в руках угрожающего вида щипцы.

— Держи её крепче, девица! — обращается он к своей помощнице с озабоченным видом и начинает приближаться ко мне, не слабо так пугая.

— Эй-эй, притормозите...эм, ль'Ту! — в панике вспоминаю имя мужчины, выставляя перед собой руки в попытке защититься. — Со мной всё в порядке!

Восклицаю это, ни капли не соврав. Самочувствие замечательное, силы так и струятся по моему телу от того места, где чернеет амулет. Да и настроение бодрое. Так почему эти двое так испуганы?

— Камень начал сливаться с вашей сущностью, ал'Сандр. Обычно это происходит, если соприкоснуться с ним не менее недели. На такое идут только самоубийцы, перед войной, чтобы задействовать в сражении весь свой потенциал. У вас же это началось всего через

девять часов, — вскидывает руки лекарь, недоумевающая, как же такое может быть. И вновь берётся за щипцы.

Отползаю к самой спинке кровати, натягивая одеяло до носа.

— Не дамся, — твержу упорно, — хоть живьем режьте, но не дамся!

Лекарь и его помощница переглядываются, явно решая, что делать с приступом сумасшествия у пациентки — об этом ясно говорят их глаза, вытаращенные так, будто вот-вот выпадут из глазных яблок. Вылитые лори, такие мелкие зверьки из юго-восточной Азии на Земле.

— Срочно вызывай ль'Ву, только он эту полоумную сможет уговорить, — наказывает старичок Лири, указывая рукой в сторону выхода.

Девушка срывается с места и моментально скрывается из виду. Ль'Ту же берет стул и усаживается рядом со мной. Смотрит внимательно. Молчит, тем самым нервируя меня всё сильнее.

Через бесконечные пять-семь минут дверь вновь распахивается, впуская в комнату лазарета Даара и семенящую за ним девушку. От игривости, что была вчера между ними, сейчас не осталось и следа.

Наг, не изменяя собственной традиции, одет в столь ранний час в рубашку — ночную. На нем действительно пижама. Фланелевый килт плиссированный и сорочка нежного голубого цвета с медвежатами. Комичности образу добавляет и ночной колпак с кисточкой поверх растрепанных волос мужчины. Не удержавшись, хихикаю, и с удовольствием наблюдаю, как всегда сдержанный ль'Ву краснеет от смущения.

Кашляет, прочищая горло со сна, и подползает ближе.

— Итак, что у нас-с-с за проблема, Нивес-с? — осматривает меня на предмет повреждений. — Лири с-сказала, ты не хочешь с-с-снимать амулет Таар.

Снова мои слова переиначили.

— Не я не хочу, а он сам прицепился к коже, как пиявка, — пальцами указываю себе на грудь. Затем подцепляю края и тяну, конечно же камень не двигается с места. Ни на миллиметр. Но чувствую исходящую от него вибрацию. Тыкаю обвиняющее в ль'Ту, — посмотри на эти щипцы. Он хочет меня распотрошить, Даар! Жуть какая. Мне казалось, что я в лазарете, а не в пыточной.

— Если не вытащ-щить Таар, то это может оказать негативное влияние на твое магическое ядро, — поняв по взгляду, что я понятия не имею, о чем он говорит, ль'Ву пускается в объяснения. — Природа магии у человека объяс-с-няется его происхождением. Чем чищ-щ-ще и благороднее кровь родителей, тем ярче и мощнее магичес-с-ское ядро их ребёнка. Именно поэтому здесь нет метис-сов — детей от людей с разной магией. Амулет нужен, чтобы вос-с-становить нулевой резерв, а не с-слиться ним. Если не вытащить сейчас, ты можеш-ш-шь умереть.

В очередной раз поражаюсь умению нага шипеть при посторонних. И тут же задумываюсь, почему он так легко сказал о метисах, которых тут не существует. Уж не раскроет ли тем самым тайну своего иномирного происхождения перед лекарем и его помощницей? Но, похоже, нага это ничуть не волнует, на лице нет беспокойства.

— Но я чувствую себя нормально! — утверждаю в который раз. — Никаких изменений, разве что стала чуть более бодрой.

В этот момент, будто в подтверждение моих слов, из руки неожиданно вырывается льдинка и падает на пол, разбиваясь на сотни кусочков.

— Началось, — со страхом в голосе говорит лекарь, поднимаясь со стула и вновь вооружаясь щипцами.

Пугаюсь настолько, что единственной мыслью в голове бьется: «Пусть исчезнет чертова ледышка». И с удивлением вижу, как та вначале тает, а затем и вовсе испаряется, будто температура в комнате внезапно возросла.

— Ль'Ту, это точ-ч-чно не реакция на амулет, — глаза нага всё ещё обращены на пол, где лишь небольшое тёмное пятно напоминает о том, что там совсем недавно лежала сосулька, распавшаяся на части. — Здес-с-сь что-то другое. Магия ал' Сандр это с-создание и управление льдом, но уж никак не всей водной с-с-стихией. Меня здес-сь мало, нужны ал'Туган и ректор Академии, — немного подумав, добавляет, — Алона не зовите, иначе от их взаимодейс-с-ствия с девочкой может и рвануть.

Комната от посетителей пустеет, оставляя меня лишь с Дааром.

— А теперь слушай меня внимательно, — вновь переходит на нормальный, человеческий язык без всяких змеиных заморочек. — Сейчас сюда придут все, кому интересна такая диковинка — ледяная девчонка с новыми способностями. Твоя задача: убедить их, что это нормально и уже случилось с кем-нибудь из рода северян. Хоть с бубном пляши, но добейся того, чтобы они уверились в твоей лжи. Иначе ал'Туган отправит тебя напрямик на тот свет, даже не сообщая родителям. Будь настойчива в своих словах, поверь в них сама, ведь ректор у нас опытный, легко может определить, кто говорит правду, а кто нет.

— Да как же я за такой короткий промежуток... — паника захватывает с головой.

Отрезвляет пощечина от мужчины. Такая сильная, что голова дёргается в другую сторону. Зато мысли приходят в порядок.

— Соберись, я тебе сказал, — ль'Ву и сам на нервах. — Иначе пострадаешь не только ты, но и все Приходящие, что есть в этом мире. Хочешь массовой проверки? Она затронет не только взрослых, но и совсем малышей. От тебя зависит будущее тех, кому был неожиданно дан шанс на вторую жизнь.

Так. Успокоиться. Проще сказать, чем сделать. Выпрямляюсь на кровати, подкладывая под спину вторую подушку, прикрываю глаза. Вдох через нос, выдох через рот. Ещё раз. И ещё. Пока страх не сворачивается клубком где-то рядом с мышцей, перекачивающей кровь по моему телу. Дыхание выравнивается.

— Уже лучше, — хвалит Даар, — сердце не колотится, как сумасшедшее. — Оглядывается на дверь и предупреждает, — они уже совсем рядом. Приготовься.

Открываю глаза и вижу, как она распаивается, впуская тех, кто мне уже знаком и кое-кого нового — ректора. Новая фигура на шахматной доске. Из игры «Новый допрос» должна выйти победителем я.

Первой в поле моего зрения появляется голубокожая ал'Туган. Сегодня она выглядит менее феерично, чем в наши прошлые встречи. Может, потому что раннее утро, может, ей просто надоело изощряться в выборе нарядов, но факт остаётся фактом, Каан куда больше идёт чёрный брючный костюм с приталенный пиджаком, из-под которого виднеется голубая шелковая блуза, почти сливающаяся с оттенком кожи девушки. На шее у неё нитка жемчуга, подчеркивающая хрупкость ключиц и тонкую, длинную, словно лебединую, шею. Волосы заплетены в простую косу с закрепляющей её чёрной лентой, на ногах же туфли на плоской подошве, наверняка очень мягкие и удобные — кожа, из которой они сделаны, даже издалека кажется тщательно выделанной.

За ней следом идёт, видимо, ректор. Это мужчина лет тридцати, больше дать просто невозможно. У него лицо с четко очерченными губами, скулами такими острыми, что можно порезаться, наверно, если дотронуться. Пронзительно серые глаза взирают на меня из-под чёрных густых, но аккуратно постриженных, бровей. Меж ними залегла морщинка. Такая появляется, если человек часто хмурится, видимо, у ректора много забот. Длинные чёрные волосы гладким блестящим водопадом спускаются на идеально прямую спину. Голову мужчины венчает корона с острыми зубцами, на иссиня-чёрном фоне которой ярко выделяются три бриллианта, блестящие в редких лучах солнца. Одет он в сюртук, тоже тёмный, длинные рукава и полы которого скрывают фигуру. На ногах сапоги из темно-зелёного материала. Одного взгляда, брошенного на ректора, хватает, чтобы понять, насколько он красив, что не умаляет его мужественности и достоинства, с которым он держится перед другими. В нем видна порода, воспитание и осознание собственного великолепия.

— Давно мы с тобой не виделись, ал'Сандр, наверно, с момента вступительного экзамена, — ректор улыбается приветливо, но в его глазах холод.

— И впрямь, — мой язык работает быстрее мозга, ляпаю, не задумываясь.

Тут же вижу хищную улыбку мужчины, промелькнувшую за доли секунды на лице.

— Вот это память, однако, помнить то, чего не было.

Понимаю, что он меня подловил, да ещё так быстро, что и моргнуть не успела. Но времени сокрушаться нет от слова совсем.

— У неё амнезия, — тут же приходит на подмогу ль'Ву, встискиваясь между мной на кровати и ректором. — Нивес-с-с, это ректор нашей Академии, господин Раад л'Валд.

Наг объяснял мне, что есть только три обращения: ал', ль' и лье'. Так откуда же взялось «л'»? Нужно будет позже поинтересоваться у него.

— Рада познакомиться, господин ректор, — тяну гласные в словах, чтобы звучало максимально мерзко. И приторную улыбочку на лицо натянула.

Изначально хотела быть вежливой с ним, но он сам запросился. Впрочем, моё откровенное отсутствие вежливости никак не смущает л'Валда. Он улыбается мне также притворно, как и я ему.

— Причина, по которой я здесь, всем и так известна, — чинно говорит он, приближаясь ко мне. Усматривает пятно от испарившейся ледышки на полу, ухмыляется. Даже носком сапога зачем-то его потёр. Обводит комнату взглядом и, поняв, что нет лишних ушей, продолжает. — В это раннее чудесное утро я планировал хорошенько отоспаться, но

появление в моих покоях глубокоуважаемой ал'Туган, — почтительно кивает Каан, — нарушило весь распорядок. Она утверждает, что произошло неслыханное — изменение сути магии у одной из студенток. И этой студенткой являешься ты, ал'Сандр, принятие в Академию кого я очень не хотел.

Интересно девки пляшут. Мне это было неизвестно, и теперь хочется знать, почему наследницу одного из древнейших родов не хотели обучать.

— Я написал лично вашим родителям об этом, однако, они уверили, что ты не принесёшь никаких проблем. Теперь же мне предстоит разобраться, что случилось с амулетом Таар, твоей магией и личностью. Ль'Ву, не собираюсь я это дитя есть, что вы так трясётесь над ней? Дайте-ка лучше мне рассмотреть такого талантливого ребёнка.

Рукой л'Валд указывает нагу, куда тот может переместиться, и тому волей-неволей приходится подчиниться. Теперь он располагается по правую руку от меня, удобно устроившись на свернутом в несколько колец хвосте.

— Талантом не назовёшь то, что может и ребёнок сделать, — говорю то, что и просил Даар. Лгу, ведь правды и сама не знаю.

Раад вопросительно вскидывает бровь, что, впрочем, совсем не меняет выражение его лица. Я послушно продолжаю:

— Северяне пользуются льдом, потому что это удобно, но это же не значит, что они не могут изменять его по своему желанию. Наша стихия — вода.

— И почему же до этого никто не демонстрировал в Академии таких навыков? — теперь в разговор вмешивается Каан. — Девочка, ты осознаешь, что твоя ложь может обернуться против тебя?

— Я всего лишь надеюсь на благоразумие присутствующих, открывая им один из секретов своего народа. Вы ведь оставите мои слова в тайне? — и глазами хлопаю наивно, мол, вот какая хорошая, а вы мне даже не верите.

— Как же я должен проверить в таком случае правдивость твоих утверждений? — л'Валд справедливо рассуждает.

Камни на его короне вдруг начинают сиять ярче, что не скрывается от чужих глаз.

— Видите, ректор, она не лжёт! — первым реагирует ль'Ву, немного некультурно тыкая пальцем в сияние бриллиантов. — Всем известно, что амулеты Ки распознают правду, а у вас их целых три.

Теперь л'Валд выглядит действительно озадаченным. Понимаю его. С одной стороны, тот осознаёт, что происходит фарс чистой воды, с другой же не может отрицать действия своих камешков. Как говорится, помощь пришла, откуда не ждали.

— Им уже две тысячи лет, вдруг магический потенциал себя уже исчерпал? — как змея, выворачивает ситуацию ректор. — Ль'Ту, у тебя остался запас Ки?

Старичок, прежде стоявший в стороне и не принимавший никакого участия в том, чтобы вывести меня на чистую воду, даже голову поднимает от пола, где до этого рассматривал свои туфли. На его лице недоумение, мол, «кто я и что здесь делаю?».

— Что? — переспрашивает, смотря на л'Валда.

— Камни Ки где, старик? — всё, минус спокойствие ректора. Он хищно щурится, мне даже на секунду кажется, что появляется клюв, а за его спиной чёрные крылья, но через секунду иллюзия рассеивается. Рукой он манит к себе подчиненного, намекая, что хочет видеть его поближе. — Так что, ль'Ту?

— Господин ректор, сиятельный л'Валд, тут такое дело... — заискивающе начинает

пожилой человек, наматывая кончик бороды на палец, тем самым выдавая своё волнение.

— Не мямли, старикашка, говори уже.

— Так нет-с их, камешков, — наконец решается сообщить тот, пунцовея щеками.

— Куда дел, проныра? — Раад уже на самом краю своего терпения, кажется, железного, если до сих пор не тронул лекаря.

— Да тут они, — нарушает напряжённую атмосферу Лири, вновь внезапно появляясь в палате, будто материализуясь из телепорта.

Она в руках держит бутылку из прозрачного стекла, наполненную желтоватой жидкостью, на дне которой серебрится необычная пыль, видимо, от размолотых камней.

— Ты что же это, из камней Ки настойку сделал от похмелья? — глаза у л'Валда расширяются, как и у других присутствующих. — Драгоценный артефакт перевёл, чтобы у тебя голова не болела после ночных возлияний?

Теперь я вижу совершенно точно. Сюртук покрывается оперением, за спиной ректора огромного размаха вороного цвета костяные крылья, а лицо, как у ястреба: с маленькими внимательными глазами, высматривающими свою добычу, острым клювом, готовым растерзать любого, и двумя точками ноздрей вместо носа.

Пока я недоумеваю, что происходит, лекарь бросается ему в ноги, с глухим стуком кладя голову на пол. Больше похоже на поклонение древнему идолу, чем на извинения.

— Давно, старикашка, тебя заменить пора, — шипит хищным коршуном мужчина, что только человеком был. — Все нервы за одно столетие вытрепал!

Не успеваю опомниться, а Раад уже бросился к ль'Ту, одним движением клюва пронзая чужую плоть. Короткий вскрик, и вот у меня уже нет лекаря, лишь бездыханное тело в луже крови.

Другие же ничуть не удивлены происходящему, смотрят безразлично на совсем недавно говорившего человека, будто подобное у них на глазах происходит чуть ли не каждый день.

— Каан, — ректор возвращается к людскому виду: перья исчезают, клюв тоже. Ал'Туган кивает, показывая, что внемлет. — Завтра в «Вестях» размести объявление: Академии требуется новый лекарь. Да в этот раз подыщи кого поумнее и без привычки пить всё, что горит. Если вновь прогадаешь с человеком, на его месте, — длинным тонким пальцем указывает на труп, — будешь ты.

Голубокожая красавица вновь понятиливо кивает, уверяя всем своим видом, что слова мужчины услышала.

— А ты, ал'Сандр, не думай так легко отделаться, — теперь серые глаза хищника впериваются в мою тушку, испуганно жмушущая к телу нага, что попытался было прикрыть мне глаза перед расправой над лекарем, но не успел. — Камней Ки в этом мире достаточно, чтобы допросить одну маленькую обманщицу.

— Ага, буду ждать с нетерпением, — неизвестно откуда во мне берётся храбрость, чтобы язвить. — И лекаря нового тоже хочется увидеть. Интересно, что за сумасшедший тут останется, когда я ему расскажу историю предшественника.

Удостаиваюсь на прощание презрительного фырка. Взмахнув полами сюртука, ректор уходит вместе с ал'Туган. Лири же поспешно хватается за метлу со словами:

— Теперь и амuletами не воспользоваться, пока хранилище не примет новый лекарь. Эх, всё руками, всё руками.

И пытается смести тело старичка. Думаю её вразумить, ведь невозможно так убрать, на скидку, килограмм семьдесят веса, ан нет, она точно знает, что делать — ль'Ту медленно,

но верно движется в сторону двери, оставляя за собой кроваво-красный след. Малоприятное зрелище, и, видимо, я ещё не такое увижу.

Шок приходит не сразу, какое-то время со мной все в порядке, я даже отвечаю на вопросы Ль'Ву, впрочем, не запоминая их. Чужие слова ускользают, как песок через пальцы. А потом впадаю в полнейший ступор, тело отказывается повиноваться. Дрожь проходит по нему всякий раз, как вспоминаю чужой острый хищный клюв. Черт побери, такое даже в кошмарах мне ни разу не снилось, не то чтобы я рассчитывала наяву увидеть подобный ужастик.

— Ну ты чего? — спрашивает наг, ободряюще поглаживая меня по голове. Не отходит ни на шаг, сверяется с моим самочувствием, подмечает каждую меняющуюся деталь в моем облике. — Испугалась, понимаю. Я тоже был шокирован, увидев, что за нравы царят в этом мире. Пока ты о нем знаешь только из книжек, судить тебе сложно, но, поверь мне, он очень жесток. И надо делать всё, возможное, чтобы выжить. Не знаю, какие силы или, быть может, боги нас сюда занесли неведомым образом, но необходимо ценить данный самой судьбой второй шанс на жизнь.

— Я впервые увидела смерть другого человека, — поднимаю глаза на мужчину. — Мне сложно принять то, как легко ректор разделался с неудобным. Ну и что, что лекарь был пьяницей, все мы не без порока, но это же не повод!

Даар притягивает меня к себе, обнимая. Как же давно никто не был ко мне так близко. В детском доме не принято проявлять свои чувства подобным образом, там каждый за себя, выживает, как может. Я помню только из далекого детства, когда ещё была совсем маленькой, объятия нянечки, когда заболела ветрянкой. Тогда у меня поднялась температура под сорок градусов, и молоденькая, только после училища, девушка, следила за тем, чтобы мне не стало хуже. Сидела рядом с моей постелью сутками, обтирала от пота, прикладывала компресс на лоб. В моменты, когда становилось совсем худо, притягивала к своей груди, напевая тихо колыбельную, убаюкивая меня, пока я не забывалась болезненным сном.

Объятия Ль'Ву другие. Сильные мужские руки держат крепко, будто я добыча, но при этом бережно. Надежно. Сразу почувствовала себя как за каменной стеной — защищённой. Сердце Даара гулко бьется в груди, как будто у него там не простая мышца, перекачивающая кровь, а камень, вот-вот пробьющий грудную клетку.

— Так спокойно, — одновременно говорим мы с нагом.

И тут же разжимаем объятия, стараясь оказаться друг от друга подальше. Он выглядит смущенным, уверена, и на моих щеках появился стыдливый румянец.

— Бесстыдник, — кидает презрительно Лири, закончив с уборкой тела. На полу теперь ни пятнышка, ничто не напоминает о трагедии. Затем обращается ко мне, предупреждая, — этот подлец за каждой юбкой волочится, не вздумай купиться на чужое очарование. Не порть девочку, засранец. — Грозит Даару пальцем. Затем вытаскивает из своего бездонного кармана на фартуке шкатулку. — Вот, лучше просвети ребёнка, чтобы она больше не попала впросак.

Она выкладывает на прикроватный столик пять камней из неё: чёрный, серебристый, красный, зелёный и оранжевый. Ль'Ву, бросив на них один взгляд, тут же подхватывается с места.

— Ль'Ту же говорил, что камней Ки больше не осталось! — переводит шокированный взгляд на девушку.

— Ага, стала бы я ему доверять все амулеты, как же. И правильно сделала, видишь, чем всё обернулась, — фыркает, видимо, вспоминая, как ректор накинудся на меня. — Давай, сердцеед, лучше примени свою голову, а не головку, и просвети ученицу.

— Твой язык всё такой же острый, как и в нашу первую встречу, — ль'Ву отвечает поклон помощнице лекаря.

Та на это лишь глаза закатывает и выходит из комнаты, оставляя меня наедине с учителем.

— Не смотря на то, с каким ехидством Лири об этом сказала, она абсолютно права. У тебя недостаточно знаний, чтобы из лазарета выйти, не то что из Академии, поэтому слушай. Вот эти два камня ты знаешь: Ки и Таар, — указывает пальцем на два крайних. — Таар служит для подпитки магических сил, его добывают в горных рудниках. Ки же нужен не только для того, чтобы кого-то уличить во лжи. У него множество полезных свойств, например, лечебных. Именно по этой причине Ль'Ту его в настойку добавил. Ещё порошок из камня Ки отлично заживляет ранения и ожоги, а также является единственным средством для лечения такого заболевания как осквернение, которому подвержены дети южан. Его найти может только человек с чистым средством, именно поэтому так ценен — мало у кого кристально светлые помыслы в этом мире. Красный камень это так называемое яйцо феникса. По преданиям, первые такие амулеты нашли именно в гнёздах этих птиц, отсюда и название.

— Тогда сейчас берутся откуда красные камни? — вполне логично предположить, что уж точно не из гнёзд.

— Их добывают Следопыты, люди с Запада. А свои секреты они никому не открывают, так что неизвестно.

Теперь посмотри на зелёный, видишь, там посередине есть золотистая полоса?

Присмотревшись замечаю тонкую, едва заметную. Киваю.

— Это полоса — самое главное. Если по ней разрубить камень, то внутри сохранится магия, необходимая для управления погодой. На Материке огромные проблемы с климатом, из очень засушливых летних месяцев меняется почти без перехода в морозные зимы. Зелёный камень — погодный, запомни.

И последний, оранжевый. Как думаешь, для чего он?

Мысленно перебираю варианты, даже не представляя, какой из них окажется верным. Что может быть правильно: для освещения, для учебы, для развлечения? Решаю сказать первый попавшийся:

— Чтобы сохранить тепло? — робко поднимаю глаза на Даара.

— Нет. Это просто камень света. Посмотри под потолок, именно они там летают.

Черт, так и знала, что первое предположение было правильным.

— Их делают маги с Юга, так что недостатка нет, это не дефицитный товар, но камни приходится постоянно подзаряжать, поэтому в Академии даже создали подработку для студентов с побережья: они подпитывают амулеты света, а мы снимаем с них часть оплаты за обучение.

То есть, эта шарашкина контора ещё и не бесплатная? Вот так новость.

— И почему нынче цена образования? — как бы невзначай спрашиваю, однако сразу получаю пару удивленных глаз. — Ну что такого я сказала, что лицо искривилось?!

— Извини, — выглядит Даар действительно виноватым. — Просто порою забываю, что ты не отсюда. Поясняю: у твоих родителей точно достаточно денег, чтобы оплатить учебу

своим детям.

Вспоминаю о маленькой такой детальке, что меня беспокоит уже некоторое время.

— Почему моя сестра меня ни разу не навестила? — интересуюсь, пока ль'Ву складывает камни обратно в шкатулку, те глухо стучаются о мягкое дно.

Разве между близнецами не должна быть нерушимая связь? Когда один чувствует боль другого, эмоции общие и прочие чудеса. У нас в приюте была двойня, мальчик и девочка, так они друг от друга даже во сне не отлеплялись, держась за руки, были друг за друга горой.

— За несколько месяцев, что вы тут, я и тебя-то видел только на лекциях, что уж говорить о сестре, которая и вовсе никак не выделялась из общей массы?

— Стало быть, я выделилась? — хватаюсь за соломинку оговорки.

— Трудно не знать наследницу северных угодий.

— Что же вы все заладили: «Наследница то, наследница это»?

— Стоит тебе выйти из лазарета, как поймёшь, какая теперь ответственность на тебе. Это не шутки, Нивес.

Ещё бы чуть-чуть и, уверена, я бы начала передразнивать этого змеиного зануду. Но его слова насторожили. Само слово «наследница» звучит, как куча ответственности, неужели мне и правда придётся принять бразды правления на себя? Я же ничего в этом не смыслю, уж не натворю ли делов?

Я вновь на том самом поле, пахнущем цветами, перед глазами бескрайнее чёрное небо, освещённое тысячами звёзд, многие из которых уже погибли. Веду рукой по траве, собирая росу пальцами.

— Я уж думал, что ты не появишься, — снова голос незнакомца.

Сегодня тут немного иначе, чем в первый раз. Это я лежу на поляне, а мужчина устроился с удобством чуть поодаль в складном походном кресле у небольшого костра. Отблески пламени достаточно освещают его, чтобы позволить мне рассмотреть чужую внешность. На вид ему лет тридцать-тридцать пять, ноги длинные, так что, на вскидку, роста под два метра. Коротко стриженные волосы каштанового оттенка, карие глаза, правильные черты лица — ничего примечательного, но взгляд всё равно то и дело возвращается к незнакомцу, чем-то цепляет. Одет в простой спортивный костюм, если рассмотреть, то можно заметить полоски и лейбл «адидас». В руках держит ветку от дерева, непонятно откуда здесь взявшуюся, ведь куда не посмотри, до горизонта во все стороны, нет даже ни единого кустика. А на ветке зефир, который мужчина с самым сосредоточенным выражением лица, будто работает над ракетной пусковой установкой, поджаривает.

— Ты в прошлый раз так быстро смылась отсюда, что даже поболтать толком не успели, — сладость на огне подрумянивается, и он отправляет её в рот, с наслаждением облизываясь. Смотрит на моё недоумение и не придумывает ничего лучше, чем предложить, — хочешь? — протягивает пакет, наполненный зефиром. — Мне не жалко, бери.

Удивительная щедрость. Наконец я отмираю, закончив с разглядыванием самой сюрреалистичной сцены, что только может быть.

— Смотрю, ты на стиле, — киваю на его одежду. — Эдакий пацан с района.

— Есть немного, ностальгия замучила, так что сегодня я в лесу, недалеко от Байкала. Наслаждаюсь тишиной и комариным писком, — бьет себя по щеке. Потом показывает на придавленную букашку, — совсем, изверги, замучили.

— Говорил, что сам можешь управлять этой своей фантазией, так избавься от назойливых кровососов, — предлагаю очевидное, садясь с ним рядом.

Протягиваю руки к костру. Пламя и правда греет. Нехотя расслабляюсь, пододвигаясь ещё ближе, вдруг комары будут доставать и меня, а, как известно, огня они боятся.

— Тогда это будет совсем не то, — из сумки на боку кресла мужчина вытаскивает буханку чёрного хлеба и раскладной охотничий нож. Щёлкает кнопкой, доставая лезвие, и отрезает щедрый ломоть, который после протягивает мне. — Пожарь хлеб, с солью самое то получится.

Его я беру и глазами ищу еще одну ветку, чтобы нанизать на неё выпечку.

— Как ты материализуешь предметы? — задаю вопрос, когда понимаю, что другого выхода не остаётся, если собираюсь принять участие в трапезе.

— Очевидно, что силой мысли.

Объяснение так себе, но за неимением лучшего, пытаюсь сделать тоже самое, прикрывая глаза. Представляю ветку. С листьями, кое-где с почками и едва распустившимися бутонами.

— Хей, нужен был просто кусок дерева, а не ледяная скульптура! — слышу, как стучается кресло об землю.

Распахиваю глаза. Мужчина уже на ногах, на его лице удивление и пальцем тычет за спину. Оглядываюсь и вижу ЭТО: раскинувшись ветвями в стороны, стоит посреди поляны дуб. Он почти прозрачный, потому что изо льда, а на ветру переливаются колокольным звоном хрупкие листья.

— Что это за черт? — теперь в голосе незнакомца восхищение.

Собираюсь ему ответить, что не хотела ничего такого сделать, как меня вновь вытряхивает в реальность лазарета.

— Сестрё-ё-ёнка, я так за тебя волновалась! — противно растягивая гласные, раздаётся рядом со мной голос.

Кажется, наконец, сестра пожаловала.

— Я вижу, что ты не спишь! — чужой голос, чертовски похожий на мой, режет слух.

Всегда ненавидела, когда меня выдергивали из сна, тем более интересного, теперь же не люблю это ещё сильнее — уже который раз меня лишают возможности пообщаться с таинственным незнакомцем из моего подсознания. И теперь мне ещё любопытнее, кто же он, да и вообще, куда я попадаю, отбывая вроде как в царство Морфея.

— Нивес, милая, неужели не соскучилась по мне?

Приходится все-таки обратить внимание на человека, который так яростно пытается со мной заговорить. Оказываюсь права в собственной догадке — это без сомнений моя сестра-близнец. Мы похожи, разве что у неё волосы покороче, да на лице косметики тонна, в отличие от меня, никогда не любившей штукатуриться. Так странно смотреть на себя со стороны, будто зеркальное отражение — новое для меня чувство.

В голове каша. Не знаю, как реагировать на столь внезапное появление родственницы, не дававшей о себе знать несколько бесконечно долгих недель. В каждом слове пришедшей я чувствую фальш. Интересно, а Нивес знала, насколько сестра её не любит? И «не любит» это ещё мягко сказано.

— Я только недавно очнулась, — решаю изображать дурочку. — Напомни, как тебя зовут?

Дурочку с амнезией.

Девушка подхватывается со стула, приближается рывком к кровати и обнимает меня, сжимая в своих худых ручках. Удивительная сила, однако.

— Да-да, учитель ль'Ву говорил, что сейчас у тебя проблемы с памятью, не волнуйся, милая, всё будет хорошо. Я помогу.

И смотрит кристально честными глазами на меня. Если бы не знала, как наплеватьски эта девица отнеслась к пропаже сестры, то, может, и поверила бы, но у меня уже сформировалось заочное первое впечатление.

— Сестрёнка, это я, Олвен, твоя любимая младшая, — представляется, поняв, что ждать от меня начала разговора не стоит.

— Странно, я помню только братишку Луми, — говорю это нарочно и вижу, как девчонка чуть ли не зеленеет от злости.

Она явно рассчитывала на другой эффект, что заявится вся такая сочувствующая и жалостливая, а нерадивая старшая бросится ей на грудь с благодарными рыданиями. Что ж, не всегда же её прихотям исполняться. А то, что Олвен разбалованная, сразу видно хотя бы по гордо вздернутому к потолку носу и ехидному насмешливому взгляду. Такой бывает только у людей, уверенных, что они получают всё, что захотят.

Интересно, как тут осуществляется общение между людьми на большом расстоянии. Магия присутствует, поэтому вариантов множество, но, может, по старинке, и письмами обмениваются. Делаю на это ставку и говорю:

— Да, мелкий прислал мне кучу писем, волновался, что любимая сестрёнка попала в лазарет. Спрашивал о моем самочувствии.

И, видимо, попадаю прямо в яблочко. Мне казалось, что злиться сильнее у близняшки не получится, но, нет, ей удаётся преодолеть очередной предел. Больше на симпатичном личике не написана притворная радость, скорее крайняя степень ненависти.

— Всегда ты такой была. Подумаешь, родилась первой. Всего-то на три минуты раньше. А гонора столько, что наследники других государств обзавидуются.

Пытается перевести дыхание, чтобы продолжить бессмысленные обвинения, но её прерывают:

— Теперь, когда вс-с-се формально-с-сти с-с-соблюдены, и ты увидела сес-стру, больше не с-с-смею задерживать, — ль'Ву появляется из-за двери, будто там и находился на протяжении всего моего нелепого разговора с Олвен.

Та покидает нас без лишних слов, лишь хлопает раздараженно дверью напоследок.

— Ни манер, ни воспитания, — говорит об этой выходке наг, подползая ко мне ближе.

Удивительно, но на нем сегодня не рубашка, к причудливой коллекции змея которой я привыкла, а чёрная водолазка, обтягивающая его отлично сложенную фигуру. Темная ткань великолепно подчёркивает достоинства. Я лишь присвистываю, не сумев сдержаться.

— Спасибо, ты меня буквально спас, Даар, от этой чокнутой, — откидываюсь расслабленно на подушки. — Если бы ты не появился, возможно, мне пришлось выцарапать ей глаза, а то не слишком приятно наблюдать в них такую неприкрытую злобу.

— Я к тебе по делу, — радостным ль'Ву не выглядит, наоборот, он чем-то озабочен.

Замолкает на несколько минут.

В воздухе висит предчувствие чего-то плохого. Не выдерживаю напряжения и прошу:

— Выкладывай, не томи.

— Л'Валд созвал Высший совет. Следующую проверку камнем Ки ты будешь проходить в его присутствии.

«Высший совет впервые был собран в сотом году. В его состав по результатам выбора четырёх поселений вошли маги третьего поколения, имеющие устойчивое ядро, чьи заслуги были признаны единогласно. На повестке рассматривалось принятие общего Кодекса, в котором описаны правила поведения магов в обществе, их права и обязанности по отношению друг к другу и населению, не обладающему способностями к управлению стихиями. В последующие годы совет собирался всего пять раз, и каждый раз это событие было приурочено к важным событиям, вошедшим в историю. Право на созыв совета имеют один из его членов, ректор Академии или же общий консилиум», — читаю в книге, принесенной ль'Ву. Старая бумага фолианта приятно пахнет старой библиотечной пылью и шуршит, стоит перевернуть страницу. Обложка сделана из кожи, что холодит ладони. Сама книга небольшая, умещается в двух руках и листов в ней не больше ста, поэтому никаких неудобств не чувствую, читая её.

— Это особая книга, — поясняет наг. — Сама себя пишет, тем самым дополняя. Изменения в кодексе столь редки, как и созыв, что не стали искать писаря, просто периодически заряжают амулет, который и отвечает за обновление данных.

— Мне иногда сложно понять, насколько этот мир прогрессивен. Только начинаю думать, что он ушёл вперёд от земного, как случается какое-нибудь средневековое дерьмо типа убийства моего лекаря. Скажи, — обращаюсь к мужчине, поднимаясь с кровати, — меня, случайно, не сожгут как ведьму на костре, если посчитают, что я опасна?

Этот вопрос действительно меня волнует.

— Либо так, либо Каан просто испепелит. Боли не почувствуешь, — на лице моего знакомого самое пофигистичное выражение лица, что я только видела.

— Умеешь утешать, прям от сердца отлегло, — стараюсь вложить в свои слова как можно больше сарказма, что, впрочем, не трогает змея.

— Я к тебе пришел не только за этим. Раз тебя вызвал Совет, значит, больше в лазарете делать нечего. Лечить не надо, ведь ты не больна.

Только сейчас замечаю в руке у него объемную кожаную сумку. Ставит её на кровать и открывает маленький замок, показывая, что внутри: темно-синее длинное платье с рукавами, которые, уверена, будут мне до запястий, прозрачный ошейник, чулки и чёрные туфли на плоской подошве.

— Форма Академии для северян, — согласно кивает на мой вопросительный взгляд. — Не идти же тебе на лекции и практические занятия, если Совет оправдает, в этом белом исподнем, — указывает на белую ночную рубашку, в которой я щеголяла все эти дни.

Подцепляю пальцами ошейник.

— А это ещё что за собачий аксессуар?

На ощупь он мягкий, невесомый.

— Пропуск в здание. Каждый из них настроен на ауру одного-единственного студента, своего владельца. Поэтому невозможно присвоить чужой и проникнуть в Академию. Разве что выищется умелец, который будет часами распутывать плетение ректора л'Валда, — усмехается довольно.

— Он их вручную что ли делает? — получаю в ответ кивок. — Сколько же учеников здесь?

— Около пяти тысяч. И каждый год приходит около полутора-двух на первый курс.

Однако. Может, Раад и тот ещё засранец, но о своих подопечных точно заботится. Надо же, никогда бы не подумала, что он готов к такому самопожертвованию.

— Можно не надевать? — кто знает, что за скрытые свойства у этой чудо-штучки.

— Увы, без него тебя просто-напросто не пропустит барьер.

Пока переодеваюсь за ширмой, наг послушно ожидает у кровати. Выхожу к нему в непривычном для себя наряде. Платье хоть и кажется массивным, на деле же почти не чувствуется его вес, хоть и сковывает движения. Последний штрих — прозрачная полоса на шею, что сама застёгивается, плотно облегая кожу.

Выхожу к мужчине и кручусь, показывая себе.

— Тебе действительно идёт, — делает комплимент.

Но я, помня предостережения Лири, не отвечаю на этот выпад. Только не хватало мне попасться в чужие сети обаяния, едва оказавшись в этом мире, не зная всех его законов, порядков и традиций.

Стоит мне переодеться, как начинаю чувствовать себя совсем иначе. Больше нет того ощущения болезненности, будто заново родилась. Вот что значит новая одежда.

— Где я буду жить до совета?

— В своей комнате. Студентам выделено общежитие. Я проведу тебя туда. И там же, на месте, объясню, чего говорить Совету точно не нужно. Согласна?

— Книги... — указываю пальцем на стол, заваленный множеством фолиантов.

— Да ты у нас прямо образцовая ученица, не так ли? Это хорошее качество, которое поможет быстро здесь освоиться и слиться с другими студентами, если пройдёт гладко с советом. Я распорядюсь, чтобы их доставили в твою комнату, не волнуйся.

Даар выводит меня из лазарета, придерживает дверь, уступая место.

— Пойдём через дальние коридоры, чтобы не привлекать ненужное внимание.

Машу Лири напоследок, все-таки она очень помогла мне, заботилась, и следую за нагом. Его хвост, причудливым узором скользя по деревянному полу, задерживает мой взгляд. Чешуйки гладкие, отражают свет факелов. Невольно зависаю.

— Тут может быть громче, чем ты привыкла, — отвлекает меня ль'Ву.

Открывает дверь, и сотни чуть приглушенных чужих голосов оглушают.

Хоть вечер уже и наступил, видимо, студенты не торопятся разойтись по своим комнатам. Гул от их голосов слышен повсюду, похоже, дело в дизайне потолков, те сходятся куполом, оставляя огромное пространство для эха. Вот его-то мы и слышим.

Сами дальние коридора Академии по убранству похожи на Хогвартс. Каменные стены с факелами на стенах, отбрасывающими причудливые, но мрачноватые тени на деревянный пол, который выглядит удивительно прочным, учитывая, сколько людей по нему уже могло пройти. Может, какие-то чары? Такую вероятность не исключаю. Окон в длинном, похожем на пенал, помещении нет, так что освещение только искусственное. Мы проходим несколько сот метров, пару поворотов и оказываемся на лестнице, ведущей вверх.

— Надеюсь, она не двигается, как ей заблагорассудится? — вновь вспоминаю произведение Джоан Ролинг.

— Нет, с чего бы? — наг недоуменно поглядывает своими хитрыми глазами, прищурившись в темном помещении.

— Ну, как в «Гарри Поттере», — отвечаю с заминкой, не хочется выставить себя ребёнком, до сих пор верящим в волшебство.

Хотя тут, думаю, это не актуально, ведь мир-то магический. Кажется, придётся пересмотреть множество своих предрассудков.

— Не понимаю, о чем ты, — полузмеёй выглядит по-настоящему озадаченным. — Что за Поттер? Это какой-то маг?

От удивления даже на месте останавливаюсь, занеся ногу над очередной ступенькой. Перила под руками каменные, холодят руку.

— Ну, в какой-то мере маг. Только не настоящий, придуманный, — рассказываю, в шоке от того, что кто-то может не знать знаменитого волшебника. — Неужели не читал книжек или фильмы не смотрел? Мне кажется, что все видели, хотя бы раз.

— Что такое телевизор? — в очередной раз шокирует меня ль'Ву.

Смотрю в его глаза, полные любопытства, а сама пытаюсь собраться с мыслями. Неужели он жил на Земле ещё до появления телевизоров? Спрашиваю и получаю ответ:

— Я, если припомнить, из восемнадцатого века, а ты нет, получается? — восторгается совсем по-детски, вскидывая руки и останавливаясь тоже. — Сколько там уже прошло?

— Больше трёх столетий, уже второе тысячелетие.

— Так что же мы всё это время болтали о дурацкой Академии и истории Материка? Мне больше интересен прогресс на Земле. Далеко шагнул?

— Мне иногда кажется, что лучше бы он этого не делал.

Наг затихает и вновь продолжает движение, видимо, надоело стоять на месте. Но не думаю, что он так просто забудет о моих словах, ещё не раз заведёт разговор о месте, откуда мы оба пришли.

Наконец доходим до нужного места. Передо мной дверь, простая, из чёрного дерева, без ручки, но зато с зелёным камнем прямо посередине.

— Он работает по принципу твоего ошейника, нужно прислонить ладонь, и дверь откроется, считав ауру, — поясняет наг, беря меня за руку. От неожиданности и чужой близости дергаюсь, но не вырываю. — Давай, не бойся.

Это напоминает считывание отпечатков пальцев, но сейчас молчу, чтобы не вызвать

новый поток вопросов.

Чувствую покалывание, трогая амулет, а затем дверь распахивается, являя мне комнату.

— Что ж, осваивайся, — пропускает меня вперёд ль'Ву, всё ещё не выпуская руку. Красноречиво опускаю свои глаза на неё, как бы намекая мужчине, что пора отцепиться. Тот понятливо отодвигается. — Но я твои слова не забуду и обязательно ещё поговорим. Что ж, осматривайся, не буду мешать.

Он уползает, оставляя меня в одиночестве. Оглядываюсь по сторонам. Комната не выглядит, как общежитие и уж тем более ничем не напоминает мою общую спальню в детском доме. Тут роскошная обстановка. Прямо посередине просторного помещения огромная кровать, которая, я уверена, может вместить человек пять, разлегшихся звездочкой. Она под балдахином, плотные шторы которого сейчас привязаны к столбикам золотыми веревками со смешными пушистыми кисточками. На матрасе одеяло, поверх него покрывало с вышитыми моими инициалами «Н.С.». Вот это сервис, однако. Поверх навалено множество самых разных подушек: маленьких, больших, треугольных и круглых, даже цилиндрические валики имеются. У постели тумбочка на резных ножках, на которой стоит шар, похожий на те, что освещают лазарет. Но я до сих пор не знаю, как ими пользоваться, поэтому просто зажгу свечи, найденные там же.

У большого окна, пропускающего много света в комнату, находится стол, на котором свалены в кучу учебники, что-то напоминающее земные тетради, какие-то свитки, перья, баночки чернил. Неужели придётся учиться писать с их помощью? Представляю это мучение.

Также имеется шкаф с зеркальными дверцами. Из любопытства открываю его, чтобы понять, во что одевалась настоящая Нивес. На вешалках несколько смен академической формы, красный длинный плащ с капюшоном из плотной ткани, видимо, дорожный, несколько платьев, костюм для верховой езды, если я правильно рассмотрела кожаные штаны с характерной вставкой в паху. Под ними, на полочке, чёрные туфли, мягкие даже на вид тапочки, сапоги с высокой голенью. В другом отделении сложено по ящикам нижнее белье, чулки, аксессуары. Богато, но все равно скромно. Либо Нивес аскетична сама по себе, либо не очень-то её и балуют.

«Теперь время многое обдумать», — с такой мыслью прыгаю на мягкую, словно облако, кровать.

После детского дома с кроватью, больше похожей на нары в тюрьме, чем на спальное место для ребёнка, тут, в Академии, я чувствую себя чуть ли не принцессой. Главное, чтобы не на горошине.

Сама не замечаю, как тщательно всё обдумывая, засыпаю.

В себя прихожу, когда сумерки уже спускаются. В окно видно лишь чернильно-синее небо, такое бывает перед заморозками, да полосу багрово-красных лучей солнца, ушедшего за горизонт.

Хлопаю в ладоши, заставляя амулет зажечься мягким светом, этого оказывается достаточно, чтобы не спотыкаться в комнате и рассмотреть всё поближе. Конечно же, первый пункт — рабочий стол. На нем много всего, но, в первую очередь, я ищу что-нибудь из личных вещей Нивес. И нахожу. Небольшую записную книжку, обложка которой обтянута плотной чёрной кожей. На обороте выбиты инициалы девушки — Н.С. Потемневшие от времени страницы сплошь исписаны мелким, убористым почерком. Вглядевшись, поняла, что это личный дневник, первая запись из которого больше похожа на детскую: «Мама забрала моего детёныша горзуна, которого отец привёз с воскресной охоты. Она плохая. Говорит, что горзун, которому я успела дать кличку Оби, откусит мне пальцы. Глупая мама, он же только облизывает ладони». И дальше в том же духе. Через добрые пару десятков страниц наследница рассуждает уже о другом: «Учитель говорит, что дар проявляется, но недостаточно для моего возраста. Отец его заменил на другого. Тот тоже высказался несколько резко. Олвен смеялась, поэтому получила по заднице. Но ночью мне часто снится сон, в котором я гуляю по лугу и разговариваю с мужчиной».

Последние записи касаются времени, когда Нивес, то есть я, уже поступила в Академию. Она пишет о том, как ей тут тяжело, без любимых родителей и брата, что у неё только титул и ей тяжело, невыносимо сложно, никто не воспринимает её всерьёз. Чернильные строки насквозь пропитаны болью, отчаянием и одиночеством. Кажется, я начинаю понимать, что значат слова, которые услышала после пробуждения в этом мире: «Заморозила себя». Действительно, попади я в такую ситуацию, тоже могла бы сломаться. Но в моей жизни все было иначе, даже будущий «суд» не страшит, ведь ничего плохого не сделала. Как там мы русские всегда думаем? Авось повезёт.

Не везёт почти сразу. Утром я благополучно просыпаю подъем и поднимаю голову с подушки, шурясь на лучи солнца, лишь когда в дверь стучат и настойчиво зовут. Без труда узнаю голос моего вечного спутника и помощника в этом мире — ль'Ву.

— Вставай, паршивка, — шипит он, молотя кулаками по бедному дереву. Петли, давно, видимо, не смазавшиеся маслом, скрипят. — Если ты не придёшь, то приговор точно вынесут в пользу ректора. А если опоздаешь — оскорбишь совет.

Я же, потянувшись, ещё не совсем понимаю, что происходит вокруг. До сих пор сонная, реальность не воспринимаю, путаясь в паутине дремоты. Впервые за время, проведённое в этом странном, пока не понятном для меня, мире, спала спокойно, без кошмаров и странного мужчины, приходящего ко мне в «вещих» снах, как я из назвала, хотя, на деле, они скорее осознанные.

Надеваю форменное платье. Так хорошо садится по фигуре, что я задумываюсь, уж не

по меркам ли его шили. Расправляю складки, проходясь по приятной на ощупь ткани ладонями. Туфли тоже подходят замечательно и оказываются удобными. Волосы собираю в простую косу. Какой смысл изгаляться с прической, если вероятность сегодня умереть больше, чем пролёт кометы над зданием Академии.

Ль'Ву терпеливо дождался меня в коридоре, не отвлекая от сборов. Но, когда вышла, увидела, как его кончик хвоста нервно шлепал по полу, поблескивая чешуйками в свете факелов. И в прошлые дни его образы были далеки от простых, но сегодня прям-таки выделился: серебристая рубашка с короткими рукавами, открывающими вид на его мускулистые, будто вылепленные непревзойденным скульптором, руки. Поверх сорочки, на груди покоится тяжелый железный крест, заключённый в круг. И непонятно, какой только силой держится, ведь цепочка не тянется на шею, и это точно не брошь, иначе был бы виден механизм, с помощью которого он крепится.

Меня он осматривает с нескрываемым интересом. Не успею я его уже немного узнать, подумала бы, что змей имеет какие-то виды. Однако, это не так. Закончив, довольно хмыкает.

— Просто и со вкусом, — удовлетворенно возвещает, ухмыляясь. Не к месту добавляет, — ты их всех поразишь.

Некоторых мужчин иногда хочется ударить за глупые слова, а вот вредному нагу и на хвост можно наступить, чтобы лишнего не говорил, тем более в неподходящей ситуации.

— Сомневаюсь, что Высший совет выполняет функции жюри "Модного приговора" или, того хуже, конкурса красоты. Уверена, л'Валд собрал его с одной целью — вывести на чистую воду наследницу ал'Сандров и быстренько от неё избавиться, прежде чем она успеет хоть слово против вякнуть.

— Раньше времени не стоит себя накручивать, — изрекает глубокомысленно Даар.

Разворачивается в тесном для его тела коридоре в ту сторону, с которой мы вчера пришли. Его хвост мягко скользит по деревянному полу, а я замороженно за ним наблюдаю. Так сильно ухожу в свои мысли, что даже не замечаю, как дорога меняется. Прихожу в себя, когда темнота помещений сменяется ярким, слепящим глаза, светом. Запах здесь тоже другой: чистый, без примесей, какие бывают в больших городах от множества людей, машин, разогретого асфальта и мусора, который не всегда вовремя вывозят. Ни разу не бывала в горах, но, думаю, там пахнет также, как здесь.

Поднимаю голову и замираю на месте соляным столпом. Передо мной открывается потрясающий вид. Мы с ль'Ву на скромном крыльце, а перед нами площадь с лестница. И самая дальняя из них заканчивается под аркой готического стиля, устремляющей свой серебристый пик к голубому небу. Чуть ниже, прямо в ней, арка поменьше, увенчанная светильником из матового стекла. Кованные из железа пластины с острыми на вид краями спускаются к земле, укрытой плотно уложенными плитами бежевого камня. На одной из таких плит стоит некто, так плотно укутанный в броню, что рассмотреть настоящую внешность не представляется возможным: плотная кольчуга, высокие кожаные сапоги, на голове шлем, сквозь узкую прорезь которого должно быть, видны только глаза и то с близкого расстояния. В его руках копьё, заканчивающееся закругленным широким лезвием.

— Даар, — зову успешшего отойти на приличное расстояние от меня нага. Тот сразу же останавливается. Оборачивается недоумевающе. Поняв, что он меня слушает, спрашиваю, — кто это?

Мужчина кивает понятиливо в сторону неизвестного.

— Это страж ворот.

Такое название меня смущает, ведь ворот здесь нет. Ни около стража, ни слева от него, ни справа. На всякий случай оборачиваюсь назад, но там только дверь обратно в коридор. Ль'Ву мои метания отлично понимает, потому что сразу же поясняет:

— Ворота не видны, потому что они порталные. Точку входа и охраняет страж. Пока он на своем посту, невозможно пройти без допуска.

— Неужели он сутки напролет стоит на месте, не отлучается ни по нужде, не из-за голода? — слабо мне верится в такой вариант. Хотя, кто знает, может, здесь воинов как-то иначе воспитывают, что те только о порученной работе и думают.

— Если думаешь, что это человек, то ошибаешься. В стражи призывают призраков воинов. Обязательным условием является то, что в своей прошлой жизни он должен был умереть только в сражении. Иначе заклятие не сработает.

Очень даже правильно. Такой страж действительно никуда не денется, ничего ему не понадобится. Самый лучший охранник.

Продолжаем идти как раз в ту сторону. Теперь по бокам от арки сквозь широкие проемы можно рассмотреть пристройки Академии. Здания, сложенные из мелкого серого кирпича настроены буквально друг на друге, теснятся, как селедка в бочке. Темно коричневые крыши из черепицы мягко отражают свет, рассеивая его в пространстве. Вначале не поняла, как такое возможно, но, присмотревшись, разглядела мелкие камни, подозрительно похожие на алмазы, они-то и отражали солнечные лучи.

С каждым шагом все ближе к порталным воротам. Даар не оглядывается, чтобы посмотреть, не отстаю ли я, лишь слегка замедляется. И на том спасибо. Наконец мы преодолеваем последние ступени и оказываемся в паре метров от стража. Теперь могу рассмотреть его получше. Издалека трудно было судить о его росте, но теперь ясно, что он не менее двух метров — возвышается горой не только надо мной, но и над нагом, который за счет хвоста тоже высокий. У него не только кольчуга, но и латы, гладкими пластинами укрывающие шею, грудь, бока, руки. На последних перчатки из толстой, однако, отлично выделанной кожи. В таких удобно держать оружие, чтобы в нужный момент, во время битвы, оно не подвело, соскользнув, когда каждая минута на счету, и малейшая ошибка может стать роковой. Сапоги и впрямь из кожи, жесткой настолько, что голенища стоят, сохраняя форму. Их носки закруглены. Шлем, скрывающий голову стража, тоже обтекаемой формы. По бокам, от висков к макушке, короткие перья алого цвета собираются в форму стрелы. И действительно видны в прорези только глаза, удивительного красного цвета, с чуть подсвечивающейся радужкой.

Увидев нас, страж не двинулся с места. Только развернулся так, чтобы было удобнее защищать место в случае нападения. Во мне борются любопытство и здравый смысл. Как говорится, слабоумие и отвага. Решаюсь и делаю шаг вперед, придерживая платье за подол, чтобы не запнуться об него. От стража доносится рык. Вначале думаю, что мне показалось, но, нет, он действительно натурально так рычит, напоминая звуком волка.

— Даар, чего это он? — спрашиваю шепотом, надеясь, что меня услышат.

Но ответа нет. Подаю голос вновь. И опять тишина. Теперь испуг окатывает меня с головой. Оборачиваюсь, надеясь увидеть сзади ль'Ву, но его там нет. Наоборот, я оказываюсь заключена вместе со стражем в странную сферу светло-голубого молочного оттенка, непрозрачного, вот и потеряла нага. Вспоминаю, что как бы здесь не одна. Делаю шаг вперед, крутанувшись резко корпусом, и сталкиваюсь со стражем нос к носу. Его глаза

впиваются взглядом в мое лицо, будто ища в нем что-то. От страха забываю, как дышать. Секунда, две, три — в тишине, полном вакууме. Напротив меня нечто, чему не могу придумать достойное определение. Странно называть это существо призраком, ведь страж вполне так себе материален. Уверена, если он нанесет удар или же просто даже дотронется, я это почувствую.

Вновь рычит. Но теперь, находясь к нему максимально близко, могу рассмотреть, что шлем открывает вид не только на глаза, но и на рот призрака, когда тот его разевает, выдавая очередной душераздирающий звук. Кровь в жилах от него стынет. Неужели он не разумен?

— Кто такая, что посмела отвлекать стража от его работы? — опровергает мои догадки воин, поигрывая копьем в руках. Выглядит устрашающе, похоже, такого эффекта и добивался. — Разве не знаешь, неразумная дева, как важна работа стража? На мне ответственность за безопасность всех живых существ в Академии и сохранность артефактов и свитков в библиотеке. Если не услежу, то меня развеют без права на перерождение!

Видимо, последнее особенно важно стражу, слишком уж сильный акцент на этих словах получился. Интересно, если я ему сообщу, что на самом деле не "местная", то как он отреагирует? Расскажет ли ректору и совету или же сохранит в тайне? Может, у него в "настройках" призыва что-нибудь интересное придумано, дабы докладывал обо всем призвавшему его магу. Всерьез раздумываю над идеей покаяться чуть меньше минуты, но благоразумно её отвергаю. Как там говорят: "Береженого Бог бережет". И так вляпалась в проблемы по самые уши, еще бы кто-нибудь меня за них потянул, вытаскивая.

— Дева, ты онемела? — проявляет прям-таки чудеса разговорчивости страж.

Наконец я отмираю, подавая голос:

— Просто вы очень...большой, — едва подбираю подходящее слово, скрывая за ним вдруг некстати взявшееся косноязычие. — Никогда не видела столь впечатляющих по своим габаритам воинов.

— Я был первым убийцей драконов!

Произносит это с нескрываемой гордостью в голосе, не зная, что на меня никакого впечатления это не произведет. Наоборот, накатывает злость. Я, значит, никогда драконов не видела, а тут их убивают.

— И что же сделал он, раз ты решил с ним расправиться? Подпалил огнем жопу твоей курицы?

Воин вновь показывает мне свой кровожадный оскал. Однако, после того, как наблюдала расправу ректора л'Валда над лекарем в лазарете, меня подобным вряд ли испугаешь. Так что даже не дергаюсь, когда он почти касается своим лбом моего, согнувшись в три погибели. И с удивлением обнаруживаю, что дыхание у призрака не зловонное, как я представляла. Всё оказалось куда проще — он просто не дышал. Ей богу, будто оживший труп. Но ведь как-то его организм функционировал...

— Впредь не позволяй себе отвлекать стража, — изрек он и, пока я ничего не успела возразить, одним уверенным движением руки отбрасывает меня назад.

Не удержавшись на ногах, заваливаюсь на согретые солнцем плиты, опираясь на них еще и руками для пущей уверенности. Мелкие камешки врезаются в ладонь, причиняя легкую боль. Сфера пропадает, растворяясь прямо на глазах. Страж вновь выглядит безучастным ко всему, будто и не было этих нескольких минут почти дружеской болтовни между нами.

— Нивес, с каждым днем ты удивляешь меня всё больше и больше, — шуршит хвостом

ль'Ву, приближаясь ко мне сзади. — Из ныне живущих только трое магов имели честь разговаривать со стражем ворот!

В его голосе сквозит восторг. Ну не могу же я его расстроить, пояснив, что и разговаривать почти не было.

— Он занудный и мерзкий тип, — недовольно даю характеристику вышеупомянутому индивиду. Добавляю, хмурясь, — хвастался, что убил дракона, представляешь?

На мою последнюю фразу наг реагирует смешно. Дергается вначале корпусом, а хвост, не поспевая за телом, скользит тряпкой по площадке. Размахивает руками, будто хочет остановить, запечатлеть момент, но не знает как. Да и звуки, вырывающиеся из его рта сейчас больше похожи на змеиное шипение. Впервые при мне без посторонних, он говорит в такой манере.

— С-с-сарлейн Великий, — хвост Даара тоже движется хаотично, так что все тело нага буквально скачет в воздухе, как мячик, кинутый чьей-то сильной рукой об стену, — ты уверена, что не ослышалась? Хотя стоп, он же сам сказал, — перебивает сам себя, да и разговор ведет мужчина разве что с самим собой. Собеседник ему точно сейчас не нужен, так увлечен собственными размышлениями. Наконец заканчивает мельтешить перед глазами. Останавливается сбоку от меня, потирает глаза, собираясь с мыслями. — Позже обсудим произошедшее более подробно, а пока нам стоит поспешить. Как уже говорил — Высший Совет ждать не будет.

От площадки порталных ворот, по бесконечно длинной лестнице вверх, в одну из башен, пристроившейся на крышах с алмазами. В ней через узкую винтовую лестницу, касаясь плечами влажной, пахнувшей старой плесенью, стены. И, наконец, оказываемся перед внушительных размеров деревянной дверью с вставками из металла. Выглядит настолько внушительной, что, наверно, простому человеку её не открыть. Думаю, без применения магии это вообще невозможно. И, пока я размышляю, как мы попадет внутрь и перевожу дыхание после долгой изнурительной ходьбы, она сама распаивается перед нами, являя взору огромную залу.

Помещение напоминает амфитеатр из земной истории, в таких устраивали раньше представления с поединками гладиаторов. Но тут есть отличия: над рядами каменных ступеней, идущими вверх, на высоте в десятиэтажное здание, растянут шатром потолок, в котором виднеется небольшое круглое отверстие. Посередине арены стоит древний даже с виду дуб, величественно раскинув свои ветви в разные стороны. Единственный луч солнца, проникающий в зал через отверстие плотной ткани, падает на самую верхушку дерева и рассыпается по его листве, обволакивая его мягким золотистым сиянием. Не иначе магия замешана.

Недалеко от дуба располагается четыре высеченных из камня кресла с высокими спинками, на которых вырезаны непонятные мне руны, а в них восседают два мужчины и две женщины, облаченные в красные балахоны, скрывающие их тела. Лишь головы видны над воротниками, руки же и ноги спрятаны под тканью.

Сейчас на ступенях не протолкнуться, на них сидят студенты и учителя Академии. Что удивительно, никто из них не шумит, переговариваясь или смеясь, стоит сжатая в вакуум тишина. У магов из Высшего Совета глаза и вовсе закрыты, будто они пребывают в анабиозе, не растрчивая силы даже на банальное моргание. Одним своим видом внушают неконтролируемый ужас. Из глубин сознания поднимается ничем не контролируемый

первобытный страх.

— Лучше не смотри на них, — тихо советует ль'Ву.

И мне впервые за долгое время совсем не хочется с ним спорить.

Наступает тишина. Один из членов совета поднял руку, ткань плаща с нее с тихим шорохом съехала, обнажая морщинистую кисть старика, и шум сразу затих, будто неведомая сила заставила всех умолкнуть. Однако, подозреваю, это случилось по другой причине — из-за уважение к этому человеку. Сотни, даже тысячи взглядов устремляются на меня одну. Подобное внимание не то что мне не нравится, оно даже пугает. Стою тут, как экспонат в музее, на который все глазают без стеснения. Как на вещь.

Откуда-то со стороны дерева, будто издалека, раздался тихий перезвон колокольчиков, своей мелодией напоминая журчание весеннего ручейка или песнь вернувшихся весной в тёплые края птиц — чисто и радостно. Члены совета встают, а за ними и зрители, почтительно склоняя головы. С тихим шорохом, будто от хлопанья крыльями, появляется в зале и ректор академии, облаченный сегодня в черно-белый сюртук. Правая и левая стороны могли бы показаться клоунскими, но удивительным образом идут этому жесткому человеку, как будто две стороны личности: светлая и темная, пребывающие в равновесии.

— Уважаемый совет, — обращается он к старикам, в почтении склоняя голову. Камни на короне, что украшают его голову, таинственно поблескивают в чуть тусклом свете. — Вас созвали по моей просьбе, как вы знаете. Ранее я не позволял себе такой дерзости, предпочитая не заставлять вас являться, какой бы не была причина. Теперь же, когда в академии появилась девушка, пытающаяся выдавать себе за местную, хочу, чтобы вы засвидетельствовали результат проверки камнями Ки, так ли это или же ложь, иначе, в случае моей ошибки, а, значит, и приговора, меня сместят с моей должности, следовательно, тысячи моих учеников будут подвержены опасности, лишившись защиты Дзуликого.

Так. А вот теперь мне становится все чудесатее и чудесатее. Что за Дзуликий такой? Ль'Ву ничего не упоминал об этом. Если задуматься, то не рассказал мне вообще ничего об этом человеке. Только имя и известно, а вот кто он, откуда и, самое главное, чего от него ждать — нет. Неизвестность пугает всех. Меня же, оказавшуюся в подобной ситуации, страшит до инфаркта. Боюсь, что если повезёт пройти проверку и выжить после совета, то затем меня совершенно точно хватит удар.

— Господин л'Валд, совет осведомлен о том, как свято вы чтите закон, — старик покровительственно улыбается мужчине. — Поэтому в любом случае наказанию не подвергнетесь, ведь созыв лишь мера предосторожности, хотя к такому событию, как появление в мире Приходящего нельзя оставлять без должного влияния. Что ж, хватит пустых разговоров. Я, Драун ал'Зида, объявляю слушание открытым.

— Нивес ал'Сандр, по утверждению многоуважаемого ректора, вы являетесь на самом деле Приходящей и не принадлежите этому миру. Вы согласны с этим? — задает первый вопрос, сразу же прямой, без лишних расшаркиваний.

Интересно, он думает, что я прям вот так возьму и признаюсь, просто потому что теперь меня об этом спрашивает совет, а не ректор? Или же старик преследует совсем другие цели?

— Подобные предположения являются не только оскорблением меня, но и всего моего рода, бросает на Северные угодия тень, — не выдавая своего волнения, начинаю говорить. Как там? «Быстрее начнёшь, быстрее закончишь». Вот и сейчас та же ситуация. — Сам господин л'Валд проверил меня камнем Ки. Память была потеряна из-за неосторожного

заклинания, а уж точно не по какой-то необычной причине типа переселения души из другого мира.

По залу разнесся шёпот. Удивленный. Будто все они, зрители, не могли поверить в такую дерзость — студентка говорит с советом и ректором, как с равными себе. Я же тем временем продолжаю:

— Дискредитация может дорого вам встать, поэтому прошу лучше выбирать слова.

— Учтем ваши пожелания, госпожа наследница, — с жуткой ухмылкой отвечает за всех ректор. — Но и вам не стоит забывать, чем чревато ваше разоблачение.

Неожиданно та самая девушка из совета двигается, вставая с кресла. Приподнимает руку, и теперь я вижу, что она у нее какая-то странная, будто сшитая из разных лоскутов кожи. Пусть стежки и аккуратные, но смотрится все равно жутко.

— Препираться можно бесконечно, однако, есть быстрый способ найти истину и разойтись, — поворачивается ко мне, окончателью скидывая с головы капюшон. И теперь мне становится по-настоящему страшно: левая половина лица у нее такая же, как и рука, еще и кровеносные сосуды видны под тонкой кожей. Будто и не человек вовсе, а сшитая неизвестным Франкенштейном кукла. Но прежде, чем я пытаюсь отступить, девушка оказывается рядом со мной с вихрем ветра, поднявшего в воздух песок. — Не бойся, дитя, — успокаивает меня тем самым материнским тоном, о котором я слышала раньше разве что из книг или кино. — Если ты не сделала ничего плохого, то и пугаться не стоит. Ты же не сделала?

Отрицательно качаю головой. Ведь это правда. Может, Нивес и натворила чего, что мне неизвестно, но я в теле северянки считанные дни, у меня банально не было времени, чтобы кому-то навредить, даже ненароком.

— Заклинания с камнями Ки вполне хватит. Ранее ты проходила проверку ими, но теперь будет задействована магия членов совета, равной которой не существует в этом мире. Обойти такое, как-то схитрить не выйдет. — Поворачивается к ректору, интересуясь у него, — вас устроит такой вариант?

— Не имею ничего против.

Старейшие маги поднимаются со своих мест, подходят к дереву, подзывая и меня. Я оказываюсь к нему вплотную, чувствую спиной теплую кору и как будто сердцебиение. Но такого же не может быть?! Теплым потоком энергия впитывается в меня, согревая и успокаивая. Удивительное ощущение, которое я еще ни разу в жизни не испытывала. Даже разговоры с незнакомцем в моих снах действуют на меня иначе.

Мужчины и женщины выстраиваются полукругом от меня, каждый из них прикасается своей ладонью к одному из участков на теле: лба, шеи, и двух рук. Кукла Франкенштейна тихонько начинает напевать что-то на неизвестном мне языке, остальные подхватывают. С каждым куплетом песня звучит все громче, и вот ее слова уже набатом бьются у меня в голове, будто я оказалась внезапно в церковном колоколе. В какой-то момент чувствую чужое навязчивое присутствие в моем сознании, буквально требующее рассказать правду. И лишь усилием воли я не подчиняюсь, сжимая руки в кулаки. Ногти больно впиваются в ладони. Это отрезвляет и заставляет меня думать, прислушиваться к голосам, хлынувшим в мысли чужеродным потоком реки, бурлящим потоком смывающим все остальное.

«Признайся, признайся!», — слышу шепот. «Не надо лгать!», — режет по ушам визгом хуже бензопилы. Я привыкла к тому, что моё сознание только под моим контролем, тут же на него началась несанкционированная атака, как пыльным мешком по голове, снося любые

барьеры.

Чтобы хоть как-то уменьшить головную боль, пытаюсь представить комнату в детском доме, в которой я пряталась, ища одиночества от других воспитанников и наших воспитателей: два на пять метров, полностью заставленное стеллажами со старыми книгами. Я там сделала укромное местечко, уложив старое одеяло и плед на пол. Могла часами наслаждаться запахом книжных страниц в темноте, мечтая о лучшей жизни. Вот и сейчас одно только воспоминание облегчило воздействие заклинания на меня. На виски больше ничего не ввинчивается раскаленной иглой, взрывая мозг.

— Все так, как она сказала ранее: девушка из этого мира, не Приходящая. Опасаться нечего, — изрекает Драун ал'Зида, отпуская руки других старейшин.

На его каменном лице впервые замечаю действительно настоящую эмоцию — облегчение явно читается. И не только мной, потому что ректор вновь начинает злиться. Он, конечно, не кидается на старейшину, как на несчастного лекаря в лазарете, но вновь мне чудится его хищная вторая личина. — Согласно законам, Нивес ал'Сандр отныне будет жить так, как и раньше: общаться с семьей и другими студентами, учиться, заниматься развитием своего потенциала. Отныне никто не имеет права усомниться в её личности вновь созывать Совет Старейшин по этому поводу, — а затем совсем тихо, но так, чтобы все услышали, добавляет, — нам как будто заняться больше нечем, как подозревать и проверять невинного ребенка.

Старейшины не все выглядят такими довольными, но смиряются с решением предводителя, посчитав, что ему виднее. Минус очередная забота, когда не стоит волноваться. Интересно, у них тут всегда такое скорое на руку правосудие с непонятным порядком, когда обвиняемый даже не может оправдаться, а тот, кто предъявляет обвинения, может так легко решить чью-то судьбу?

Впрочем, столь скорый суд и радует тоже. Я понимаю, что всё так просто не кончится, л'Валд не перестанет за мной следить и пытаться подловить на лжи, но теперь у меня по крайней мере есть небольшая передышка. Если повезёт, то в течение её смогу подготовиться к последующим шагам коварного и изворотливого ректора, а именно таким он и является.

Больше всего мне непонятна сейчас ненависть к Приходящим. Сомневаюсь, что все попаданцы такое уж зло, ведь они не просто так попадают в этот мир, он сам притягивает к себе души, значит, не просто так. В этом должен быть какой-то смысл, и, чтобы выжить, мне придётся понять, какой именно

Ль'Ву скользит рядом со мной, когда я покидаю зал суда, но не говорит ни слова, наблюдая за теми, кто смотрит нам вслед. Думаю, он видит тоже самое: недоверие, злость и презрение. Другие эмоции пока невозможно различить, видимо, люди и сами теперь не знают, как ко мне относиться — Раад для них непререкаемый авторитет. Может, кто-нибудь и хотел бы пообщаться со мной, попытаться выяснить правду, но страх велик, не стоит рисковать. Я понимаю.

— Молчи, — предупреждает ль'Ву, когда я только думаю спросить, как жить дальше. И снова добавляет, — потом!

Из-за угла выглядывает щуплая девчонка с шипастым ошейником, явно прислушиваясь к нашему разговору, точнее, его отсутствию. Теперь становится понятна настороженность нага. Как там? «Постоянная бдительность!», как говорил Аластор Грюм в книгах про Гарри Поттера, пожалуй, хотя бы это можно использовать в реальной жизни, а вот в-остальном, думаю, Академия местная очень отличается от придуманного магического мира британской писательницы. Взять того же Стража, которого я из любопытства потревожила — да он страшнее Темного Лорда будет. И сколько еще таинственного и пугающего меня тут ждёт только время покажет. Надеюсь, в большие неприятности больше не влипну.

— Открывай.

Тем временем Даар довёл меня до комнаты и явно хочет переговорить, намереваясь перед этим войти в мою спальню. Прикладываю руку и дверь отворяется с тихим скрипом. «Прямо как в фильмах ужасов», — некстати приходит в голову сравнение. Вхожу первой, дожидаясь, пока учитель тоже окажется полностью в помещении, и только после этого закрываю дверь, тщательно проверив, не осталось ли щели.

— Не волнуйся, если закрыто, то никто не подслушает, — вновь просвещает меня мужчина, ухмыляясь. Ему, похоже, нравится показывать себя всезнающим. Ага, уделал подростка, большая честь. Он же продолжает, — приватность — одно из основополагающих правил Академии, потому что семьи учеников хранят тайны, не доступные другим. И детей отсылают учиться только при условии, что эти самые тайны таковыми и останутся. Всё, что обговаривается в этой комнате, тут и останется.

Он устраивается прямо посередине комнаты, укладывая длинный хвост кольцами, скрещивает руки на груди и задаёт свой первый вопрос, подозрительно поглядывая на меня:

— Итак, расскажешь мне, что же произошло на слушании дела?

— Хотелось бы самой знать, — усаживаюсь на краешек кровати, теребя покрывало за уголок. Это от нервов. — Ты же был на моем месте когда-то, и сам вряд ли осознавал едва ли треть происходящих вокруг событий. Так какой ответ ожидаешь услышать от меня?!

Горечь помимо воли вырывается в словах. Как бы я не была рада начать «новую» жизнь, получив второй шанс, пребывать в подвешенном состоянии мне не нравится от слова совсем. Кто знает, на чем еще подловить попытаются.

— Мне как можно быстрее нужно разузнать все обычаи Материка, историю, географию, даже этикет, иначе рискую спалиться на какой-нибудь ерунде, — не обращая внимания на медленно раздражающегося нага, перечисляю, загибая пальцы. Это сейчас куда важнее размышлений о том, почему же меня так и не смогли осудить.

Ль'Ву почесывает макушку, явно задумавшись о чем-то. Открывает рот и вновь закрывает. Наконец заговаривает.

— Ты права, это куда важнее вопросов, ответы на которые вряд ли получим, пока не поймем, что именно происходит.

Теперь уже и он нервно постукивает пальцами по собственной шкуре, явно пытаюсь сосредоточиться. Но ему это удастся с трудом, как и мне, слишком много мыслей витает в наших головах. Как очень быстро можно влиться в здешнюю жизнь, если ни малейшего понятия не имеешь о ней? Подозреваю, что мало читать просто книги, общаться с кем-то другим, тут нужно что-то более действенное.

— А как тебе вариант попытаться сдружиться со Стражем? — Вдруг приходит что-то в голову Даару, о чем он сразу и сообщает. А затем поясняет, — он явно хранит воспоминаний больше, чем любой из ныне живущих, потому что сам просуществовал на этом свете достаточно долго. Уверен, он многое может нам поведать, если хорошенько его попросить.

— И что же он может пожелать в оплату? — Я уже привыкла к тому, что от меня иногда требуют невыполнимого, а тут ещё какое-то непонятное магическое существо, положившее на меня глаз, кто знает, что придёт в его призрачные мозги, точно следует опасаться. Как говорится: предупрежден, значит вооружен. — Мы можем как-то предугадать?

— Нет, тут нужно будет смотреть по ситуации, и также реагировать, без всякой самодеятельности, хорошенько обдумать все, что он нам сможет предложить, — ль'Ву приходит к окончательному решению и кивает самому себе. Тяжко вздыхает, явно устав, хоть день и только начался, — как же это всё не вовремя. Я-то надеялся, что хотя бы этот год в Академии выдастся спокойным, а в очередной раз происходит белиберда.

Неужели нечто похожее происходит здесь каждый год? Если уж я так сильно успела достать нага, то логично предположить, что здесь сплошные приключения. А вот этого мне категорически не хотелось бы, для меня сам факт попадания в чужое тело уже происшествие, страшно от мысли о том, во что это всё может вылиться. Если хоть кто-нибудь кроме ль'Ву заподозрит, что я из Приходящих, то головы мне точно не сносить. Ну и как тут казнят, очень жестоко? В очередной раз убеждаю себя в том, что нужно быть осторожнее и продолжаю разговор:

— Когда я сегодня с ним заговорила, страж явно не испытал огромного счастья, так что ему мешает расплющить меня в блин, если вновь его побеспокою?

— А ты прояви побольше почтения, будь пайнкой, и задавай вопросы только по существу, не беспокой его истинную сущность и все будет отлично, — сыплет советами Даар, видимо, имея какое-то свое знание об этих существах.

— Стало быть, мне надо превратиться в человека, которым не являюсь?

— Нет, просто проявить благоразумие.

Легко сказать, да трудно сделать. Ведь меня буквально раздирает любопытство, подозреваю, что простыми вопросами тут не обойдётся, а если задам какой-нибудь не тот, то

тут же за это огребу. Да уж, ситуация так себе. Но выбора все равно не остается, ведь если я хочу выжить, придётся использовать любые доступные методы. Приходится согласиться, и Даар начинает вводить меня в курс дела, как надо себя вести и как не надо.

— Главное, не смотри ему в глаза, — наставляет меня наг, прежде чем отправить на беседу со стражем. — Это как с дикими хищниками, они считают, что ты их не боишься и напрашиваешься на драку, так и он будет защищать собственную территорию. Проявляй почтение и уважение всеми способами, что только сможешь, тогда, возможно, тебе удастся завоевать хотя бы каплю его доверия, и он поделится с тобой своими знаниями.

— А если он не захочет этого делать? — Такой вариант более вероятен. Кто знает, о чем думает на досуге тот, кто уже отдал своё, а теперь вынужден защищать Академию? Вероятно, у него есть по этому поводу свои соображения. — Как там ты его назвал Сарлейн Великий? Как мне известно, все с подобными именами редко обращают внимание на простых смертных. Сомневаюсь, что и до меня, простой студентки, соизволит снизойти.

— Попытка не пытка, — насмешливо возражает Даар, — и вообще, хватит ныть, как пятилетняя девочка в колодке, чай не на казнь идет, страж в любом случае физический вред нанести не сможет, разве что словесный. Ну поиздевается немного, тебе это лишь на пользу пойдёт.

Умеет утешать, нечего сказать. Сразу видно, у него совсем другие приоритеты в жизни, нежели разговоры со школьником, который находится на грани истерики. А ведь так и есть, я чувствую, что если не успокоюсь в ближайшие минуты каким-то магическим образом, то весь план может пойти на смарку, и никакого союзника в лице стража Академии у меня не будет.

— Если ты так боишься, то даже не представляю, как собираешься выживать в этом месте; запомни раз и навсегда, это тебе не Земля, где о тебе могли заботиться, холить и лелеять, здесь совсем другие нравы, и чем быстрее ты это поймёшь, тем лучше, — наконец выходит из себя Даар, начиная нервно постукивать своим блестящим хвостом по полу. Тот настолько тяжелый, что глухой звук, раздающийся по всему помещению, явно может привлечь что-нибудь ненужное внимание. И впрямь, через пару секунд в дверь стучатся, чей-то громкий мальчишеский голос просит заткнуться, потому что он учит какие-то пятнадцать законов применения зелий в быту. Ль'Ву пристыженно замирает, а затем отсылает ученика обратно к себе. И только после этого продолжает говорить, — и вообще, я не понимаю, чего ты боишься, если я буду рядом с тобой. И, так уж и быть, наложу защитные чары.

Не давая мне времени на размышления, чтобы я никак не возразила, он приближается с удивительной скоростью, складывает правую руку в кулак, шлёпает им меня прямо по макушке. Создается впечатление, будто он яйцо разбил, а теперь противный белок растекается по волосам. Конечно же я злюсь, потому что волосы даже в обличии Невис у меня остались все такими же непослушными, как и раньше, когда я была Лекой Снежинкиной.

— Чего творишь, — пытаюсь оторвать его руку от своей головы, но, даже повиснув всем весом, у меня не получается этого сделать. — Ты зачем яйцо принёс сюда?

— Это не яйцо, а заклинание защиты, и тебе не стоит обращать внимание на то, как оно действует, главное, что теперь совершенно точно тебе не будет причинён физический вред, даже если очень захочет страж, у него ничего не получится.

Наг выглядит довольным собой, а мне остается лишь смириться с тем, как с непонятной теплотой расходится «белок» по моему телу, заставляя вздрагивать от каждой капли. Но,

когда накладывание заклинания заканчивается, я ощущаю удивительное тепло и уют, как будто оказалась наконец-то в родном доме, которого у меня никогда не было. Решительность вдруг поднимается откуда-то из глубины сердца, и почему-то я знаю — разговор со стражем пройдёт плодотворно.

Не знаю почему, но отцепиться от руки Даара я никак не могу. Не смотря на все уверения учителя-друга-засранца, страх сковывает всё тело, и я неловко плетусь рядом с ним, едва переставляя ноги — те постоянно подкашиваются. Это удивительно, ведь даже в детском доме мне редко был ведом такой ужас, а уж страшных вещей в том месте я насмотрелась сполна. ЛЬ'Ву лишь посмеивается, с явным удовольствием держа меня за руку. Его ладонь ощущается тёплой и приятной, сухой и жёсткой, такой, какой должна быть рука у настоящего мужчины. И, кстати, я думаю о том, что никогда прежде не имела такого контакта ни с одним представителем мужского пола. Вот надо же было мне умереть в своем мире, чтобы наконец ощутить подобное. Однако, я не позволяю себе расслабляться, ведь отлично знаю, что Даар тот ещё Казанова, сколько раз я его подлавливала на том, что он флиртует с Лири, кто знает, сколько у него девушек на стороне, готовых по первому зову присоединиться к постельным развлечениям. Что-то мне не очень хочется становиться одной из них. Да и по возрасту мы вряд ли друг другу подходим, нет уж, о любовных интригах мне пока рано размышлять, тут бы разобраться с ректором и учёбой в академии, не проколоться перед родителями и не дать сестре обмануть меня, а всё остальное может и подождать.

Приведя более-менее мысли в порядок, чувствую себя полегче, однако, страх никуда не девается, мне всё также тревожно, как и в моей спальне, откуда мы начали путь ещё минут десять назад. Изредка попадаются ученики Академии, которые идут навстречу. Учítывая, что суд был только сегодня, даже удивительно, что они уже от него отошли, ведь некоторые из них даже со мной здороваются. Другие же чем-то напоминают л'Валда, воротят носы точно также, как и он, или же задирают их прямо к потолку. Но я их не виню, дети всегда копируют поведение взрослых, а тут, насколько мне известно, ректор — чуть ли не икона, на которую все поклоняются. Подозреваю, что если лишнее слово об этом человеке сказать при них, то можно огрести нехилых таких проблем. Надо иметь это ввиду, когда я выйду на учёбу, побольше молчать — вот девиз всех попаданцев.

— Повторяю, предельная вежливость, если тебе было не понятно, — в очередной раз напоминает наг, когда мы подходим к воротам. Я издаleка уже вижу стража, и меня начинает потихоньку трясти. Мужчина легконько поглаживает меня по предплечью, видимо, таким нехитрым способом желая успокоить, но мне становится только хуже, и тогда он начинает по-настоящему злиться, — ты не медуза, выброшенная на берег, чтобы так бояться. Юбки подбери и топай уже решать свои проблемы, как взрослый человек.

«Как будто мне до этого было не понятно», — мысленно ругаюсь на учителя, но всё-таки делаю, как он сказал. Обижаться на него нет смысла. Он мне не отец, не брат и не муж, чтобы я от него ожидала чего-то сверх того, что тот готов дать. Мне вообще с каждым днём все более не понятно, какие с ним строить отношения, каким образом создавать основы для будущего, ведь почему-то кажется, что с этим существом нам придётся общаться ещё очень долго и тесно, не хотелось бы испортить наши отношения какой-нибудь глупостью. А такое вполне может случиться, ведь пусть Даар и с Земли, но, подозреваю, что он уже очень давно живёт на материке, перенял его образ мыслей и вполне этим доволен.

Наконец мы добираемся до места. Издаleка я вижу стража, который, как и сегодня утром, смотрит куда-то в пустоту, иногда покачивая копьём в руке. Всё его, и выражение

лица, и поза, говорят о крайней степени скуки. Наверно, если бы не надо было круглосуточно на протяжении долгих лет заниматься одним и тем же делом, не имея возможности уйти или хотя бы оставить пост на пару минут, то выглядела бы точно также. Даже меня он замечает не сразу, а когда это происходит, то призывающе манит пальцем. Наг тоже не остается в стороне, мягко, но настойчиво толкая меня в спину, отправляет к призраку. Снова начинаю дрожать, как лист на сильном осеннем ветру, но приходится взять себя в руки, чтобы не показать свой страх, идти прямо к Сарлейну. Если бы мне кто сказал, что я способна так бояться, раньше бы я рассмеялась ему в лицо. Теперь же вынуждена смириться с тем, что совершенно не знаю сама себя. Как тут новую жизнь строить, если ещё и на самопознание нужно будет потратить приличное количество времени?

— Дева, я знаю, зачем ты пришла, поэтому сразу отвечаю тебе: нет! — Загадочно произносит страж, смотря мне прямо в глаза. Из-за того, что лицо его скрыто, мне тяжело прочесть чужие эмоции. Приходится довольствоваться собственными догадками. Он же тем временем продолжает, — прежде чем что-то говорить, я предлагаю тебе хорошенько обдумать решение. То, что ты хочешь предложить, не просто так совершается и уж точно не между незнакомыми людьми. А я ещё и человек лишь в воспоминаниях, сейчас скорее сущностью являюсь.

Наш разговор начинает напоминать бред сумасшедшего, настолько всё запутано и непонятно. Откуда призраку знать, зачем я пришла? Почему он отказывается, если никакой просьбы ещё не прозвучало, о чем именно он говорит, говоря, что что-то делается между двумя знакомыми людьми, и никак иначе? Кажется, сама того не желая, я влезла в какую-то странную ситуацию, как её теперь разруливать, даже не знаю. Решаю закинуть первый камешек в чужой огород вопросом:

— Господин страж, вы мне намекаете на какие-то непотребства? — Понимаю, как глупо это звучит, но с чего-то же надо начать.

Обычно безразличный призрак вдруг взвизгивает, гневно поглядывая на меня. Понятно, я зашла не с той стороны. Теперь предстоит его ещё и успокаивать, если вообще это получится сделать.

— Дева, ещё до того, как ты ко мне подошла, я издалека учуял зовущую ауру. И обычно она такой бывает, когда юная леди ищет себе достойную пару. Я конечно понимаю, что достойнее меня вряд ли получится найти, — скромностью страж явно не обделён, так он себя расхваливает и высоко преподносит, — однако, тебе стоит помнить и о том, что живым нужно быть с живыми, я лишь подобия такового, и никогда не смогу быть с тобой вместе. Ведь прямая обязанность партнеров это забота о потомстве, коих я не смогу тебе дать.

Я с трудом держала на лице серьезное выражение. Мысленно же покатывалась со смеху, пытаюсь понять, как до такого дошла ситуация. Неужели в этом мире действительно принято по какой-то там ауре определять, что к тебе идёт человек с предложением встретиться? Думаю, это или существенно облегчает жизнь местным, или же очень сильно её затрудняет. В моем случае явно второй вариант верен.

Как ни странно, ситуацию спасает ль'Ву, внезапно появляясь рядом со мной. То, как бесшумно он это делает, в очередной раз убеждает меня в том, что это не я постоянно не настороже, а у него имеются свои особенные умения.

— Уважаемый страж, Сарлейн Великий, простите, что сия недостойная ученица посмела побеспокоить вас на бессменном посту, она поступила это от своего невежество, — начинает проявлять удивительную вежливость наг, чем немало меня удивляет. Оглядывает

якобы с недовольство меня, но замечаю в чужих глазах искорки смеха. Вновь заводит шарманку, — леди воспитывалась в северных угодьях, там ей часто говорили, что именно девушки выбирают свою пару. Конечно же она не могла пройти мимо такого сильного стража, как вы. Тем более, скоро ей предстоит вступить в наследие, вот она и надеялась найти поддержку.

Страж хмыкает, как будто рассказ ль'Ву его действительно успокаивает. Он больше не выглядит таким уж воинственным, скорее озадаченным.

— В любом случае, мы не сможем быть вместе с леди по причинам, что я уже объяснил, — мне кажется, или я слышу даже расстройство в его голосе? — В Академии множество достойных магов, среди которых наверняка найдётся тот, что покорит юное девичье сердце. Мои же времена свиданий уже давно прошли.

На этой ноте он сам заканчивает разговор и взмахом руки отсылает нас прочь. Я понимаю, что мне больше ни на минуту не хочется задерживаться рядом. Пусть не получилось выполнить задуманного, найти помощника в лице этого существа, но, по крайней мере, я никак его не оскорбила и не выказала неуважения, следовательно, можно попытаться в другой раз.

— Ну, всё не так уж и плохо, как могло бы быть, — с удивительным спокойствием рассуждает Даар, без разрешения беря меня под руку. Обратного-то иду я без страха, ноги не подкашиваются, поэтому действия мужчины становится мне ещё более непонятными. Или же теперь он решил выступить моим защитником? Вряд ли он станет рисковать своим положением ради какой-то девчонки, пусть и наследницы северных угодий в будущем. — По крайней мере теперь мы знаем, что стражу ничто человеческое не чуждо. Вон, как резко распознал ауру поиска пары. Кто бы мог подумать?

Последний вопрос он задаёт сам себе, явно не ожидая ответа от меня. А я и рада лишней раз промолчать. И так слишком много сегодня болтала, чтобы делиться хоть какими-то выводами с человеком, который хоть мне помогает, но при этом скрывает ещё больше, оставляя меня в подвешенном состоянии.

Солнце освещает окрестности Академии. Теперь я могу их рассмотреть внимательнее, чем когда шла на слушание дела. И место кажется потрясающе красивым. Судя по всему, замок стоит на утесе, потому с одной стороны зелень поляны резко обрывается, будто кто-то ножом срезал. Невдалеке от края располагается маленький садик, состоящий буквально из деревьев пятнадцати, но зато каких: высоких и величественных, с яркими, сочными бутонами и плодами, с мощными стволами, которые удерживают свои кроны. И под каждым из деревьев есть небольшая лавочка: на некоторых из них как раз сидят студенты, кто с книгой, кто просто болтает с партнёром, третьи и вовсе спят, подставив тело солнечным лучам. Эти дети явно наслаждаются своей жизнью и не чувствуют никакого ущемления от учёбы в Академии. А также вряд ли над ними издеваются или притесняют, как меня, всего лишь подумав, что я Приходящая (впрочем, небезосновательно). Если смотреть сбоку от замка, то можно увидеть симпатичную большую беседку с резными столбиками белого дерева, под навесом которой студенты что-то перекусывают, хохоча так громко, что слышно даже на расстоянии. Я им конечно же немного завидую — мне этой беззаботности не хватает.

«А собственно откуда ей взяться, если я здесь всего ничего, да и подружиться сама ни с кем не пыталась. Подозреваю, что дела как раз-таки во мне. Может, теперь, когда с меня сняты обвинения, среди однокашников я и смогу найти тех, кто разделит мои жизненные

ценности. Это было бы здорово», — волей-неволей мечты меня иногда захватывают, заставляя думать о том, что можно было бы жить ещё лучше, как обыкновенная девчонка-подросток: гулять с подружками, секретничать, прихорашиваться перед свиданиями. А то как-то несправедливо получается, и в прошлой жизни была серой мышью, и в этой боюсь всего подряд. Так не пойдёт.

В очередной раз я убеждаюсь в своем решении, когда Олвен вновь решает появиться перед моими глазами. И не одна, а с симпатичным парнем под ручку. Лица у них такие красноречивые, что я понимаю — это явно не дружеский визит.

Пока они ещё не совсем близко, решаю рассмотреть спутника моей сестры. Симпатичный юноша лет семнадцати с внешностью человека: никаких хвостов, рогов или копыт. Парень как парень. Правильные черты лица, которые не портит даже шрам на щеке, стягивающий немного розовую кожу; аккуратный ровный нос; светло-карие глаза цвета темной карамели. Некстати вспомнились зубодробительные ириски, которые иногда перепадали нам, воспитанникам, в детском доме. Но смотрит он на меня так надменно, что я понимаю — с Олвен они отличная пара. Пираньи всегда держатся стаями, чтобы было удобнее загрызть добычу.

И вдруг сестра расплывается в медовой улыбочке, натягивая на лицо самое доброжелательное выражение. Дёргает на руку парня, и тот делает то же самое, с видимой неохотой правда. Обычно послушной куклой выступает девушка, а тут юноша является марионеткой. Необычно. Что же такого сделала сестра, что тот чуть ли не в рот ей заглядывает.

— Ах, дорогая, сегодня ты замечательно выглядишь, — продолжая улыбаться, чмокает меня в щеку Олвен, но при этом поцелуй достаётся воздуху. Вот значит как, ей даже касаться меня противно. Это о многом говорит. — Пребывание на свежем воздухе пошло тебе на пользу, теперь на труп неходишь.

Интересно, долго она будет потчевать меня «комплиментами» прежде чем перейдет к сути?

— Когда планируешь снова приступить к учебе? — это уже задаёт вопрос парень.

Что за фарс. Неужели нельзя просто сказать, зачем они тут? Не просто так же разыскали на огромной территории Академии меня.

— Только не говори, что тебя волнует успеваемость сестры? — думаю, как бы повежливее отделаться от неожиданных гостей. Уж не знаю наверняка, какие раньше отношения связывали сестер, но сейчас это явная неприязнь, инициатором которой является младшая близняшка. Ничуть не думая о том, как грубо это звучит, заявляю, — как только так сразу. И вообще, это не ваше дело. Мы даже друг другу не представлены, молодой человек, с чего бы мне отчитываться ещё перед вами.

Тот смотрит удивлённо вначале на меня, затем вопросительно на сестру. Та, вздохнув тяжело, словно ей предстоит вручную перекопать всю территорию Академии, отвечает:

— Милый, у нее какие-то проблемы с памятью с тех пор, как она попала в лазарет.

Олвен уже не скрываясь показывает свою истинную натуру. Даже её спутник удивляется переменам. И, видимо, решает хоть как-то исправить ситуацию, потому что отпускает девушку, подходит ко мне и протягивает руку, представляясь:

— Кирен ал'Вула, — едва протягиваю ему ладонь, надеясь на рукопожатие, как он подносит её к своим губам и целует. Мерзко. Затем зачем-то добавляет, — наследник трона Восточного королевства.

Интересно, он так передо мной рисуется, или же в этом мире каждый раз надо полностью представляться? Так и устать от собственного титула можно, если задуматься. Если же такова традиция, то я не прочь была бы её изменить. Ведь, подозреваю, что большинство детей в этой Академии отлично знают, кто к какой семье принадлежит. Так зачем этим выпячиванием власти и богатства тыкать в нос тех, кто попал на учёбу в этом

место благодаря собственным талантам, а не звонкой монете родителей?

Такая практика существовала и на Земле тоже, поэтому не стоит удивляться, что в чем-то эти подходы похожи. Так было, так есть и так будет всегда — те кто богаче и сильнее, всегда смогут выбить своим детям дорогу в мир, который закрыт для бедных и безвластных. Если задуматься, то это очень обидное практика, особенно для тех, кто всю свою жизнь горбатился и горбатился, лишь бы его дети смогли чего-то добиться, а в итоге получается, что мир все равно закрыт. Только для избранных. Даже удивительно, как меня умудрилась судьба забросить в тело самой наследницы северных угодий, а не какой-нибудь дочери кухарки. Хотя, кто знает, может, там мне было бы куда лучше и проще, по крайней мере не пришлось бы думать о том, что все вокруг хотят меня убить или по крайней мере предать. Теперь же приходится постоянно оглядываться на всех знакомых и незнакомых людей, ожидая подставы от кого угодно. Даже ль'Ву я не верю до конца, слишком уж он загадочный. Но ему я по крайней мере благодарна за то, что он во многом меня просветил об этом мире и не давал в обиду.

И, похоже, я всё-таки умудрилась обидеть наследника восточного королевства, потому что тот поджимает недовольно губы, замыкаясь в себе. И взгляд его больше не кажется мне ни надменным, ни красивым, лишь обыкновенного цвета радужка, просто глаза. Интересно, а чтобы он остался доволен от своего представления, мне нужно было перед ним раскланяться, реверанс сделать или ещё что похуже? Всё-таки, надо мне не только историю читать, но и книги по этикету, чтобы соответствовать своему положению. Подозреваю, что здесь я задержусь надолго, если не навсегда, и не сказала бы, что сильно меня это расстраивает, по крайней мере, насколько я знаю, у Нивес, помимо сволочной сестрёнки, есть любящие родители и младший брат. Вот с ними я и могла бы попробовать наладить отношения, кто знает, чем черт не шутит, вдруг я действительно смогу обрести настоящую семью?

— Приятно познакомиться, наследник, — всё-таки решаю проявить хоть какую-то вежливость, чтобы не ударить окончательно в грязь лицом. Вновь убеждаю себя мысленно, что это необходимо, пусть этот человек и пришел вместе с тем, кому я совершенно не доверяю, он же не виноват в своем выборе, вдруг не знает о том, какая моя сестра на самом деле. В таком случае, может, я смогла бы его переманить на свою сторону, мне уж точно не помешают союзники в будущих делах, которые я ещё не слишком распланировала, но уже держу на заметке в уме. — Меня радует, что вы мне представились вновь, хотя наверняка делали это в прошлом. Прошу меня извинить, однако, после длительной болезни я путаюсь в своих воспоминаниях.

— Наверно, поэтому обвинили в том, что ты Приходящая? — Вставляет свое слово Олвен, не давая ответить тому, к кому я обращалась. Подозреваю, что эта девушка из тех, кто в каждый бочке затычка. — Думаю, ректор прав, ты не моя сестра. Ты совершенно не похожа на Нивес, и тебе меня не обмануть!

Она вновь хватает за руку юношу, и уходит, таща его за собой, совершенно забыв о любых правилах приличия. Тот лишь оглядываться на меня один раз, моргают недоумённо, как бы извиняясь за поведение спутницы. Я остаюсь в недоумении, чего же, собственно говоря, она от меня хотела?

Следующий день для меня становится более интересным, чем все предыдущие. А причина для этого одна — я наконец-то выхожу на учёбу. Конечно же трудности есть, во-

первых я не знаю, где находятся классы для занятий. С этой проблемой помогает разобраться ль'Ву. Приходит ранним утром к моей комнате, стучится, дожидается, пока я соберусь, а затем отводит в первое помещение, которое находится совсем недалеко от того сада, что я видела накануне. Насколько я понимаю, первое занятие по травам. Другие ученики уже выстроились вокруг небольшого огородика, а сзади них блестят на солнце стеклянные крыши теплицы. Учителем выступает пожилая полненькая женщина, руки у неё чёрные от грязи, и даже на лице можно увидеть зелень травы. Как если бы она прыгнула в кусты и каталась в них, как ребёнок. Впрочем, у меня это никакого осуждения внутри не вызывает, наоборот, я радуюсь, что попался преподаватель, который действительно любит свой предмет.

Другие студенты смотрят на меня с недоверием, словно призрака увидели. Это неудивительно, ведь буквально вчера меня пытались осудить на казнь, а сегодня я как ни в чем не бывало пришла учиться.

— Ну вот, главное, не волнуйся сильно, и тогда урок пройдёт как по маслу, — дает мне наставления Даар, а затем уползает, не давая мне ответить.

Приходится присоединиться к остальным студентам, молча, ведь занятие уже началось. Оказывается не все так страшно, вначале учительница Рейна рассказывает нам о травах Милоха, акцентируя наше внимание на том, что если не убрать их со своей кожи, то они могут прорасти. А затем показывает на свое лицо, говоря:

— Вот примерно так. Я это сделала ещё вчера вечером, и меньше чем за двенадцать часов трава пустила корешки, как вы можете видеть, — поражает она меня своей преданностью делу, продолжая рассказывать, — поэтому, если не хотите чтобы ваше лицо стало бугристым, а после двух суток совершенно невозможно будет избавиться от этих растений, то тщательно соблюдайте технику безопасности, работайте в перчатках, а после того, как закончите, обязательно пройдитесь по всей поверхности кожи, даже скрытой под одеждой, настойкой Мировара, она уничтожает любые следы магического воздействия.

Это оказывается настолько интересно и увлекательно, что слушаю внимательно, не отвлекаясь на тех, кто шепчется за моей спиной. В любой другой ситуации я бы попыталась подслушать, всё-таки полезно знать, какие настроения в обществе твоих ровесников ходят, но и знания об этом мире мне тоже очень нужны, чтобы в нём выжить. Поэтому, когда урок заканчивается и учительница говорит о том, что на уроке зельеготовки сегодня мы будем варить настойку Мировара, я бесконечно радуюсь.

Преподаватель искусства зельеготовки оказывается не таким потрясающим, как учительница травоведения, он придиричив, зол и не особо воспитан. Считает всех студентов кем-то вроде своих рабов. Я в этом убеждаюсь, когда он заставляет всех драить больше десятка котлов, выдав нам лишь простые тряпки и воду. Что ж, к труду я всегда была приучена, поэтому никакой проблемы в небольшой работе не вижу, чего не скажешь об остальных. Те морщатся, пытаются закатать рукава платьев и рубашек повыше, чтобы их не испачкать, матерятся сквозь зубы, но все равно делают сказанное. Хотя бы в этом проявляют повиновение. Стоит ли говорить, что мой котёл оказывается начищен до блеска раньше других, я даже достаиваясь скупого одобрительного взгляда от учителя. И тут же, обернувшись, вижу презрение в глазах подростков. Ну как же, они ведь благородных кровей, не привыкли ручки марать, а тут вдруг какая-то сумасшедшая наследница как ни в чем не бывало намывает котёл.

От работы руками я всегда получила истинное удовольствие, поэтому сейчас лишь

глупо улыбаюсь, наслаждаясь видом выполненной работы. И ещё более довольной становлюсь, когда учитель Кут мне первой дает рецепт варения зелья.

— Ингредиенты возьми в шкафу, — указывает рукой в сторону. И вновь возвращается к своему столу.

В углу стоит высокий и широкий шкаф, чистенький, с резными дверцами. Паутина протянулась к одной из ручек, завершая действительно волшебную картинку. На полках множество банок, склянок, колб и коробочек. Некоторые из них забиты ингредиентами для зелий под завязку, в других же нечто только на доньшке. Парочка емкостей нехило так меня напугала, потому что в их мутной жиже плавали мертвые рептилии неизвестного мне вида. А в третьей был труп ребенка, развитие которого, видимо, остановилось ещё в утробе матери: крохотные ножки малыша срастались в хвост. Во мне сразу все леденеет от ужаса и окончательного осознания, что этот мир не волшебная сказка, а такой же жестокий, как и Земля, где считается нормальным засунуть зародыш в банку и выставить на всеобщее обозрение любопытных в кунсткамере.

— Корень варелианы, иглы пихты, глаза черновонки, лист карелянки, — сверяюсь со списком, набирая нужное. Вновь перепроверяю и сама убеждаюсь, что все правильно. — Что ж, приступим.

С помощью камней разжигаю под котлом огонь, наливаю нужную меру воды и приступаю к приготовлению настойки Мировара. Совсем скоро поднимается плотный ароматный пар, и тогда преподаватель вновь приближается ко мне.

— Отличная работа. Раньше не замечал за тобой, ал'Санд, предрасположенности к тонкому искусству зельеготовки. Рад, что ошибся, — его суровое лицо трогает легкая улыбка, которая тут же пропадает, когда мужчина обращается к остальным студентам, — учитеесь, олухи, у своей однокурсницы. Вы даже котлы вымыть не в состоянии быстро.

И правда, пока только я приступила к настоящему занятию. Другие же до сих пор пытаются отмыть свои ёмкости. Маленький червячок превосходства над ними приятно греет мое сердце. Хоть что-то хорошее произошло с момента моего появления в этом мире. Впервые в моей жизни меня похвалили, признав заслуги.

Ко второй половине урока однокурсники наконец худо-бедно разобрались с чисткой котлов. И это меня удивляет, ведь я первый день на занятиях, но они-то тут точно не первый год учатся, знают учителя Кута, наверняка и с его методом преподавания знакомы. Так почему же двигаются, словно сонные мухи, объевшийся варенья?

— Пошевеливайтесь. Те, кто не успеют начать, останутся без противоядия, — Кут неожиданно достаёт из ящика стола конверт, высыпает из него содержимое на ладонь и, сказав, — развейся, — выдувает в класс. Порошок моментально оседает на лицах учеников, заставляя их вскрикнуть. Учитель откровенно радуется произведенному эффекту и говорит, — или вы думали, что хоть один наш урок пройдёт без проверки? Я специально выпросил у учительницы Рейны её месячный запас порошка Милоха.

Что ж. Вполне логично. Очень действенный способ заставить студентов шевелиться. Я и сама чувствую, как начинает чесаться лицо, но не волнуюсь так сильно, ведь над моим котлом уже поднимается серебристый пар правильно сваренного зелья. Мне уж точно не грозит бугристое лицо от прорастающих корешков.

— Поделись! — неожиданно дёргает меня за руку какая-то девчонка с рожками, растущими прямо у неё из лба. — А то прокляну!

Интересно, она действительно способна это сделать? Если да, то, может, и правда поделить? С другой стороны, кто виноват, что она не захотела поработать своими белоснежными ручками, чтобы вычистить котёл и вовремя сварить противоядие. А если нет, то и бояться мне нечего, ведь так?

— Риа, ты совсем обнаглела, — это уже злится парень, выглядывающий из-за хрупкого плеча девушки. Его лицо мне кажется знакомым. И тут же осеняет меня — это же Кирен, тот, что с сестрой моей под ручку ходит. Он же тем временем продолжает полыхать гневом, — до того как ал'Сандр потеряла память, ты над ней издевалась. Что, решила в свете новых обстоятельств ей на шею сесть? Окстись, детка.

Такое панибратское обращение меня поражает. Над таким поведением парня точно стоит задуматься, ведь неспроста он позволяет себе подобное обращение, следовательно, знает, что ему за это ничего не будет, ничего не возразит Риа и даже рогами своими не забодает. Стало быть, даже в этом учебном заведении есть своя иерархия. Для начала мне надо выяснить, кто есть кто, чтобы знать, к кому можно обращаться, а к кому нельзя, с кем лучше общаться, а кого лучше избегать, кто мне сможет помочь, а кто только сильнее попытается сбросить на самое одно, чье отношение к Нивес положительное, чье нейтральное и чье отрицательное — это всё даже важнее чьих-то домыслов о том, что я могу быть Приходящей. Рогатая ученица лишь фыркает на Кирена, ничего ему не возражая, и отходит в сторону, как будто ничего не произошло. Но этих минут на демонстрацию силы от парня хватило, чтобы понять, что его действительно было бы неплохо привлечь на свою сторону, если он не сильно предан моей сестре.

— Спасибо, — проявляю вежливость в этот раз более явно, чем при знакомстве с наследником. — Если бы не ты, боюсь, сама бы ей по рогам настучала.

Ал'Вула робко улыбается и отходит в сторону, чтобы наконец заняться своим зельем, я же продолжаю работу, дабы закончить начатое. Лицо чешется все сильнее, и единственная надежда на избавление — правильно приготовленное снадобье.

Вдруг раздался громкий хлопок и чей-то вскрик. Классную комнату затянуло густым чёрным дымом, и ориентироваться стало возможно лишь на голос учителя:

— Не двигайтесь со своих мест, ничего страшного не случилось. Риа снова перепутала последовательность добавления ингредиентов, — после этих слов Кута ученики захихикали, видимо, уже не впервые раз рогатая устраивает веселье во время занятий. — Ль'Зида, твой выход, — попросил кого-то в тишине.

Раздалось шипение, как если бы стая змей решила посетить помещение, а затем дым развеялся так же внезапно, как и появился. Посередине классной комнаты стоит наг (или правильно её называть нагиня?), воздев руки к потолку, а из них тянутся серебристые почти прозрачные нити, видимо, это и есть та ль'Зида, что отреагировала на просьбу учителя. И творит колдовство так уверенно, что у меня нет сомнений — она уже не в первый раз помогает разобраться с последствиями зельеготовки.

— Отличная работа, — скупно хвалит её Кут, а затем добавляет, — твой отец дал тебе достойное домашнее образование.

Он ещё о чем-то продолжает говорить, но я уже не слушаю — мое варево приобрело нужный оттенок цвета спелой вишни. Теперь возникает вопрос, а как его собственно собрать? Не руками же лезть прямо в котелок, кто знает, чем это чревато. Задаю вопрос учителю. Тот вздергивает бровь в непонимании, а затем его лицо озаряется:

— Все время забываю, что вы потеряли память, — учитель хмыкает, вспоминая об этом маленьком факте, а затем всё-таки мне помогает, направляя руку на содержимое котла и пробормотав что-то едва слышно. Затем протягивает мне наполненный флакон и теперь уже совсем открыто улыбается, — надеюсь, твое беспамятство будет продолжаться недолго, слышал я от учителя Ореля, что в бытовых заклинаниях тебе нет равных. Так что, считай, что помогаю первый и последний раз, ты и сама способна справиться.

Он так легка перешел на неформальное общение, что я удивляюсь. А ещё такая вера в меня конечно очень удивляет. И ведь за всё занятие Кут ни разу не назвал меня Приходящей, никак не попытался оскорбить или дискредитировать. Стало быть, он, видимо, из тех, кто не верит в чужие рассказы. Для него я такая же ученица, как и все остальные. Это радует. Возможно, мы и сработаемся. В моей прошлой жизни, которая только недавно закончилась, ещё ко мне никто так не относился. Да, были, например, учителя в школе, которые меня хвалили за хорошо сделанную работу, были воспитатели, которым я нравилась своей исполнительностью и тем, что не устраивала никаких ссор, но чтобы вот так, отнестись ко мне по-человечески — такого ещё не бывало. Поэтому, когда я чувствую совершенно неожиданное тепло в груди, мне становится даже немного неуютно, ведь это для меня необычная вещь — встретить такого человека.

Как только получаю на руки заветную колбу с настоем, тут же спешу нанести его себе на лицо. Для этого использую мягкую ткань из ящичка с ингредиентами, обмакивая её в жидкость. Пахнет настойка Мировара очень приятно, весенним лугом, цветы на котором едва распустились. Протёрла лицо и сразу же почувствовала себя лучше, чесаться кожа перестала, больше не было ощущения, будто под ней копошатся маленькие черви. Учительница Рейн была права, эта настойка и правда помогает от прорастания травы Милоха. Отличный у них получился с Кутом тандем: одна о траве рассказывает и показывает, а другой учит бороться с последствиями. Интересно, какие ещё занятия меня сегодня ждут, такие же интересные?

В итоге к концу занятия успевают сварить настойку лишь трое учеников: я, Кирен и ещё

какой-то парень в очках роговой оправы. Все мы трое применяем настойку по назначению и спокойно уходим с занятий, в то время как остальные ученики чешутся, собирая свои вещи. Их учитель Кут отправляет в лазарет со словами:

— Это вы сейчас в Академии, неучи, а если бы оказались где-нибудь в лесу, в степи? Кто бы вам помогал? Очень важно уметь самим предотвращать подобное исходы.

Мне нравится его логика.

Ли'Ву ждёт меня уже около выхода, когда я с сумкой наперевес выхожу за дверь классной комнаты. И вид у него весьма нетерпеливый, но тут уж не меня нужно винить, всё-таки, он сам вызвался мне помочь в первые пару дней, чтобы я не расстерялась. После этого мне стало ещё тяжелее решать, как я отношусь к нагу, произошедшее в первые дни моего появления на Материке научило меня тому, что каждый человек или нелюдь в этом месте мне враг, даже если он кажется очень милым и добрым, участливым.

И некстати в голову приходит мысль: «И всё-таки он очень симпатичный». Даже человек с плохим зрением заметил бы это. Сегодня мужчина снова одет как франт: в белоснежную рубашку, зелёный жакет, видимо, из кожи какой-то рептилия, так блестит и переливается на свету, галстук завязан причудливым узлом, около него брошка-бабочка из разноцветных камней. Волосы тщательно уложены, и пахнет от нага чем-то приятным, наверно, каким-то одеколоном. Ещё в свое пребывание на Земле я часто засматривалась на симпатичных мальчиков, но тут совсем другое дело — все-таки, это уже мужчина, явно состоявшийся и имеющий поклонниц. Маленькие предательские мыслишки так и вертятся в голове, как бы намекая на то, что если бы мы составили с Дааром пару, то мне бы до конца жизни уже не пришлось волноваться о том, что кто-то меня раскроет. Уверена, он бы меня в обиду не дал. Но сама по себе я не могу с ним так поступить, всё-таки отношения должны связывать людей, которые взаимно нравятся друг другу.

— Как вижу, всё не так уж и страшно, да? — Ползёт рядом со мной, немного пропуская вперёд. Думаю, он это делает для того, чтобы я не запуталась в его же хвосте. Но при этом мне приходится постоянно оглядываться, что не слишком-то удобно. — Судя по всему, занятие по зельеготовке тебе очень понравилось, видела бы ты свою улыбку. Уверен, если бы сейчас был пасмурный день, то ты бы ею все тучи разогнала.

Комплимент, конечно, получается странный, но очень приятный, я прям-таки чувствую, как губы сами по себе растягиваются ещё шире. Если уж он говорит, что всё хорошо, тогда можно и расслабиться. Решаю показать нагу то, что приготовила на уроке. Даар берет в руки флакон, внимательно разглядывает на свету.

— И впрямь недурно, ты молодец, — произносит это таким серьезным тоном, что приходит осознание — он не пытается ко мне подмазаться, говорит истинную правду. — Слышал я, что раньше Нивес не очень хороша была в зельях, так что ты со своими талантами поосторожнее, как бы снова на слушание не вызвали.

— Думаю, беспокоиться не о чем, и если кто что и заподозрил, то всегда можно отмазаться словами о том, что я почитала пару учебников, пока валялась в лазарете. У меня такая отмазка всегда работала в школе, когда я влезала со знаниями на уроках, которые ещё нам не давали, — воспоминания о земной школе почему-то приводят меня в состояние грусти. Именно в этот момент я осознаю, что уже никогда не увижу своих любимых учителей.

— Школа? Девушкам разрешили посещать в школу на Земле? — Забавно распахнув глаза в удивлении, переспрашивает Даар, причём дважды.

Я иногда и забываю, что он из совсем другого времени, когда женщины были абсолютно бесправны. Вот и теперь он в очередной раз мне напомнил об этом. Приходится ему пояснить, какие изменения произошли за пару столетий отсутствия этого человека на его родине.

— Не только школу посещают, но и университеты, получают равные с мужчинами образование и возможности. Я сомневаюсь, что раньше женщины могли бы работать в правительстве, быть врачами или вообще учёными, их голос никак не учитывался, теперь же женщина имеет полное право строить свою жизнь так, как ей хочется, не обращая внимания ни на чье мнение, даже собственных родителей, — вдохновенно вещаю, размышляя о том, сколь многого все-таки добились женщины, несмотря на то, как это было сложно. В такие моменты я всегда горжусь тем полом, которому принадлежу. Даар слушает с таким видом удивлённым, что я никак не могу остановить собственное вещание, — а ещё девушкам совсем не обязательно выходить замуж, чтобы ребенка родить, вот!

Последним ль'Ву оказывается впечатление сильнее всего. Он даже переспрашивать, как такое возможно, если дева будет опорочены. Я уже после этого никуда не примут. Я логично задаю встречный вопрос, а кто там ей под юбку смотрит, и как непорочность влияет на умственные способности?

— Даже не знаю, хорошо это или плохо, — наконец решается сказать Даар, когда мы подходим к саду. — В любом случае, я бы хотел ещё послушать о Земле от тебя, думаю, произошло много интересного, пока я здесь по пескам ползал. А сейчас самое время для обеда, если не хочешь мучиться голодом до вечера, советую перекусить.

Он показывает мне местную столовую для студентов, выдает маленькую деревянную карту, аналог которой я уже видела в комнате Нивес в шкафчике, проводит по столам, где можно выбрать из множества блюд необходимые только тебе, а затем сопровождает до маленького столика, за которым устраивается вместе со мной.

— Ну не думала же ты, что я сейчас уйду, оставив тебя на растерзание этой толпе, — кивает на других студентов, явно показывая, что я расслабилась, вон как дети зыркают, явно желая о чем-то со мной потолковать. — Не все здесь белые и пушистые, большинство сожрёт тебя и не подавится, причём в прямом смысле этого слова. Думаю, тебе срочно нужно почитать книги по расам, иначе рискуешь стать чьей-то закуской. В этом мало приятного, скажу я тебе, как наг. Это мне удастся бороться со своими низменными желаниями, а другие ползучие не мучаются совестью, перекусывают всеми, кто им приглянется, и ничего им за это не будет — особенности расы.

А вот это уже действительно пугает. Мне ещё рано становиться чьим-то обедом.

Конечно же любые другие темы для разговоров мне теперь не интересны, мне действительно нужно узнать как можно больше о том, как другие студенты могут мне навредить. И при этом ещё и оправдаться особенностями рас. То есть, получается, просто заподозрив человека в том, что он иномирец, его тут готовы казнить на раз-два, а если какой-нибудь из учеников съест своего однокурсника, то это всего лишь особенности расы, не мог противостоять инстинктам. Ну лицемерие же, если задуматься.

— Так ты мне сам расскажешь или буду книгу ждать? Боюсь, что промедление может дорого стоить, — интересуюсь у ль'Ву, пока он сосредоточенно ковыряет макароны в тарелке. Я, после того как увидела, что мужчина накладывает себе это блюдо, было удивилась, а затем задумалась, ведь если меня не смогли рассекретить, может, как Даар, так и другие Приходящие смогли выжить? В таком случае кто-то из них мог бы быть поваром. Наг же тем временем всё ещё молчит. Решаю его дожать, — ты же в курсе, что незнание не освобождает от ответственности? Ну вот, я готова принять свою ответственность. Либо рассказываю, либо книгу давай, но время не тяни, потому что оно не резиновое; насколько я поняла, скоро мне на следующее занятие идти.

Наверно, выгляжу я всё-таки угрожающе, потому что это отвлекает его от философских рассуждений и начинает пояснять:

— Итак, начнём с самого простого. С людей. Когда я жил на земле, совершенно не задумывался о том, какими бывают мои сородичи. Мне хватало общения с монахами, в обители которых я находился. Но даже там я слышал о тех, кто не прочь убивать, насиловать, и совершать прочие злодеяния. Тут тоже самое, только есть проблема — люди в большинстве своем владеют магией. Из этого следует, что они чрезвычайно опасны, особенно, если довести их до крайности.

И правда, звучит не так уж и страшно, люди как люди, так есть и на земле. Хотя, уверена, тут они такие же хитрые и изворотливые, любой подлянки можно ожидать. Да от той же моей сестры, если надо будет, предаст и не поморщится.

— Далее наги. Я сам к ним принадлежу, и с уверенностью могу сказать, что наш вид очень опасен как для людей, так и для других рас. Первой нашей отличительной способностью являются предсказания. Любой мало-мальски развитый змей может гадать: на шару, на песке, на ветру, некоторые видят вещие сны. И всегда, — выделяет последнее слово особым тоном, — всегда оказываются правы в своих предсказаниях. Даже у меня несколько раз случалось такое. Но вот проблемка, несмотря на всю полезность, наги могут быть опасны не только для недругов, но даже и для своих приятелей, потому что выделяют особый яд, который распространяется по коже и, если наг не может его контролировать, тот вполне может убить того, до кого дотронется змей, — протягивает передо мной свою ухоженную руку, зажмуривается на секунду, и я почти сразу наблюдаю выделение того самого яда. Из каждой поры кожи. Удивительно. Тем временем мужчина достает из кармана небольшую колбу и собирает туда жидкость. Она немного вязкая, тяжелыми каплями спускается на дно, а затем начинает закручиваться в спирали, как бы маленький водоворот. Даар поясняет, — если бы я не собрал яд, то любой, увидевший это действие, в столовой, мог бы пожаловаться на меня Совету. Наказание — ссылка на рудники. А там, знаешь ли, люди, как и нелюди, впрочем, долго не живут.

Этот мир кажется мне все более и более жестоким, чем изначально. Если всё это началось с предполагаемой казни для меня, то теперь я с неудовольствием узнаю, что могут ещё и на руднике сослать. Просто потому что ты выделил какой-то там яд. Неужели это все настолько опасно, чтобы обрекать жителей на мучения трудной работой и мыслями о скорой смерти? Интересно, это правители королевств такой приколом придумали или же тот самый пресловутый совет, который почему-то имеет право решать чужую судьбу? И как обезопасить себя от подобной участи, если я едва появилась в этом мире, а меня уже окружают «доброжелатели»? Мне всегда казалось, что в таких попаданческих историях всё волшебным и сказочно, из страшного лишь какие-нибудь злобные свекрови или ненужные наследники, а не простые обыватели этого мира. Теперь оказывается, что я просто размечталась, любой волшебный мир — это всё равно мир, здесь живут такие же преступники и опасные существа, как и в любом другом.

— И кто же следующий по опасности? — Этот разговор затягивается, а мне хотелось бы разобраться побыстрее, хотя бы с большей его частью, пока не пришлось идти на следующее занятие. — Если тут есть ещё какие-то разумные существа, у которых волшебные хвосты, яд имеется или же рога колючие, мне хотелось бы узнать это раньше, чем столкнулись с другими студентами, которые действительно захотят и смогут причинить мне вред.

— Мне нравится, как ты рассуждаешь, не разглагольствуешь понапрасну, а думаешь о насущном, — хвалит меня Даар, пряча флакончик с ядом во внутренний карман жакета. Я провожаю взглядом склянку, не слишком на этом акцентирую внимание, но всё-таки на секунду задумалась о том, что неплохо было бы иметь в своем арсенале яд нага, кто знает, от кого мне защищаться придётся. Ль'ву продолжает свой рассказ, — ещё очень опасными существами считаются дварфы. Это такая искусственно выведенная порода людей, благодаря скрещиванию драконов и человеческих самок. Как по мне, так это просто оскорбительно для богов — создавать подобное.

— Подожди-подожди, это что, получается, что люди использовали как самок какого-то животного, которых спаривали с настоящими драконами? Они вообще после этого хоть живы остаются или в относительном здравии? — это будет страшнее опытов с людьми в концлагерях. Неужели так можно обращаться с женщинами, каким бы не обещал быть отличным результат? — И кто вообще одобрил подобную практику?

— Ты задаешь правильные вопросы. Её изначально никто и не одобрял, насильно угоняли девушек из семей и заставляли их выносить плод дракона. Большинство конечно погибали, не всякая сможет выдержать подобную физическую нагрузку, а те, кто выдерживали, больше ни слова не говорили до самых родов, а после им и не приходилось много болтать — драконы обычно свой путь из лона матери прогрызают, и если драконица это спокойно может вынести, просто вылизавшись своей слюной для заживления, то, ясное дело, человеческая женщина на такое не способна.

Даже представлять не хочется подобные картины. Ль'Ву разочарованно выдыхает:

— Но со временем все изменилось, драконы, услышав, что могут получить потомство без ожидания в тысячелетия, массово изъявили желание получить свою человеческую женщину. Да только кто же к ним пойдёт, если все боятся смерти? И тогда король южного государства издал приказ, что теперь вынашивание ребёнка дракона дело сугубо добровольное, и тех, кто решится, будут осыпаны благами на время поиска нужной пары крылатого, затем во время вынашивания плода, а если сvezёт, то и после родов. Если же будущая мать погибнет, то её семья получит титул и все причитающиеся награды. Может,

король и не хотел бы этого, да только поспорить со столь огромной мощью, как драконье пламя и их острые когти, он бы всё равно не решился. Ведь именно на этих существах строится благополучие южного королевства.

— Ну хоть какие-то блага, а то уж мне казалось, что девушек содержат, как скот, в загонах, не давая им ни свободы, ни общения, ни поддержки. И как, много дам изъявили стать драконьими мамочками? — Пожалуй, этот вопрос самый насущный.

— В год примерно четыре девушки добровольно становятся носительницами яйца, выживают из них и вовсе не больше одной-двух, но драконы все равно счастливы, раньше рождался в среднем один детеныш на пятьсот лет, а теперь-то их куда больше. Популяция растёт, что не может не радовать короля — это же его армия.

— Пожалуй, я не стану суваться в южное королевство, а то ещё случится оказия, и я окажусь парой крылатому чудищу, — вслух высказываю свой страх и добавляю, — в любом случае, думаю, нам пора закругляться. Что там дальше в расписании?

Действительно, столовая почти опустела, студенты уже давным-давно разошлись по классным комнатам, лишь мы с Дааром все ещё за столом, да около окна вижу паренька в роговых очках, который отличился на занятиях зельеготовки. Тот смотрит на нас внимательно, будто пытается по губам прочесть, о чем же мы разговариваем. «А, может, и читает, кто знает, какими талантами обладает этот тихий парнишка? Правду говорят, что в тихом омуте черти водятся», — размышляю я, убирая поднос с едой на стол для грязной посуды, подхватываю сумку и следую за нагом, который, как и всегда, со своими вещами разобрался куда быстрее.

Коридоры тоже уже пусты, никто не хочет опаздывать на уроки, может, я и не в курсе, вдруг за это следует какое-то наказание. Не хотелось бы попасть под него, особенно в первый же день учёбы. Это точно не располагает учителей к тебе, пусть даже раньше они знали Нивес, может, она даже зарекомендовать себя с лучшей стороны сумела, сейчас это я — совсем другой человек.

— И что же дальше по расписанию? — Спрашиваю у Даара, оказываясь перед очередной дверью. Она удивительно зелёного цвета с горящей семиконечной красной звездой посередине. От неё чувствуется какой-то запах. Не сдержавшись, прислоняюсь носом, принюхиваясь. Тянет травами. И ещё чем-то едва уловимым, родным и уютным, что не может не озадачивать, — что это?

— О, в этот раз я ничего пояснять не буду, дам тебе возможность разобраться самой, пора и собственные мозги включать, ведь тебе здесь жизнь жить, я уже давным-давно освоился, не без проблем, конечно, вот и тебе пора вырасти, — загадочно произносит ль'Ву, а затем подталкивает меня в спину прямо к двери, ты распахивается, и я неловко сваливаюсь на пол, больно ударяясь коленями о камень. Поднимаю голову и вижу удивлённые глаза других учеников, большинство из которых не были со мной на первых двух уроках сегодня. А ещё на меня смотрит учительница (или учитель? Не совсем понятен пол), возвышаясь над всеми остальными по крайней мере на метр. Такое высокое существо, что сразу начинаю чувствовать себя маленькой и ничтожной. И конечно же помимо моей воли изо рта вырывается, — простите?

Учительница посматривает на меня с неудовольствием, столь явным, что мне становится неудобно. В чем-то она и права, мало того, что опоздала, так ещё и так эпично появилась. А виновник этого стоит у меня за спиной... поворачиваюсь, чтобы кинуть на него уничижительной взгляд, и обнаруживаю, что его уже и след простыл, даже кончик хвоста из-

за стены не выглядывает, стало быть, смылся побыстрее, пока его не обвинили в чем-либо.

— И долго же вы тут, наследница северных угодий, собираетесь сопли жевать? — С непонятной пока мне интонацией спрашивает учительница, фыркая. — Я, конечно, в курсе того, что с вами произошло, но это никак не извиняет вашего неуважительного поведения. Ни передо мной, ни перед другими студентами. Встаньте, пока я вас не подняла заклиниванием, боюсь, вам не понравится лицом упираться в потолок ближайшие два часа. А именно так и бывает, когда я очень-очень сильно злюсь.

И меня тут же подбрасывает с пола, становлюсь нетвердо на ноги, выпрямляю спину — авось, если уж не гордая поза получится, то хотя бы не такая жалкая, как за минуту до этого. Решаю, что извиниться лишним не будет, поэтому тихо, но отчётливо, произношу:

— Простите мне моё поведение, впредь такого не повторится.... — Не знаю, как назвать учительницу, потому что её имени, как и остальных, я не помню.

Но она приходит на выручку, неожиданно и очень приятно.

— Учительница Каллиан, — подсказывает та, едва заметно добрея. Но тут же возвращает на лицо выражение неприятия. Понятно, она не злая, просто строгая. — Извинения твои принимаю, а теперь располагайся за партой. Сегодня мы как раз разбираем тему ментальных вмешательств, уверена, тебе будет интересно это послушать.

Стало быть, этот предмет как-то связан с контролем сознания: по крайней мере так я понимаю слово «ментальность».

— Пусть наши занятия и начались несколько недель назад, но госпожа ал'Сандр только появилась, и, насколько мне известно, она ничего не помнит о прошлых уроках. Поэтому возьму на себя смелость просветить её, потому что вы, молодые оболтусы, вряд ли это сделали, — принимает она решение, становясь перед доской. Говорит уверенно, чувствуется, что быть учителем для неё самое то, профессия, которая выбрана сердцем. Она начинает урок, произнося с жаром, — как вы все знаете, искусство ментального воздействия является одним из самых сложных и опасных в нашем мире. Чтобы заниматься ментальными практиками, нужно иметь устойчивую психику, огромный резерв магических сил и якорь этом мире. Все эти три компонента являются залогом будущего успешного менталиста, однако, совсем не обязательно. Из тридцати человек, с кем я училась, до выпуска дошло лишь пятеро. Большинство остальных просто не выдержали давления на свои мозги, другие испугались последствий, третьи посчитали что их старания не стоят того, чтобы продолжать. Но те, кто выдержал всю учёбу, теперь имеют огромное влияние на нашем Материке, а также уважение и несомненно отличные деньги со своей работы. Я — единственная, кто пошла в преподаватели, но это никак не приуменьшает моей силы. Поэтому, как бы вам не хотелось залезть в головы своих товарищей, чтобы как-то на них воздействовать, знайте, я этого не позволю. Определю безошибочно умельца, и он будет наказан со всей строгостью закона, а не только согласно правилам Академии.

Оказывается, первое впечатление бывает ложным, сейчас учительница Каллиан кажется мне не просто сильной, но я чертовски мудрой. Она не стала говорить о том, что кто-то будет оправдан, нет, она пригрозила высшим наказанием тому, кто ослушается. Видимо, только так в этом мире и можно добиться послушания.

— Теперь, когда с предисловием покончено, займёмся непосредственно практикой. Для этого выстройтесь в пары, друг напротив друга, — предлагает нам учительница, не двигаясь со своего места. Мне в пару достаётся конечно же Кирен, кто бы сомневался. — Теперь подумайте о своем напарнике, как о близком друге, том, кому вы можете всецело

доверять. — А вот это уже намного сложнее чем мне казалось. Я сама по себе не доверяю никому из присутствующих, что уж говорить о парне, который общается и судя по всему ещё и встречается с моей сестрой? Это невозможно — поверить ему! Однако, видимо, учительница придерживается другого мнения, — ал'Сандр, отмети все посторонние мысли и думай только о том что Кирен принадлежит также, как и ты, к правящей семье, и он, даже если бы очень сильно захотел, не смог бы тебе навредить, как будущий наследнице.

Вот об этом я и не подумала, а ведь следовало бы. Всё-таки, не все страхи имеют почву под ногами, но это ещё не значит, что даже если этому парню и удастся прорваться сквозь моё сознание, что допущу его до самых секретных его уголков. Он же может узнать, что я Приходящая, и тогда работу всех последних дней, моя и ль'Ву, накроется медным тазом. Вот это будет потеха, когда выяснится, что совет не смог докопаться до истины по неизвестным причинам, меня же тогда на кирпичики разберут, чтобы выяснить, как такое возможно.

Именно поэтому я пропускаю момент, когда наследник попадает в моё сознание. Однако, как я этого не боялась, он не видит истинной сути, зато я наблюдаю вновь того самого мужчину из снов, теперь он довольно смеётся, говоря:

— Наконец-то ты сама ко мне пришла, мы сможем нормально поговорить. Я уж думал, что ты никак не начнёшь осваиваться здесь, это было бы большой проблемой.

И ухмыляется так, что мне становится страшно — он точно что-то знает.

Смотрит на меня хищно, будто ястреб на мышку, как на добычу. И это не какая-то игра! Я буквально чую опасность. Мужчина же продолжает ухмыляться, как будто получил очень важный приз в своей жизни, буквально подарок судьбы, не иначе. Я чувствую, как он пытается на меня ментально повлиять, залезая в мозги. Это уже слишком, потому что прямо сейчас в этих самых мозгах пытается покопаться где-то в классной комнате в Академии Кирен. Двойная порция магов на одну человеческую голову это слишком много, о чем и сообщаю мужчине:

— Может, всё-таки повременишь со своим вмешательством? А то мой череп лопнет, как яичная скорлупа, — я уже чувствую, как головная боль расходится в каждую клеточку мозга, и это вызывает невыносимые страдания. Видимо, не быть мне хорошим менталистом, я бы ни за что не захотела причинять другим подобные ощущения.

— Я слишком долго тебя здесь ждал, чтобы вот так просто отпустить, — жёстко выговаривает мне этот человек, явно не довольный тем, что ему так просто не подчиняются. Видимо, привык к совсем другому отношению. Что ж, придётся его огорчить, я-то уж точно не собираюсь плясать под чужую дудку, и так слишком много людей и нелюдей в этом мире, которые считают, что все знают лучше меня. Он же тем временем продолжает разглагольствовать, — теперь, когда ты здесь, мы можем многое обсудить, например, твою причину появления в этом мире и необычные способности, которые удивили даже меня, а я, уж поверь, многое в своей жизни успел повидать.

Это конечно интересно, что у меня получилось заинтриговать неизвестного чувака, который раньше только во сне являлся, но как-то мне не нравится сам факт того, как легко он влезает в мою голову. Это не проходной двор так-то.

— Знаешь, прежде чем нам с тобой начинать общаться, думаю, не лишним будет, если ты научишь меня закрывать разум от других людей, — решаю действовать хитростью, ведь если я смогу закрыть от других, значит и от него тоже. Это представляется неплохим вариантом. Можно на какое-то время отложить болтания с этим типом, пока не разберусь с происходящим, не хочется влезть в проблемы, которых я ещё даже не понимаю. И тот, удивительное дело, ведётся на мой вежливый тон. Смотрит правда внимательно, но это мелочи. Главное, чтобы он согласился меня обучить защите.

— Это очень просто. Если я смог оказаться здесь с тобой, значит, сейчас ты проходишь обучение, следовательно, слышала, что сказал твой учитель, кем бы он не был — тебе нужен якорь. У него лишь одно назначение, это сдерживать человека от попадания в бурную реку силу. Подозреваю, что о необходимости наличия якоря у менталиста выяснили именно опытным путём, слышал, что несколько людей сошли с ума, пуская до конца жизни слюни, попытавшись выйти в чужое сознание без страховки.

Это многое объясняет, сразу становятся понятны слова учителя Каллиан, от чего часть её однокурсников не завершили учёбу. Видимо, их якорь оказался не таким уж и крепким. И это в очередной раз убеждает меня в том, что материк — не волшебный Хогвартс, здесь опасностей побольше, чем даже в моем техногенном мире. С другой стороны, радуется уже то, что известна причина, почему происходит та или иная вещь, а также нашли способ бороться.

— И как найти этот якорь? — Лучше перейти к насущным вопросам, чем снова пытаться выслушивать все заумные речи, что пытается втирать мне этот человек. Уверена,

если ему дать волю, то он готов болтать до морковкиного разговенья, у меня же столько времени нет, мне неизвестно, как оно тянется, когда кто-то проникает ментально в твою голову. Может, там, в классной комнате, все уже над моим холодным телом стоят и удивляются, почему не прихожу в себя. — Это должно быть что-то особенное?

— Ты угадала, неважно, что именно, но я это нечто должно задерживать тебя в реальности. Обычно им выбирают любимого человека, если такового нет, то многие предпочитают держаться за собственную личность, но я бы этот способ не советовал подростком, потому что в вашем нежном возрасте вы ещё себя не осознаете окончательно. Хотя, стоп, — замирает незнакомец на пару секунд, явно обдумывая какой-то вариант, после этого его лицо проясняется, как будто снизошло озарение, — есть способ, который подходит таким детям, как ты. Просто нужно сосредоточиться на цели, которую ты хочешь достигнуть в ближайшие несколько лет. Во-первых, это поможет тебе сконцентрироваться на ментальной защите, во-вторых, когда повзрослеешь, сможешь легко изменить свой якорь.

И, прежде чем он успевает сказать мне о том, как именно сконцентрироваться, я это делаю, с удивлением обнаруживая, что действительно возвращаюсь в классную комнату. Пробуждение оказывается так себе, по крайней мере по лицам однокурсников успеваю понять, что наша пара с наследником восточного королевства вышла фееричной. Хотя, у него тоже глаза размером по пять рублей, ещё и выкатились так смешно, как будто узрел нечто невероятное. Может, так и есть, просто я об этом пока не знаю.

— Ал'Сандр, вы действительно умеете удивлять, — это уже учительница Каллиан склонилась надо мной, протягивая руку и помогая подняться. Как оказалась лежащей на полу я не помню, но радуется, что не успела замерзнуть — камень всё-таки холодный, это ясно ощущается под ладонями. Успеваю собраться с мыслями, прежде чем женщина вновь ко мне обращается, — за последние несколько десятков лет я ещё ни разу не встречала такого сильного менталиста. Кто бы мог подумать, что именно будущая наследница северных угодий будет ею — обычно ваш род не славится заклинателями разума. Рада, что это всё-таки не так.

Каждый раз, когда со мной происходит что-то необычное, мне приходится узнавать новое об этом мире. Я была бы очень счастлива, если бы это случилось ещё до того, как меня бросает из огня да в полымя. Однако, судьба-шутница явно намерена повеселиться с моей жизнью на полную катушку, если всего пару недель после своего попадания в этот мир я столкнулась и с ненавистью, и со смертью, и со страхом казни, то что же меня может ждать дальше?

— Благодарю вас за похвалу, — это единственное что мне удастся сказать, прежде чем я благополучно вновь теряю сознание, впрочем, в этот раз хотя бы понимаю, что это обыкновенный обморок.

Просьпаться в лазарете становится для меня традицией. Прихожу в сознание я, похоже, вечером, за окнами сплошная темень, ни лучика солнца, наверно, оно уже давно зашло. Свет же разносится по комнате от маленькой масляной лампы, которая никак не сравнится с магическим освещением, которое я увидела в своей комнате.

— Эй, есть тут кто-нибудь, — стону охрипшим голосом, надеясь, что меня услышат.

Всё-таки кто-то свыше смилостивился надо мной, потому что через пару секунд в комнате появляется Лири, она улыбается мне, как старой знакомой, а затем произносит:

— Вам не стоит сейчас разговаривать, ал'Сандр, я бы вообще советовала побольше

отдыхать, у вас случилось сильнейшее магическое истощение, ох уж эти учителя в Академии, совсем не заботятся о наших детках, — и тут она подает мне пиал с ярко-красной жидкостью, — вот, выпейте, это вам поможет.

Я, рассеянно кивнув, принимаю из её рук питье, послушно отправляю его себе в рот, и вновь чувствую, как сознание меня покидает. Что ж, хотя бы отосплюсь.

— Нивес, не знал, что у тебя такая чудная голова. Никогда ещё не видел, чтобы человек так легко в себя приходил после того, как, потеряв сознание, падает прямо на каменный пол, — в следующее моё пробуждение рядом оказывается дар. — Я вначале не поверил, когда учительница Каллиан рассказала, но, стоило мне просмотреть её воспоминания, как я оказался буквально поражен. Из чего твой череп сделан, из чугуна что ли?

Неужели он пришел сюда, чтобы поиздеваться надо мной?

— И не надо делать такое обиженное лицо, — правильно читает мои мысли ль'Ву, продолжая смеяться. Что-то все мужчины в этом мире такие странные, лишь усмешки им и знакомы. Хотелось бы узнать, хоть одного адекватного встречу? Ведь если здесь задержусь, то наверняка захочу однажды завести собственную семью, с мужем и детьми, для этого супруг должен мне подходить, не горю желанием видеть ехидного партнёра в постели, который ухмыляется даже во время самого главного действия. — Если бы ты увидела эти воспоминания тоже, то смеялась бы не меньше меня. Так забавно упала, что я даже не сразу заволновался.

Пересиливая себя, приподнимаюсь на кровати и шлепаю нага по плечу. Пусть ему от этого не больно, но, надеюсь, хотя бы обидно, прямо как мне сейчас. Ему мои телодвижения как мёртвому припарка: ни горячо, ни холодно, и уж и ни в коем случае не больно. Зато я ладонь отбиваю так, что у та за секунду краснеет, чем вызывает новый взрыв хохота со стороны мужчины. Какой же он всё-таки несносный.

— Лири сказала, что у меня магическое истощение, как такое возможно лишь от одного занятия по менталистике? — перестаю думать о всяких глупостях и возвращаюсь к насущному, снова. — И при этом я недоумеваю, ведь учительница Каллиан сообщила, что я обладаю задатками сильного менталиста. Как такое может быть?

Несоответствие слов и происходящего меня смущает.

— Обычно так проверяют юных дарований — заставляют проходить упражнение, в ходе которого должно потратиться много сил. Твой магический резерв хоть и был большим, но каким-то образом связь с юный ал'Вула исчерпал их почти все. Теперь тебе придётся пить настойку, чтобы вернуться к учёбе. Не хотелось бы, чтоб ты снова пропускала занятия, — кто бы сомневался, что учителя будет волновать именно этот момент. — Тебе необходимо как можно скорее влиться в общество, перестать быть белой вороной, стать той, кем предназначено — правительницей северных угодий. Мало просто родиться старшей в королевской семье, править — огромная ответственность, требующая знаний.

— И кто же предназначал? — цепляюсь за часть чужой фразы, может, Даар знает больше, чем говорит.

— Обычно в таких случаях говорят про Богиню Покровительницу, ту, что решает судьбы всех живых существ. На Материке о ней множество легенд ходит, а некоторые говорят, что даже получили от неё благословение, — просвещает меня ль'Ву, но все-таки уточняет, — однако, сейчас не время вдаваться в местный фольклор, лучше выпей-ка ещё зелья.

Приходится подчиниться, но не потому, что признаю власть старшего над собой, а потому что понимаю — надо восстановиться как можно быстрее. Зелье и впрямь действенное, буквально чувствую, как возвращаются силы. И не только физические, даже моральный подъем есть.

— О как, даже щеки порозовели, — замечает Даар, — не будем останавливаться на достигнутом, — и подает следующую порцию жидкости.

Так вечер и проходит: ль'Ву приносит мне зелье, я его выпиваю, а в перерывах между разговариваем о разном. Он снова начинает рассказывать мне о Материке, о нравах, которые тут царят, о традициях. Например, вводит меня в курс о том, что пока я, хоть и считаюсь наследницей, но это лишь на словах. На деле же в день солнцестояния я должна буду пройти ритуал с отцом, во время которого магия моего рода пример меня, как будущую правительницу северных угодий. И даже после этого меня ждёт ещё два принятия магией, прежде чем окажусь на престоле. Всё это запутанно и непонятно, но благодаря нагу разобраться проще, чем если бы пыталась сделать это одна. Да и кроме него помощи попросить не у кого, наверняка настоящая Нивес знала все подробности будущего царствования ещё с детства, следовательно, могу себя сдать незнанием.

На ночь снова остаюсь одна, радуясь лишь тому, что Лири пообещала завтра утром отпустить. Её вообще поразила скорость моего восстановления. Как она сказала, это признак отличного магического дара. Свет я не гашу, страшновато спать не в своей комнате, а в месте, куда может зайти любой желающий. Ворочаюсь с бока на бок, но сон все не идет. Меня пугает перспектива вновь оказаться во сне наедине с таинственным незнакомцем, который ходит в мой разум как к себе домой. В конце концов вспоминаю, что он мне говорил о якоре, и всеми силами сосредотачиваюсь на планировании собственного будущего. Думаю о новой семье, которую пока не знаю, но она есть, об Олвен и Кирене, который подозрительно безупречно ведёт себя в общении со мной во отсутствие пассивности, об учителях, с которыми познакомилась. Новая жизнь оказывается куда более захватывающей, чем на Земле.

Что у меня могло быть там? Учеба в университете, работа, если бы смогла вырваться из пут судьбы детдомовского ребенка. Тут же передо мной открыт целый мир, безграничные возможности — только осмелиться взять то, что причитается. Да, мне во многом ещё нужно разобраться, впрочем, как и другим наследникам. Было бы желание, как я считаю.

Так, занимая все мысли мечтами и планами, я и засыпаю. И на удивление впервые за долгое время сплю без навязанных сновидений, наслаждаясь отдыхом. Утром чувствую себя необычайно бодрой и полной сил. Вот, оказывается, что мне было нужно — найти якорь. Стало быть, теперь смогу дозировать общение с мужчиной во снах, не давая ему навязать собственную волю.

Лири заходит ко мне лишь единожды. Помогает мне с умыванием, затем осматривает и говорит, что все в порядке, могу покинуть лазарет. На всякий случай дает ещё парочку флаконов с восстанавливающим зельем:

— На всякий случай, кто знает, как теперь учительница Каллиан захочет тебя тренировать. Уверена, так просто не отстанет, она любит наставлять на путь истинный сильных менталистов, слишком уж их мало сейчас.

Благодарю девушку, и та уходит, взмахнув на прощание юбками. Мне же приходится поторопиться, чтобы успеть заглянуть перед занятиями в собственную комнату, взять необходимые вещи да и переодеться тоже.

И около неё меня ожидает сестра, выглядя столь невинно, что на секунду сомневаюсь, не показалось ли её прошлое отношение ко мне. Увидев, что я одна, выражение лица девушки меняется, убеждая в том, что я не ошиблась.

— Отец прислал мне письмо, — хвастливо показывает на белый конверт в своих

руках. — А вот тебе ни словечка не написал с тех пор, как мы на учёбу приехали.

Интересно, откуда у неё такие познания о моей корреспонденции. Неужели и за ней следит. Ещё бы речь свою контролировала, а то шпионка из Олвен так себе получается. Но, видимо, желание поиздеваться у неё сильнее инстинкта самосохранения. Вот и сейчас сестру несёт:

— Какая же ты жалкая, ещё и родственницей мне приходишься. Слабачка, а целое королевство ей подавай.

И уходит, оставляя меня размышлять, что же это был за перфоманс.

Не смотря на страх, что сестра каким-то неведомым образом смогла попасть в мою комнату, зайдя внутрь, убеждаюсь, что там все также, как я оставила накануне: вещи на своих местах, писчие принадлежности тоже. Хлопаю в ладоши, вызывая дополнительный свет — солнце уже скрылось на другой стороне замка. За полтора дня я так сильно успела соскучиться по собственной комнате, что теперь даже не верится, что попала в неё обратно. Может быть, всё дело в том, что собственной комнаты у меня никогда не было, теперь же я ценю каждую мелочь своей новой жизни. Первое моё желание — завалиться на кровать и хорошенько поспать, подминая под себя подушки, но позволить себе такой вольности не могу, так как раздался первый гонг к началу занятий. Повезло, что Даар заранее меня проинформировал, что сегодня уроки у меня будут только после полудня, так что волноваться об опоздании пока не стоит, но, уверена, что если лягу спать, то вряд ли уже до вечера проснусь. Предпочитаю разобрать и заново собрать свою сумку, переодеться, умыться и слегка освежиться водой из таза. Это конечно очень сильно удивляет, вроде бы такой развитый мир, хоть и магический, а душа простого нет.

В столовой всё как обычно: студенты едят за одними столами, некоторые преподаватели за другими, учительница Каллиан и вовсе мне подмигивает, когда меня видит. Такое ощущение, будто она положила на меня глаз, пусть и не в общепринятом смысле этой фразы. Но ко мне она не подходит, видимо, не желая как-то выделять среди других учащихся. Правильное решение, мне не хочется стать ещё более белой вороной, чем есть сейчас. Вопросы другого толка у меня вызывает тот самый паренёк в роговых очках, который удивительным образом сопровождает меня, куда бы я не пошла — все время вижу чужую шуплую фигурку, притаившуюся в тени. Он не подходит, ничего мне не говорит, но следит, аки цербер. Подозрительная личность, будет нехорошо, если его послал кто-то из моих недругов. Даже сестра или ректор вполне способны на подобный поступок, хотя, если задуматься, л'Валд вряд ли стал бы так мелочиться, он бы поступил более эпично и впечатляюще, хотя бы для того, чтобы показать, какой он крутой перец.

— Вроде выглядишь бодро, — хвалит меня Кирен, внезапно появляясь рядом с моим столиком. У него на подносе тарелка каши и фруктовый салат, а также исходящая паром чашка чая, наверно, в столовую пришел с той же целью, что и я — подкрепиться перед учёбой. Из этого можно сделать вывод, что наверняка сегодня снова будем с ним на одном уроках. — Каллиан была права, в тебе необычайно много силы. Я конечно не из самых талантливых менталистов, но кое-что умею, и, поверь, этого кое-чего хватит, чтобы свалить за один раз сотню обычных людей. И ещё, как я заметил, у тебя есть якорь, дома обучалась?

Думать приходится быстро, чтобы заминка в разговоре не вышло подозрительный.

— Конечно, а у тебя разве нет домашних учителей? — Самая лучшая ложь это частично искаженная правда, поэтому с ответом я нахожусь достаточно скоро. И, если судить по довольному выражению лица парня, я угадала. Или нет? — Мои родители очень много времени и сил уделяли тому, чтобы в Академию я попала подготовленной. Всё-таки королевский род, нельзя ударить в грязь лицом.

— А почему же Олвен его тогда не давали, домашнее образование это? — Выражение лица у парня такое, будто он меня наконец-то подловил. Мой промах, не стоило так легко попадаться в чужие сети. Он же тем временем продолжает, — только не говори мне, что так

получилось только из-за того, что ты старше, а ей никогда не быть наследницей. Ни за что в это не поверю!

Черт подери, а ведь он прав! Возомнила себя очень умной и хитрой и как же быстро обломала свои рожки, которыми надеялась пободаться, на первом же противнике. Так легко себя сдала, даже почти ничего не говоря. И как теперь исправлять ситуацию?

— И кто тебе это сказал, моя сестра на ушко нашептала? Потому что, как мне кажется, ты многого не знаешь. И вообще, удивляюсь, зачем ты выбрал младшую сестру, которой никогда не занять главного места в королевстве, вместо старшей, которая буквально через пару месяцев станет наследницей. Твои родители одобрили этот выбор? — Всё-таки собираюсь с силами и, не показывая страха, говорю первое, что приходит мне на ум. То, что здесь чтят старших, а тем более родственников, мне уже известно. А Кирен не просто ребёнок, он ещё и наследник своего королевства, следовательно, на него можно давить для начала хотя бы этим. Кто знает, может я и другие болевые точки смогу у него со временем найти, и тогда он меня больше никогда не тронет, да ещё и пожалеет о том, что посмел себя так вести с дамой.

Парень буквально вспыхивает от гнева, словно сухой хворост от огня. Кое-кто не умеет контролировать собственные эмоции, в этом он ещё такой ребенок, в принципе, как и должно быть. Я такая же, и Олвен тоже, так почему же ал'Вула должен отличаться? Королевская кровь это просто жидкость, текущая по венам, она не дает никаких преимуществ при взрослении.

— Зря ты так, ал'Сандр, я же к тебе со всей душой. И что получаю в ответ? Поверь завести настоящих друзей в этом месте никому не помешает, — Кирен усмехается.

— Тебя на эту роль точно не рассматриваю, — отрезаю уверенно, давая понять, что больше разговор вести не хочу ни на эту тему, ни на другие с ним.

Наследник кивает чему-то своему задумчиво и уходит, впрочем, вежливо попрощавшись, оставляя меня размышлять о превратностях судьбы, ведь не будь он сторонником моей сестры, мы бы наверняка подружились, у нас много общего. А так из возможных друзей у меня в Академии, да и вообще в этом мире, пока есть только таинственный наг-бабник, который мне многое рассказывает, но также многое и скрывает, не давая ему поверить до конца. Пожалуй, этот мужчина одна из тех загадок, которую хочется разгадать. Но позволит ли он это сделать? Только время покажет.

Первым занятием сегодня становится нумерология. Симпатичная молоденькая учительница с восторгом рассказывает о том, как важно уметь читать руны, особенно наследникам своих Родов. В будущем каждый из них вступит в наследие, должен будет поддерживать силу заклинаний на своих землях, без рун же сделать это невозможно. Наука представляется сложно, я вижу лишь черточки на камнях, которые вроде как должны складываться в слова, но мне напоминают скорее раздавленных пауков. Придется попотеть, чтобы разуть истинное значение каждой руны. Уже сейчас я осознаю, что сделаю многое, лишь бы защитить свое-Нивес место в этом мире. Не дам так просто угаснуть Роду. И уж совершенно точно не позволю Олвен отнять то, что принадлежит мне по праву. Если понадобится, буду выгрызать собственное будущее и идти по чужим головам.

— Не понимаю, хоть убейте, учительница Мира, — жалуясь, откладывая руны подальше. От попыток их прочесть у меня разбалывается голова.

— Понимаю, наука сложная, но вы уж постарайтесь, ал'Сандр. Не разочаровывайте меня. Если уж Каллиан нахваливает вас, то и с моим предметом проблем быть не должно.

Удивляет такая слепая вера. Приходится вернуться к камням и вновь сосредоточиться, мечтая, однако, о другом — вернуться в собственную комнату и поспать.

Хорошо. Просто сосредоточиться и вникнуть в суть. Вот эта, похожая на искривленную букву «п» из русского алфавита — Уруз. А эта, состоящая из двух перевернутых треугольников, руна Дагаз.

— Её часто носят студенты в качестве оберега, — появляется из-за моего плеча учительница Мира, — она воплощает действия, которые обязательно приводят к нужному результату. Это каждому подростку нужно, особенно, когда начинаются экзамены.

Напоминает традицию нерадивых студентов с Земли, когда те высовывают руку с зачеткой форточку и кричат в ночь: «Халява, приди!». Видимо, тут примерно то же самое.

— Рун не так уж и много. Сложнее запомнить, в какой ситуации нужно применять ту или иную. Вот тут-то и припомните занятия учительницы Миры. Ещё поблагодарите меня за науку, — поучительным тоном наставляет меня на свершения девушка.

«Ага, тяжело в учении, зато легко в бою», — в очередной раз вспоминаю Землю, где любили так говорить воспитатели в моем детском доме.

Учительница отходит к другим ученикам, оставляя меня дальше самой разбираться, я же тупо смотрю в окно, пытаюсь осознать, что не все уроки будут интересны мне. Видимо, учеба в любом мире та ещё тюрьма, которая необходима, но вызывает чаще ненависть, чем желание постигать науку. Откуда-то сбоку раздаётся шипение, и я вновь вижу ту девушку с рожками, Риа, которая недовольно хмыкает и вновь возвращается к своему занятию. Ещё одна змеюка на мою голову, кажется, у меня тут недруги не только ректор и сестра, но и те, кого я не помню. Интересно, а эта Риа издевается надо мной из-за проступков прошлой Нивес или просто такое поведение в её натуре? В любом случае, ничего хорошего из этого не выйдет, если я не проявлю внимание к проблеме прямо сейчас. Мною уже усвоено, что если я откладываю подобное на потом, то будущем неприятностей будет ещё больше, чем раньше. Такое себе приключение получится, я вообще не уверена, что в ближайшие месяцы, а то и годы, меня ждёт что-то хорошее.

Все-таки решаю обратить внимание на девушку. На самом деле та кажется мне достаточно симпатичной, не смотря на внешность: торчащие рожки, чешуя вокруг губ и глаз, заостренные уши. Но в глазах, обращенных ко мне, помимо неприязни горит ещё и интерес. Загадка. Которую мне непременно надо разгадать. Если выясню, почему у студентки такое отношение ко мне, то, возможно, смогу всё исправить. Решиться нелегко, но беру себя в руки и, скрепя сердце, подхожу к её столу. Риа смотрит вопросительно и удивленно, явно не ожидала меня тут увидеть. Дергает рукой, как будто или защититься хочет, или меня ударить. Очень показательно — не такая уж она и смелая, наверно.

— Ал'Сандр, чего тебе нужно? — сразу же ощеривается, словно ядовитая гадюка. Интересно, а ядом плевать может? Я бы не удивилась, будь это так в этом странном мире. Но не отворачивается, поэтому я все еще надеюсь на то, что разговор получится. — Только не заводи вечную песню о том, что мы обязательно должны подружиться, ведь однажды можем породниться.

Вот это новости. О чем говорит ль'Зида? Приходится переспросить:

— Ты же помнишь, что я потеряла память? На всякий случай повторяю, вдруг ты упустила это из внимания.

Риа стучает кулаком по столу, я подпрыгиваю от испуга и неожиданности, а руны

рассыпаются вокруг, привлекая внимание студентов поблизости. Кое-кто из них шикает на нас, призывая к тишине, другие же явно уши наострили, шпионы недоделанные.

— Тц, — злится девушка, недовольная собственной эмоциональностью. Прикрывает глаза, а я ловлю отблеск света на её чешуе. Затем вздыхает. — Да, я забыла, признаю. Но неужели тебе совсем никто не рассказал, не нашлось доброжелателей? Даже сестра промолчала?

— О чем? — хочется взвыть от непонимания с обеих сторон.

Но я оказываюсь права, она не такая уж и злая, просто не разумела ситуацию. Сейчас у меня есть удивительный шанс исправить прошлые ошибки Нивес и списать со счетов хотя бы одного недруга.

— Я помолвлена с твоим младшим братом, Луми. Если даже ты этого не помнишь, то, уверена, теперь поймёшь, почему я не хочу воспринимать тебя ни своим другом, ни своей родственницей. Что может быть унижительнее, чем иметь в будущих мужьях ребёнка, который едва достиг десятилетнего возраста, в то время как я уже давным-давно созрела и готова к браку и всем вытекающим из этого факта последствиям!

И впрямь неприятная ситуация, но всё-таки мне приходится уточнить:

— Так помолвка-то это ещё не женитьба, наверняка можешь отказаться? — С надеждой думаю о том, что это действительно возможно, ведь, если нет, то будет у меня ещё один недруг, точнее, он уже есть, просто пока скрывается. А так выйдет на поверхность и не будет стесняться меня унижать открыто. — Не станут же тебя насильно выдавать замуж за того, за кого ты не хочешь идти.

Риа смеётся так, что теперь уже все студенты оборачиваются, чтобы посмотреть, кто же это там так себя ведёт.

— Так это всё-таки правда! Ал'Сандр, ты сошла с ума, никакая ты не Приходящая, просто окончательно мозгами поехала, как мне Олвен и рассказывала, — делает неверные выводы девушка, продолжая хохотать, как сумасшедшая.

Её внезапное веселье прерывает конечно же учительница, которая, недовольно сверкая глазами, объявляет о конце урока. И очень быстро выходит из класса, как бы намекая на то, что мы сегодня даже её прощания не стоим. Риа тоже не удостаивает меня ответом, уходя побыстрее, а вот Кирен кладёт руку мне на плечо, разворачивая к себе, и произносит:

— Не знаю, что на тебя нашло, буду считать, что действительно проблемы с памятью после посещения лазарета, но лучше тебе поостеречься бросаться такими фразами, ведь тема помолвки очень серьёзна, Риа права, что так к ней относится. — Он наконец замечает, что держит меня, поэтому поспешно отлепляется, извиняясь взглядом, как бы говоря, что нечаянно нарушил моё личное пространство. — Пойми, свадьба детей значит, что два рода сплетут свои магические нити в один канат, следовательно, если ты выскажешься против, то это бросит тень не только на тех, кого отвергаешь, но и на твой собственный род. Помолвка состоялась, это значит что магия приняла союз, разрушить его значит ослабить действия заклинаний своего рода. Риа смириться, рано или поздно, но она смириться со своим будущим браком. Ничего, ей полезно подождать суженого, может, немного повзрослеет хоть. А то тело выросло, а мозги не очень.

За пару минут этого монолога я узнаю о магии больше, чем за несколько недель своего пребывания на материке. Всё-таки полезно бывает иногда кого-то вывести себя, люди обычно в состоянии аффекта болтают больше, чем обычно, и при этом никак не сдерживаются, высказывая все свои мысли, какими бы нелицеприятными они ни были.

И что меня удивляет ещё сильнее, так это тот факт, что Кирен бросился на подмогу, несмотря ни на что. Он наплевал, что могут подумать остальные, просто решил выручить, а ведь раньше старался не показываться вместе со мной другим на глаза. Что же это за проявление дружелюбия такое подозрительное? Или же мне стоит перестать видеть везде подвох? Трудно вливаться в новую жизнь, когда не разобралась с проблемами в старой. Но радует лишь одно, впереди у меня тут ещё целая жизнь, если сама не напортачу и снова не лишусь её каким-нибудь глупым способом.

«Традиции и магия Рода» — книга, которую я беру в библиотеке в вечер того же дня, когда состоялся разговор вначале с Риа, а затем и с Киреном. Мне её советует библиотекарь, когда я захожу в тёмное помещение, множеством полок уходящее ввысь и прошу подобрать мне нужный фолиант. Подозреваю, не так уж часто в это место приходят студенты, если библиотекарь чуть ли не кланяется мне, не обращая внимания на то, что я ему создала лишнюю работу по поиску книги.

Обложка у неё плотная, из толстой кожи, с потёртым железным тиснением в уголках и алой лентой из шелка в качестве закладки. Книга хоть и выглядит древней, но по ней заметно, что нечасто берётся в руки — страницы чистенькие, разгибается тяжело переплет. Похоже, в этой Академии мало кто интересуется традициями Рода, хотя более вероятен тот вариант, что они их изучают дома, в кругу семьи.

Думается мне, что эта книга не только о магии, но и сама ею пропитана, потому что, как только беру в руки, меня с какой-то непреодолимой силой начинает тянуть её прочитать. Учитывая тот факт, что для этого она и была взята, этим и спешу заняться. Зажигаю свет в спальне, укладываюсь на кровать с удобством и погружаюсь в чтение. Первая глава оказывается об общем устройстве магии, о том, как она работает, какие условия нужно соблюсти, чтобы род благословили, какие заклинания самые важные, а какие можно применять не очень часто, также перечисляются руны и взаимодействие с нитями магии. Столько информации всего лишь на нескольких страницах, что у меня голова пухнет, но я мужественно продолжаю продираться сквозь дебри новых знаний. И, если изначально я надеялась на то, чтобы после прочтения нескольких книг и учёбы смогу с гордостью стать наследницей, то теперь осознаю, что всё не так просто, как кажется. Магия рода завязана не просто так на возрасте своих хранителей, и до настоящего становления правительницей севера мне нужно будет ещё хорошенько так повзрослеть, на десять лет почти, до тех пор плетение нитей магии будет поддерживать мой отец. А эти ненавистные руны мне действительно придётся не просто выучить, но и научиться использовать так, чтобы они работали. Сделать это ой как непросто, если верить написанному. Одно радует, фраза «нужен большой магический резерв», прямо про меня.

Вторая глава оказывается о заключении брака. Это мне тоже интересно, поэтому вчитываюсь даже внимательнее, чем в первая.

Сразу становятся мне понятны и глупые возмущения Риа и помощь в этом вопросе от Кирена. Оказывается, если помолвка уже заключена и была одобрена магией, то ни один из участников контракта не может даже посмотреть на сторону, не то чтобы пытаться встретиться с кем-то. Это значит, что пока мой младший брат не вырастет, не войдёт в магическую зрелость и не заключит настоящий брак с рогатой девушкой, она не сможет ни с кем даже поцеловаться, что уж говорить о других телесных и плотских удовольствиях. Магия это делает для того, чтобы защитить выбранную пару, когда один из партнеров может оказаться слишком своенравным. В книге так и написано: «Магия знает лучше, что нужно людям. Это не люди используют магию, а Магия использует людей». Интересно, а я уже помолвлена или нет? Не хотелось бы получить отдачу от магии лишь за то, что на кого-то не так посмотрела или не то подумала, хотя на деле уже являюсь почти замужней девушкой. Умнею, однако, но по-другому в этом мире и не выжить.

Я сижу с книгой почти до полуночи и даже не замечаю, как окончательно темнеет на улице. Отвлекаюсь лишь единожды, когда раздаётся гонг, возвещающий о том, что студентам следует вернуться в свои спальни, а не бродить по территории Академии. И в этот же момент яростно бурчит от голода мой желудок, как бы сообщая нерадивой хозяйке, что теперь ему придётся страдать до утра, когда откроется столовая на завтрак. Я даже мысленно себя укоряю, ведь могла же догадаться, что такая ситуация рано или поздно возникнет, но почему у меня в комнате ничего для перекуса нет? Вот она, истинная глупость. Думать о возвышенном чудесно, но и о земном забывать не стоит.

А на следующий день я неожиданно получаю письмо. Конверт белого цвета с сургучовой печатью, которую тоже вскрываю. Оказывается, что это послание от моих родителей, а точнее от мамы. До неё наконец-то дошли вести о том, что со мной произошло, и теперь она возмущается, что я ей даже не написала, не рассказала ничего. Эту женщину можно понять, я её старшая дочь, будущая наследница, да и просто родной человек, как она могла не волноваться? На секунду становится очень стыдно, что я так себя повела, но затем одергиваю свои мысли, ведь мне даже не было известно, как связаться с родителями, да и в каких отношениях Нивес с ними, чтобы так просто разговаривать на бумаге. Но позволить чувствовать себя радость я не могу запретить — всё-таки это моя семья, хоть я их ещё совсем не знаю, как и они меня. Именно об этом я и мечтала все свое время на Земле, о том, что у меня будут близкие родные люди, неважно, по крови или нет, главное, чтобы они считали меня своей. Так и исполнилось благодаря непонятым высшим силам. Конечно, в семье не без уroda, Олвен для меня никто, и вряд ли наши отношения улучшатся, судя по её поведению, зато у меня есть младший братишка Луми, с которым, надеюсь, я смогу найти общий язык.

Сегодня я договорилась с Дааром, что он не будет меня сопровождать. Всё-таки пора самой вылетать из гнезда и отправляться на исследование мира. Да и смотрится со стороны это смешно, вроде взрослая уже девушка, студентка, а ходит хвостиком за преподавателем. Даже потерей памяти такое не оправдать, становиться посмешищем мне очень не хочется. Самое время начинать строить отношения с другими студентами, искать себе друзей и союзников. А то, что они мне понадобятся, у меня нет никаких сомнений.

В отличие от предыдущих дней сегодня очень пасмурно, тёмно-синие и серые тучи полностью заволокли небо — того и смотри прольются дождём, смывая все на своем пути. Я вижу, как другие подростки кутаются в тёплую одежду и уже жалею о том, что сама не переделась. Может, у них есть какой-то способ узнавать о погоде не выходя из спален? Нужно выяснить, потому что, подозреваю, тут погода бывает разной, не хотелось бы окаченеть однажды прямо на занятиях.

Решение идти без Даара оказывается верным — у входа в класс зельготовки меня ждёт Кирен, а сзади него нерешительно поглядывает на происходящее Риа. Они со мной здороваются, и даже девушка проявляет приветливость. Разительная перемена по сравнению со вчерашним днём, интересно, это ал'Вула её надоумил, или же она сама решила?

— Я прочитала книгу о Магии и Роде, поэтому прошу у тебя прощения, я не знала, что твоя ситуация такая сложная. Настаивать на дружбе с тобой не буду, но была бы очень рада, если бы ты не отказывалась хотя бы общаться. Уверена, это укрепит отношения между нашими семьями, других целей я не преследую, — первым же делом сообщая будущей невестке, радуясь тому, что сделала.

Её лицо светлеет на глазах, она улыбается, и я понимаю — поступила правильно. Пока я

цеплялась за Земные традиции, не осознавала, что такое на самом деле Магия. А это великая сила, которую нельзя игнорировать. Даже Риа, пребывая в ненависти к своему жениху, никак не пытается избежать участи. Ей точно не хочется знать, чем может закончиться разрыв контракта. И мне теперь тоже.

Учитель Кут оказался прав. Многие из студентов пришли со следами корешков на коже лица. Либо не сходили вообще в лазарет, либо им уже было поздно помогать, но факт остаётся фактом — смотреть на это не очень приятно. Они предпочитают вообще не поднимать свои лица на обозрение другим, видимо, надеясь на то, что те не заметят. Довольно наивно так рассуждать.

— Учитывая, что с ровной кожей из вас остались единицы, — учитель обводит нас взглядом, — сегодня будем учиться варить зелье восстановления. Оно не более сложное в приготовлении, чем настойка Милоха, но требует концентрации и внимания. Если нарушить рецептуру, то последствия могут быть непредсказуемыми. А теперь все за чистку котлов.

Сегодня все сразу же бросаются выполнять указание. Прошлый урок от Кута оказался действенным — студенты не хотят терять время. Вооружившись щетками, тряпками и водой, принимаются за дело, засучив рукава одежды. Даже Риа, в прошлый раз воротившая нос от работы, послушно начищает емкость, впрочем, не забывая при этом тихонько под нос себе бормотать ругательства.

Я и сама в числе первых начинаю работать. Пусть проблем с кожей нет, но, подозреваю, что зелье восстановления используется в разных ситуациях. И, когда начинаю уже варить, добавляя ингредиент за ингредиентом, решаю почитать об этом зелье в учебнике. Нужная страница — тридцать третья, как назло, оказывается залита чернилами. Интересно, это Нивес успела наследить, или же учебник просто подержанный? Хотя вряд ли здесь будущей наследнице бы дали бэушную книгу.

— Учитель, как мне быть? — Только такой выход из сложившейся ситуации я вижу. Поэтому почему бы не попросить Кута о помощи? Вроде как все преподаватели должны помогать своим студентам, не думаю, что он откажет, поэтому добавляю, — помогите мне, пожалуйста.

Вежливость — главное оружие воспитанного человека, который хочет что-то получить от других. Обычно всегда работает: посмотреть в глаза и не сказать ни одного грубого слова. Тем временем мужчина протягивает ладони к моей книге, бормоча при этом:

— Очистись, — вот так вот просто, без всяких непонятных словечек. И чернила будто впитываются в бумагу, как вода, делая страницы вновь девственно чистыми. Затем Кут обращается ко мне, недовольно посматривая, — тебе следует выучить простейшие заклинания, не все преподаватели такие добрые и всё понимающие, как я.

Приходится после урока снова идти в библиотеку. Её хранитель смотрит на меня, как на любимую внучку, явно одобряя то, что я хожу сюда так часто. Быстро находит мне нужную книгу, а прошлую забирает, ту, которая о Магии и традициях Рода. Из неё я смогла почерпнуть много интересного и полезного, например, теперь знаю, что была отправлена в Академию не просто так: прежде чем стать наследником или наследницей своего рода, нужно быть какое-то время от него отрезанным, из-за этого нити Магии натянутся и станут толще, увеличивая размер наследия. Весьма полезная информация. В последних главах и вовсе приводились примеры семейных ритуалов, которые для каждого рода являются индивидуальными. Я ещё тогда себе сделала зарубку в уме, чтобы выяснить по возвращении домой, какие именно ритуалы нужны ал'Сандрам. Уверена, старая Нивес их знала, будет очень странно, если вдруг близкие узнают, что я не просто не обладаю нужной

информацией, но и не могу ею пользоваться.

Книжка оказывается самой простой, без всяких супер обложек и тиснения, обыкновенный толстый картон и тонкие страницы, расписанные вязью чёрных чернил. Начинаю я с первой же главы, чтобы ничего не упустить. Там приводятся примеры неправильного использования магии, советы, как увеличить свой магический резерв, а также предостережение для всех юных магов, которые становятся на путь обучения — правильно рассчитывать силу, ведь если магическое истощение случится, а рядом не будет помощи, то обучаемый может и умереть.

— Простые заклинания для поддержания быта, — читаю заголовок следующей главы вслух, проговаривая про себя каждое слово. Так лучше запоминается. — В первую очередь стоит помнить о том, что бытовые заклинания хоть и являются простыми, но требуют такой же концентрации, как и высшие. Нельзя заставить метлу мести, если вы не способны даже этого представить. Невозможно очистить домашнее серебро, не зная о составе металлов и их свойствах. Совершенно неразумно применять заклинания, если нет необходимости.

Тот, кто писал эту книгу, явно постарался сделать её очень интересной для детей и подростков. С юмором написано большинство текста, хоть и с предостережениями. Как будто сказка, если честно. Но, как бы не хотел автор заинтересовать своего читателя, это все равно остается учебником. На Земле мне никогда не нравилось учиться, удивительно, что тут я проявляю столь удивительное рвение. Наверно, это потому, что я осознаю, как важно для меня узнать как можно больше.

Уже давно вечерет, когда в мою дверь стучат. Я, не ожидавшая никого сегодня в гости, переодеваюсь в более подходящую одежду, чем домашний тёплый костюм, смотрю мельком на себя в зеркало, убеждаюсь, что всё в порядке с лицом и волосами, и только после этого открываю.

— Что ты тут делаешь? — Моему изумлению нет предела, когда я вижу за дверью Кирена.

Ал'Вула выглядит приятнее, чем я, оно и понятно, наверняка готовился к встрече. Ещё бы знать, чем она продиктована.

— И тебе здравствуй, — оглядывается по сторонам, словно выискивает следящих шпионов, а затем быстро заходит ко мне в спальню, захлопывая дверь. — Ты только не кричи, что я ворвался, для этого есть свои причины.

Наверно, я уже слишком прониклась этим миром, поэтому задаю логичный вопрос:

— Какие причины могут привести мужчину в комнату дамы вечером, на встречу, о которой не было оговорено заранее? Не боишься, что пойдут сплетни, которые рано или поздно достигнут ушей моей сестры? — Мне в принципе плевать на чужое мнение, но не хочется, чтобы хоть какие-то слухи бросали тень на мой Род. Я горжусь, тем, что стала ал'Сандр, готова защищать честь своей фамилии до конца жизни. Не хочу, чтобы родители расстроились, что я вела себя неподобающе. — Если твой вопрос действительно очень важный, то я тебя прощу, но если нет, то подам жалобу в совет, чтобы предупредить остальных девушек Академии о том, что тут есть маньяк, расхаживающий по чужим спальням ночью без разрешения.

Я готова пойти на любые безумные шаги, чтобы защитить себя в будущем. А уж совет привлекать к решению проблем вообще святое в этом мире, насколько я поняла по их суду надо мной. Если мне удалось выкрутиться, не думаю, что мальчишка, пусть и королевского рода, сможет сделать тоже самое. Поэтому лучше пусть думает, что я местная сумасшедшая,

чем то, что я совершенно беззащитна перед ним и другими.

— Тебе не стоит так волноваться, — поднимает примирительно ладони парень, делая самое невинное выражение лица, какое я только видела. — Быстро поговорим, и уйду. Так вот, — хмыкает, явно собираясь с мыслями прежде, чем сообщить мне что-то, — я хочу быть твоим союзником. Я знаю тебя недостаточно хорошо, но уже уверен, что ты стоишь куда выше, чем Олвен. Думаю, с тобой дружить будет намного выгоднее. Так что давай заключим Союз.

Так вот оно что. Он пришел не за честью моей, не за какими-то словами, а потому что ищет местечко потеплее. Интересно, зачем это ему, если он является наследником? Мысли, которые роятся в его голове, точно интересные, и знает Кирен куда больше меня, может, это не такая уж и плохая идея — найти себе друга, пусть и такого алчного — ведь он сам пришел ко мне, предлагая помощь. Ну не буду же я и правда бегать по Академии, развешивая объявления о том, что мне нужны союзники? Это было бы совсем глупо.

Для начала надо взвесить все «за» и «против». Что я приобрету, если соглашусь с предложением ал'Вулы? Во-первых, полезного друга в настоящем и очень могущественного союзника в будущем, когда он станет во главе своего государства. Во-вторых, можно пойти и дальше, если окажется, что я ни с кем не помолвлена. Как бы не хотелось выйти замуж по любви, но и по расчету может оказаться неплохо, уважение тоже важно между людьми, которым предстоит долгие годы прожить вместе и даже растить совместных детей. Кто знает, может, со временем и любовь придет, но и без неё можно прожить, как я давно заметила. Самые крепкие браки строятся далеко не на взаимной симпатии.

Какие могут быть минусы? Очевидно, я не могу до конца доверять словам Кирена, зная, что с моей сестрой он долгое время был в очень близких отношениях. Кто знает, может, это она его подслала, чтобы втереться мне в доверие. Следовательно, если я, как глупая рыба, захвачу наживку, то могу попасться в сети, сама того не осознавая — не самый лучший расклад. Во-вторых, мне неизвестно, как на самом деле в этом мире относятся к сотрудничеству на долговременной основе, может, там свои обязательства есть, а мне не хотелось бы брать лишние, пока я не разобралась с устройством этой вселенной. Проявить благоразумие — не глупость. Я всего лишь хочу обезопасить себя. Могу ли от своего имени заключать сделки, которые затрагивают весь Род? Приходится задать такой вопрос. На что ал'Вула отвечает:

— Я же предложил тебе заключить Союз, а не поклясться на крови, — говорит так, как будто я сразу должна была понять, что это значит, но, увидев, что я не разумею его слов, он уточняет, — постоянно забываю, что ты потеряла память, и многие моменты жизни не помнишь. Даже такие важные. Так вот, Союз заключается между двумя и более людьми о сотрудничестве, при этом используются простейшие заклинания связывания, которые очень легко разорвать, если хотя бы один из участников этого захочет.

— Если это так легко сделать, то как я могу доверять тебе?

— Когда один разрывает заветы, все остальные это чувствует по связи. Поэтому волноваться вам не о чем.

Такой расклад меня вполне устраивает. Придает уверенность, что хоть какие-то гарантии мне дают. Поэтому я сразу же соглашаюсь принять парня в качестве союзника. Тот улыбается довольно, как будто другого ответа и не ожидал, а глаза так и искрятся смехом. В этот момент он кажется мне очень даже симпатичным, я сама себе удивляюсь, потому что нечасто до этого засматривалась на мужскую красоту, как-то не до этого было. А тут вдруг с небывалой силой почувствовала притяжение к другому человеку, что явно говорит о том, что не все для моей девичей сущности ещё потеряно.

Кирен находит на моем рабочем столе мел, быстро его смотрев, затем на полу чертит круг. Просит меня сесть в него, сам устраивается напротив. Протягивает мне свои руки ладонями вверх.

— Возьмись за них, — просит он, как бы не замечая смущение, краснотой разливающегося по моим щекам. Послушно беру его за руки, закрываю глаза. Но ал'Вула меня останавливает, — нет, мы должны смотреть друг другу в глаза, нельзя их закрывать, прерывая зрительный контакт. Это очень важно для заклинания.

Приходится подчиняться и открыть их. Стараюсь не моргать, смотрю в глаза Кирена.

Господи, как же это смущает. Как будто мы влюблённая парочка, которая вот-вот поцелуются.

— Повторя за мной, — не дожидаясь следующих слов, просит подросток, — я вверяю свою дружбу Кирену ал'Вула, доверяю ему свои тайны и считаю своим союзником. Обязуюсь почитать этот Союз, хранить верность нашим тайным.

Пока я произношу это, он зачитывает такой же текст для себя, разве что меняет свое имя на моё. И когда он заканчивает, Магия тут же приходит в действие, наши соединённые руки освещаются теплом желтоватым светом, пробегается волной до локтей, а затем, ярко вспыхнув на мгновение, полностью исчезает. Я чувствую лишь покалывание в ладонях и какую-то нить, которая тянется теперь из моей груди к груди парня. Так вот значит, что такое заключить Союз. Связь и правда возникает. Я уже сейчас могу точно сказать, что слова о сотрудничестве и дружбе от Кирена были правдой. Нить так и пульсирует желанием поближе меня узнать.

— Здорово получилось, впервые это делал, не ожидал такого хорошего результата.

Он радуется, как ребёнок, давай мне понять, что очень сильно желал Союза. Что ж, не буду его разочаровывать:

— Спасибо, что пришел ко мне с этим предложением. Ты мне существенно облегчил жизнь на ближайшее время. Надеюсь, что из этой связи выйдет что-то хорошее, — снова смущаюсь, признаваясь в этом. Но и солгать я теперь этому человеку не могу, он сразу же почувствует вранье. Видимо, эта нить как обоюдоострой клинок, как я могу узнать лжет или нет парень, так и мои чувства для него теперь как открытая книга.

Насвистывая какую-то веселенькую мелодию ал'Вула уходит, я же остаюсь одна, вновь погружаясь в мысли. Многого нужно обдумать, события в последние дни происходит так быстро, что я не успеваю их проанализировать, следовательно, и сделать правильные выводы тоже, но это необходимо, чтобы избежать ошибок в будущем.

Следующие дни идут один за другим, сменяясь с такой скоростью, что мало чего остается в моей памяти о них. Бесконечные занятия, разговоры с Киреном, а также Олвен, которая время от времени появляется со мной рядом, чтобы в очередной раз позлорадствовать. Мне такое поведение сестры кажется очень странным, же выросла с мыслью о том что ничего не изменится, я всё равно встану наследницей, неужели так трудно найти что-то, в чем она бы сама была хороша, избавиться от собственной зависти? Ей это самой помогло бы жить легче. Но нет, эта девушка, которая выглядит как я, словно мы две капли воды, исходит ревностью, злостью и ненавистью, словно я величайшее зло на свете. Если её можно было бы сравнить животным, то никто кроме гадюки не пришёл бы мне на ум.

Но даже от неё я узнаю много интересного, например, что скоро нам придётся отправиться домой, так как состоится зимний праздник солнцезаведения, во время которого, как сказала сестра, «ты станешь поганый наследницей». Что ж, это было ожидаемо, что радости от этой новости она не испытает. Словно чувствует какое-то злорадное удовлетворение, видя чужое искаженное в ненависти лицо, которое я ей все-таки продемонстрировала.

В письмах с родителями мои отношения улучшаются. Если вначале я боялась писать что-то, что меня скомпрометирует, то очень быстро понимаю, что на самом деле Нивес любима. Строки писем от матери и отца пропитаны нежностью такой силы, что у меня

щемит сердце, когда я читаю. Хоть ещё не разу не видела их, уверена, очень обрадуюсь, когда это случится. Поэтому праздника солнцезатенения жду с нетерпением, чтобы познакомиться с теми, кто подарил мне — Нивес — жизнь.

Однако, мысль об этом меня и пугает. А дело все в том, что Кирен мне говорит:

— Ты же в курсе, что будет бал? Помнишь хоть, как нужно танцевать? — С ухмылкой сообщает это мне в один из вечеров, когда мы вновь сидим в моей спальне и обсуждаем прошедший день. — Если ты опозоришься в парном танце, то даже не представляю, что будет. Тем более что именно будущая наследница открывает это мероприятие вместе со своим отцом. Может, нужна помощь?

Танцевать-то я совсем не умею. Дёрганья на детдомовской дискотеке не в счет, это точно не вальс. Пробирает дрожь, только я думаю о том, как отдавлю ноги своему папеньке, пытаюсь сделать все эти заумные па. Приходится согласиться с ал'Вулой:

— Кажется, теперь ты ещё и мой учитель.

Подписываясь на занятия с этим парнем, я даже не знала, что меня будет ожидать на следующий же день, когда уроки танцев начнутся.

Неприятности начинаются с самого утра. Вначале ко мне заглядывает Даар, которого я не видела с лазарета, когда попала туда с магическим истощением. Он, как и всегда, одет с иголочки: юбка, очень похожая на шотландский килт, чёрного цвета в красную крупную клетку, белоснежная рубашка, расшитая серебряными звёздами, брошка из золотистого металла в виде солнца с раскинутыми гнутыми лучами. Волосы уложены в высокий хвост, а на руках красуются массивные кольца. Интересно, наг сам по себе такой модник или же приодевается специально для кого-то?

— Вижу, ты уже совсем освоилась, — отмечает он, осматриваясь в комнате. Насколько бы близок он мне ни был, это уже совсем беспардонно. Как будто к своей девушке в спальню заглянул, чтобы в шкафу или под кроватью любовника найти. Что же в этой хитрой голове творится? Ль'Ву же, будто не сказал ничего странного, продолжает, — до этого тебе была нужна моя помощь, теперь же я пришел тебя попросить.

Вот это уже интереснее. Этот нелюдь показался мне тем, кто всегда полагается только на себя, не рассчитывает на других. То ли потому, что не доверяет, то ли из-за лишней самоуверенности, но факт остаётся фактом, такое впечатление сложилось у меня о нем. Какое происшествие должно случиться, чтобы Даар вдруг ко мне обратился, той, что пока на малое способна. Да я даже собственной Магией не управляю.

— Изложи просьбу, а я уж подумаю, как на неё ответить, — вежливый, но категоричный ответ, однако, другого предложить не могу.

— Не очень-то приветливо, но я понимаю. Сам тебя этому научил — осторожности в обещаниях. Молодец, отлично усвоила урок, — похвала же звучит как-то недоброжелательно. Хм. Ль'Ву вновь берет слово, — моё превосходство над другими вышло боком, честно говоря. Несколько дам подали прошение о принудительном заключении брака.

— Может, это не из-за твоей неотразимости, а потому, что ведёшь себя, как кобель? — с хохотом переспрашиваю мужчину.

Я уже не раз, не два и даже не десять наблюдала, как он заигрывает со всеми, с кем только может: Лири — помощницей лекаря в лазарете, молоденькими студентками, некоторыми учителями, даже на себе чувствовала чужой изучающий взгляд, предпочитая банально не обращать на это внимания, чтобы не давать лишнего повода ко мне подбить клинья. Знаю я таких мужчин. Никакой личной ответственности. Подозреваю, что женщины не просто так требуют его привлечь. И в какой-то мере даже хотела бы им поспособствовать, чтобы в другой раз неповадно было нагу девушкам головы морочить.

— И как же я тебе помогу? Я уж точно не стою выше Совета, а рты не заткну, как бы ты не хотел, — указываю на очевидное.

Мужчина мнетя, что замечаю за ним впервые. Неужели стесняется? Вот это прямо восьмое чудо света. Будь у меня фотоаппарат, обязательно бы сняла, слишком уж потешное выражение лица наблюдаю.

— Есть вариант обручиться...

Черт возьми, вот это поворот. Скажи Даар мне это чуть меньше месяца назад, я бы, не задумываясь, дала согласие, чтобы помочь своеобразному другу, но теперь-то я умнею, знаю о том, как серьезен контракт помолвленных, какую ответственность перед Магией нужно

нести. Это на Земле можно пожениться и развестись за один день при большом желании, тут же помолвка равно браку до конца жизни обоих или одного супруга. И с обещаниями обручиться не стоит шутить. Как же хорошо, что я всё-таки взяла ту самую книгу в библиотеке.

— Знаешь, ты слегка припоздал с этим предложением. Я как бы не горю желанием заключать брак с тем, кто мне в отцы годится, а ведь если мы обручимся, то это придётся сделать. Не думал же ты, что я не узнаю об этом?

Льву и правда выглядит озадаченным. Как будто не предполагал, что я могу свои мозги включить и информацией обзавестись. Если я и заключу с кем фиктивный брак, ну или по крайней мере тот, что не по любви, то это точно будет не ль'Ву. Уж его похождения на сторону я терпеть долгие годы не собираюсь, а ведь придётся, если эту глупость совершу и обручусь.

— И кто же тебя надоумил? — наг выглядит очень недовольным, как будто сорвалась сделка века. Я в очередной раз убеждаюсь в правильности своего решения. Он явно имеет какие-то виды на меня, но при этом не спешит открываться, вот и я не буду ему в этом помогать. — Для тебя же безопаснее будет под моей защитой.

— Какой защитой? Если в первые же дни после моего появления здесь меня судил Совет. И, насколько я помню, ты никак не смог мне помочь, стоял рядом, глазел, как остальные, — воспоминания о том до сих пор причиняют мне неприятные ощущения. — И вообще, ты хоть и являешься достаточно родовитым существом в этом мире, но, подозреваю, что я себе подобрать партию и получше смогу. Уж прости, но теперь я в первую очередь должна думать о своем благополучии и благополучии своего рода. Ты ведь знаешь, что бывает, если пренебрегать традициями?

Такой вопрос я задаю не просто так, ведь Кирен мне рассказал: если не вливать в Магию Рода новую сильную кровь в качестве супругов, то очень быстро нити истончаются и перестают поддерживать своих хозяев. Но это чревато не только угасанием целых семейств, но и их земель, которые потом не примут уже никого к себе, не позволят себя оживить. И Даар не может об этом не знать, следовательно, ему как минимум плевать на мой Род, а как максимум он может хотеть от него избавиться. А ведь этому человеку я доверяла всецело, ведь он был первым, кто пришел мне на выручку в этом мире, да и сам является Приходящим. Казалось бы, это должно нас связывать крепче канатов, но, но нет, видимо, не бывать этому.

Ль'Ву было открывает рот, чтобы мне возразить, но его прерывает очередной стук в дверь. А затем в приоткрывшейся щели показывается голова Кирена. Он смотрит на меня, затем на учителя, снова на меня и вновь на мужчину, которого явно не ожидал здесь увидеть в столь ранний час. Может, он хотел бы задать вопрос, но выдержка наследника дает о себе знать, и он молча захлопывает свой было открывшийся рот. Теперь заходит в комнату полностью, кланяется Даару и здоровается.

— Юный ал'Вула, не ожидал тебя здесь увидеть, — в глазах нага загорается едва сдерживаемый гнев. Затем он обращается ко мне, — теперь понятно, почему ты отвергаешь моё предложение — у тебя тут уже есть претендент на руку и сердце. А тебя не смущает, что с твоей сестрой он был дольше, чем учится даже в Академии?

Может быть и смущало раньше, но за те недели, что мы разговаривали с парнем, нить нашего Союза только окрепла, секретов друг от друга мы не имеем, поэтому я ему доверяю куда больше таинственного мужчины, помыслы которого остаются для меня закрытыми

доныне.

— Раз так, то не буду вам мешать, — с явно обиженным видом проговаривает наг, проползая в двери. Захлопывают их за собой, как разгневанная девчонка, оставляя нас с Киреном наедине.

— Уж не знаю, что это за представление было, но мне не понравилось, как он напоследок посмотрел, — хмуро произносит ал'Вула, присаживаясь на стул.

Я с ним полностью согласна. В любой ситуации в этом мире надо свои эмоции держать при себе, а Даар их продемонстрировал так ясно, что мне становится понятно — я его переоценила, не так уж и сильно он здесь освоился, раз позволяет себе такое делать.

Теперь же мне интересно, почему пришел и мой друг утром, ведь встретиться для первого занятия танцами договорились вечером.

Вопрос задан, но Кирен не спешит на него отвечать. Сидит, глубоко задумавшись, уставился в какую-то одну точку за окном. И даже по лицу его невозможно ничего прочесть — оно в этот момент полностью безэмоционально. Неужели его новости ещё более ужасные, чем у нага, раз он так боится или стесняется их мне сообщить? По связи чувствую, что как раз-таки этих двух эмоций парень не испытывает, зато очень глубокое стеснение — вот что царит в его душе.

— Если ты промолчишь ещё хотя бы секунду, то я начну подозревать дикие непристойности, поверь, последствия тебе не понравятся, — угрожаю ему шутливым тоном, однако, по тому, как дёргается чужой глаз, понимая, что он все мои слова сейчас воспринимает всерьёз. — Не тяни кота за хвост, говори уже!

— Не тянуть кого за хвост? — в недоумении щурится Кирен, пытаюсь понять, что я ему сказала.

Упс. Неужели здесь нет котов? Это я конечно очень глупо проколосось. Надо как-то исправлять ситуацию.

— Коты. Ты разве не слышал о таких маленьких животных? У нас на севере их очень много, ловят грызунов, — теперь я предусмотрительно не называю никаких видов животных, вдруг здесь мышей с крысами нет, — бывают очень ласковыми, любят пить молоко, — уж молоко у них тут наверняка есть, всё-таки люди существуют, они млекопитающие на первых порах своей жизни.

— Млеко? — вновь переспрашивает ал'Вула, а у меня возникает острое желание удариться лбом об стену, неужели сегодня я так и буду совершать один фейл с другим? — Олвен мне о котках не рассказывала ничего. Я бы хотел на них посмотреть.

Я уже давно выяснила, что у этого человека любознательная натура. Подозреваю, что теперь он и не отстанет от меня, пока не увидит загадочных котков.

— Вот, ты снова сбил меня с мысли. Я пришел к тебе тоже с просьбой, как наш учитель, — морщится, словно от зубной боли, вспоминая об ушедшем наге, — нет-нет, ты не подумай, я не о том, — тут же пугается, увидев моё выражение лица. Видимо, оно было очень красноречивым. — Я о том, что если уж ты согласилась учиться со мной танцам, то, может, составишь мне пару на балу у себя дома? Я и танцор хороший, да и в настоящие любовники тебе не набиваюсь.

«Пока не набиваешься», — так и хочется ответить, но я решаю благоразумно помолчать. Незачем поселять в голове этого парня мысли, которые туда пока могли и не приходиться. Сама же вслух говорю:

— Нужно, чтобы отец одобрил кандидатуру. Без его согласия я даже не чихну, — правильно, как воспитанная леди, я должна подчиняться воле папеньки и не своевольничать открыто.

О поведении девушек и парней я предусмотрительно прочитала в книге по этике. Там поднимаются разные вопросы, в частности, о том, как следует отвечать человеку, который проявляет к вам интерес, но при этом ещё является несовершеннолетним, не соответствует вам по статусу или же банально не нравится. Познавательное чтение истинных леди и джентельменов.

Теперь мне не приходится думать о том, что я делаю что-то не то, как в первые дни

после своего появления в этом мире. Те моменты были наполнены постоянными фейлами, которые открыто показывали, что я — Приходящая; даже хорошо, что был собран по настоянию ректора Совет, и неведомая сила доказала старейшинам, что это не так, сейчас по крайней мере никто не сомневается в их приговоре, следовательно, на время я безопасна.

— А я уже спросил дозволения у твоего родителя, — ошарашивает меня неожиданно Кирен.

— Вот это прыть. Её бы да на благие дела, — почти шепотом отвечаю, все ещё приходя в себя. Затем продолжаю, — и что же он сказал?

Ответа жду с замиранием сердца, все-таки мне интересно, насколько отец уважает мое мнение — позволит ли наследнику другого королевства сопровождать меня, даже не спросив у собственной дочери. От этого будет зависеть и мое доверие к нему. Пусть я заочно уже полюбила и маму, и папу, через многочисленные письма, но любить это одно, а всецело доверять — совсем другой уровень. Мне бы хотелось построить с ними крепкие отношения, которые выдержат любую бурю и неприятность.

Насколько я успела выяснить, в этом мире равенство у мужчин и женщин, но при этом леди знатного происхождения обязаны подчиняться своим старшим родственникам. Вначале, когда только об этом узнала, поразила лицемерием системы. А затем согласилась с таким раскладом, ведь крестьянской девушке ничего не будет, если она станет встречаться с простым парнем, забеременеет и родит от него ребенка, а вот если то же самое, без одобрения Магии, попробует сделать кто-то, принадлежащий высшему сословию, то наказания за своеволие будут все члены семьи. То есть, Магия может просто покинуть Род, и тогда старания предков, накапливавших силу веками, будут напрасны.

— Сказал, что подумает, — Кирен с недовольством кривится. Я же обрадованно выдыхаю, даже не пытаюсь скрыть улыбку на лице. Парень хмыкает, ему мои эмоции вполне понятны. — Странно, что он ещё не прислал тебе письмо по этому поводу, мы-то закончили переписку ещё две недели назад, пора бы уже.

Так вот почему связь между нами была наполнена таким страхом непонятного разоблачения — ал'Вула мне в сопровождение набивался, волнуясь, что я узнаю, что он это делал за моей спиной. Сил злиться уже не остаётся. Это же бесполезно: люди на Материке растут в совсем других традициях, нежели на Земле, с молоком матери впитывают совершенно отличные моральные принципы.

— Что же ты ответишь? — нетерпение из наследника Востока бьет ключом. — Поверь, это ни к чему тебя не обяжет.

— Разве что покажет всем, кому я отдала предпочтение. Это тоже многого стоит, Кирен. Не пытаюсь мне голову запудрить сладкими словечками, со мной такое уже давно не работает. Кстати, — вспоминаю ещё об одной маленькой детали, — а как ты Олвен объяснишь, что ты не с ней па выводишь, а со мной?

Удивительно, но наша «дружба» все ещё не была раскрыта сестрой. Та умудряется засунуть свой любопытный нос во все мои дела, смертельно меня этим раздражая. То тут, то там умудряется напакостить, а затем выйти сухой из воды, словно обладает особым умением выворачиваться. Ну точно змея.

— Тебе не стоит об этом волноваться. Чай не пятилетний мальчишка, а уже почти взрослый мужчина. Ответственность за свои поступки научился нести уже давно. Вот и с злобной сестричкой как-нибудь разберусь.

«Я, я...но почему-то не думает о том, что на меня может пасть тень разлучницы. А уж

Олвен постарается, чтобы это случилось», — размышления даются с трудом, потому что Кирен-то на самом деле мне очень симпатичен. Даже не смотря на то, что часто считает только свое мнение правильным, воспитан он истинным джентельменом. В отличии от других студентов Академии мужского пола никогда не приставал к девушкам, не применял к их длинным юбкам заклинание левитации, не дергал за волосы и не пел голосом дурного кота песни в полночь под окнами общежития. Он вообще открыто выражал благосклонность только к Олвен, но даже это в последнее время прекратилось — во мне ал'Вула нашел более сердечную подругу.

Но я решаю отринуть все сомнения и говорю ему:

— Хорошо, позволяю меня сопровождать.

И происходит совсем уж неожиданное: Кирен со своего стула подхватывается так, что тот падает на пол, а сам наследник бухается на колени передо мной, берет руку и целует, едва касаясь, мои пальцы. Уверена, теперь мое лицо алое от смущения. Такого внимания я ещё никогда в жизни не получала. «Вот нахал», — когда касание длится дольше положенного, думаю я. А после: «Впрочем, можно и потерпеть».

Когда ал'Вула уходит, бухаюсь на кровать прямо в одежде, зарываясь лицом в подушку, и придушенно повизгиваю от восторга. Не думала, что меня легко смутить, но этому парню удалось.

— Таких бездарных учеников в гробу я видела, — беснуется учительница Каллиан, помахивая плеткой в воздухе. Тонкое кожаное плетение шелкает, ударяясь о поверхность одной из парт. Пара студентов вздрагивает от страха. — Кто вам сказал, что менталистика простой предмет? Или как мне понимать, что двое из вас, олухов, оказались в лазарете с магическим истощением?

Риа и парнишка в очках отводят взгляды. Сразу становится понятно, кто виноват в болезни других. Видимо, решили попрактиковаться без надзора, вот и получилась белиберда.

— Вы в курсе, что за такое отчисляют из Академии? Или желание порыться в чужих мозгах просто перевесило здравый смысл? — продолжает неистовствовать женщина. Рвёт и мечет, никогда я такого гнева не видела.

Оно и понятно: отвечает-то не кто-нибудь за дурных подопечных, а она лично. И большинство детей в Академии из знатных и королевских семейств, их родители точно по головке не погладят Каллиан, если вдруг отпрыски, на которых возлагают большие надежды, станут пускающими слюни овощами. Интересно, наказание за подобное какое предусмотрено? Думается мне, что не простое увольнение. Вот учительница и злится на самоуправство учеников.

Подростки выглядят пристыженными, но не особо. Тут такое поведение из-за воспитания, из семьи идет. Привыкли чувствовать себя безнаказанными за почти любые проступки, и сейчас не особо напрягаются. Считают, наверно, что родители в любом случае отмажут от неприятностей.

— Что, и ответить нечего? — учительница вне себя от ярости. Страшно. Магия волнами расходится от менталистки, ища, кого бы подчинить. Теперь я понимаю, что именно она имела в виду, говоря, что данная профессия требует предельного сосредоточения. Шаг влево, шаг вправо, и расстрел. Тут, видимо, всё также работает. — Риа и Амиан, вы отстранены от занятий на три недели, а также на вас будут наложены взыскания: отработка повинности в лазарете, в саду и библиотеке.

Наконец-то я узнаю имя того мальчишки, что постоянно тенью за мной следует. Ещё одна загадочная личность на мою голову. Близко не подходит, словом ни разу не перемолвился, зато глазами впериается в меня каждый раз, как встречает. Сам он внешности обычной: невысокого роста, среднего телосложения, каштановые волосы растрёпанны, тонкие губы все время поджаты.

— Можете уходить, вам не место на моих уроках, даже после отстранения не вернетесь, — выносит окончательный приговор Каллиан.

Класс дружно шокировано вздыхает — не ожидали, что учительница окажется настолько жёсткой. Как по мне, она поступает правильно. Если студенты после первых же занятий ослушались наставника, подвергнув других опасности, то не стоит надеяться на то, подростки исправятся. Заслуженное наказание получили.

Парень и девушка, понимая, что ничего не добьются руганью, молча собирают вещи, которые уже успели разложить, и тихо выходят из комнаты. К остальным же обращается учительница:

— Следующих умников я лично вышвырну из Академии, пинком под зад по ступеням спущу или сброшу прямо с обрыва, — угроза пусть и звучит шуточно, но по выражению лица

женщины осознаю, что обещание она точно выполнит. — А теперь все разбивайтесь на пары, начнём наконец-то занятие.

Я вновь встаю напротив Кирена, только теперь нет того напряжения, которое раньше чувствовалось очень явно. Теперь мне совсем не страшно довериться этому парню. Спокойно смотрю в его глаза, замечая чужую сосредоточенность.

— Сегодня у нас тема урока: «Укрепление внутреннего якоря». Думаю, вы уже осознали, что без него никак. Как я и говорила, якоря бывают разными. Самое сложное — подобрать тот, что подойдет именно вам, — пытаюсь расслабиться, говорит Каллиан. И у неё это удается, даже легкая улыбка появляется. Вот что значит профессионализм. — сделать это непросто именно из-за вашего возраста. В голове проносится тысяча мыслей, любимые вещи постоянно сменяются — это не способствует определению и закреплению личности. Но, насколько я поняла, кое-кому удалось найти свой якорь и без помощи учителя, — смотрит на меня. А после и все остальные ученики вглядываются с недоверием. — Ал'Сандр продемонстрировала нам, что ещё не все потеряно. Если уж смогла сделать она, то и другие тоже способны.

А вот это звучит слегка так оскорбительно. Как будто раньше я не проявляла никаких талантов и слыла в Академии самой тупой ученицей, что вряд ли является правдой. Мой магический резерв не позволил бы позорить королевскую фамилию. Но возразить не могу, ведь ничего не помню о прошлом хозяйки своего тела.

— Смотрите внимательно в глаза партнера. Не моргать. Делаем глубокий вдох и выдох. На третьем выдохе берём партнера за руки.

Дает инструкции, а подростки старательно их выполняют. Откуда-то сбоку после того самого «третьего выдоха» раздаётся девичий вскрик и рассыпаются искры.

— Ну вот, я же говорила, что получится, — радуется Каллиан, поднимая с Пола упавшую ученицу. — Молодец, Нейра, у тебя сильная воля.

Я же обращаюсь к Кирену:

— От меня тоже искры валили, как от волшебной палочки? — шепчу, чтобы не привлекать чужого внимания.

— Что такое волшебная палочка? Какое-то растение для зелий? — также шепотом недоумевает ал'Вула.

Закатываю глаза к потолку, вина себя в очередном проколе. Такими темпами кто-нибудь вновь во мне заподозрит Приходящую. И никакая Магия тогда мне не поможет уйти от проблем. «Надо стать осторожнее», — повторяю мысленно в который раз, впрочем, не особо надеясь на успех. — «Может, есть какое-нибудь заклинание, чтобы язык за зубами держать?».

— Да, растение, — радуюсь тому, что Кирен сам придумал оправдание и делаю все, чтобы он окончательно в него поверил. — Используется для усиления магических заклинаний и их направленного действия.

А что, интересная мысль. Ведь в этом мире действительно нет волшебных палочек. Так, может, мне, как попаданке, на роду написано привнести новшества? Стоит изучить этот вопрос.

— Вообще не было никаких искр, ты просто замерла на пару секунд, а затем твои глаза закатились, и ты упала в обморок. Страшное зрелище, между прочим, ведь ударила головой, прежде чем тебя успели толком подхватить, — вспоминает Кирен, улыбка сходит с его лица. — Я в тот момент очень сильно испугался, подумал, что ты и расшибиться

можешь. Слава богу, что всё обошлось.

— Значит, установление моего якоря было не таким, как у других, — не спрашиваю, а констатирую факт. Получается, я и тут отличилась. — И что об этом сказала Каллиан?

— А что она может сказать? Обрела якорь, так обрела, неважно каким способом. Учительница обычно такими вещами не интересуется. А если делает это, то свои мысли держит при себе. Ты вообще, Нивес, очень отличаешься от всех студентов здесь, поэтому неудивительно, что в который раз с тобой происходит что-то странное, — даже и не знаю воспринимать эти слова наследника как похвалу, или же как упрёк. С одной стороны он за меня волнуется, а с другой, может иметь какие-то свои виды, частично о которых уже мне сообщил. В любом случае, я не хочу остаться единственной в дураках, при любом раскладе. Мальчишка тем временем продолжает, — знаешь, думаю, даже если бы мы не заключили с тобой Союз, я все равно постарался бы подружиться. Давно не встречал таких интересных собеседников.

Я не напоминаю ему про Олвен, с которой он проводил долгие месяцы отношений, может быть, даже годы. Всё-таки это его личное дело, и не мне в него лезть, тем более что как жених он мне пока не подходит, я его даже в качестве парня не рассматриваю.

Тем временем наш разговор прерывается очередным вскриком со стороны: ещё одна пара смогла установить себе якоря. Так что я не рассматриваю тот факт, что сделала это первой, каким-то достижением, вот, людям понадобилось всего пару минут после разъяснения, чтобы это совершить. Если задуматься, то и я нашла свой якорь после разговора с незнакомцем в моих видениях, следовательно, без помощи не обошлось.

Когда занятие подходит к концу, учительница приближается ко мне. Явно намереваясь поговорить, она не оставляет мне места для манёвра, отрезая от остальных студентов своей внушительной фигурой:

— С тобой, ал'Сандр, нам нужно кое о чем побеседовать, хорошо, если это будет наедине.

Предчувствие меня не обмануло.

— Я не стала поднимать этот вопрос при других, но самой мне знать необходимо: какой способ обретения якоря для себя ты избрала? — сразу переходит к делу Каллиан.

Учительница садится на свой стул, прямо напротив меня. Из-за этого я чувствую себя как допрашиваемый обвиняемый в комнате у детектива, как в тех самых американских фильмах про полицейских. Ощущение конечно так себе, ещё не сделала ничего плохого, лишь последовала указанием незнакомца и приобрела свой якорь, а уже подозревают. «Стоп!», — внезапно я понимаю причину этого допроса. Пусть Совет и признал меня обычной студенткой, но раздор все равно был внесён. Многие так и остались при своем мнении, что я Приходящая, значит, Каллиан опасается именно того, что я своими знаниями из другого мира помогла себе в приобретении якоря. Интересно, а если она получит подтверждение этого факта, то побежит напрямик к ректору л'Валду с криками: «Приходящая! Приходящая!»? Или же поступит, как ль'Ву и не станет меня сдавать, может, даже поспособствует освоению в этом мире?

Внезапная мысль о наге расстраивает меня. С тех пор, как я отказала ему в помолвке, перед моими глазами мужчина больше так и не появился. И теперь я безумно по нему скучаю, вспоминая наши разговоры. Казалось бы, знакомы не так уж и долго, а он успел так глубоко поселиться в моем сердце. Но ничего не могу поделать с тем, что для меня Даар просто друг. Близкий, дорогой, но друг. В качестве жениха просто не могу его представить. Почему же он никак этого не может понять?

— Так что, ал'Сандр, отвечать не собираешься? — зычный голос учительницы возвращает меня в реальность. Та продолжает смотреть вопросительно, даже не удивившись тому, что студентка витает где-то в облаках. Наверно, посчитала, что я придумываю ответ. — Мы тут можем хоть весь день просидеть, но сомневаюсь, что моё занятие было последним для тебя сегодня.

Тут она права конечно. Помимо менталистики ещё двойной урок зельеготовки, а вечером занятие по астрономии. День предстоит долгий и тяжелый. Лучше разобраться побыстрее с чужими подозрениями и поспешить на обед, иначе рискую остаться голодной до следующего дня. Снова. Мало приятного учиться на пустой желудок, постоянно размышляя о том, что сокурсники могут услышать урчание.

— Как вы и сказали, я приобрела свой якорь, когда сосредоточилась на конечной цели. Для меня очень важно сохранить свое сознание без чужого вторжения. Вы же понимаете, я, как будущая наследница северных угодий, не могу позволить другим людям ковыряться у меня в мозгах, навязывать волю, которая мне не принадлежит. — этот ответ я уже давно продумала, поэтому даже не запинаясь, произношу его. Каллиан выглядит довольной. На ее лице расцветает улыбка. И тогда решаю добить учительницу, — и я была бы очень вам благодарна, если бы вы стали моей личной наставницей в менталистике.

Улыбка женщины становится шире.

— Хорошие мысли, девочка. Я и не замечала раньше, что ты столь рассудительна. Хорошо, что после болезни ты многое обдумала. Из тебя получится замечательная наследница, — кивает сама себе, а затем соглашается, — конечно, приходи ко мне по вечерам после занятий в конце недели.

— Я не во все дни смогу быть, потому что с наследником ал'Вулой у нас практика

танцев, — вспоминаю об обещании парню. Его нельзя выкинуть из планов.

— О, не знала, что вы так сблизились. Мне казалось, что мальчик встречается с твоей сестрой, — выражение её лица становится задумчивым, а затем вновь озаряется пониманием, — ну, это и к лучшему. Вы с ним составите замечательную пару.

Закончив разговор, женщина меня отпускает. Идти по каменным ступенькам каждый раз меня раздражает, но иначе до столовой не добраться. Там уже собралась чуть ли не вся Академия. Студенты сидят кто где: по компаниям или в одиночку, у окна и двери, некоторые и вовсе не напрягаются, расположившись на полу. Со всех сторон слышатся голоса, смех, шутки. Я в очередной раз чувствую, что хоть и в этом мире теперь, но ему до конца так и не принадлежу. Особенно неприятно видеть, как рядом с Олвен, недалеко от меня, сидит Кирен. На его на лице радостная улыбка, они о чем-то болтают, сестра так и цветёт от счастья. А мне остается лишь размышлять, как долго продлится весь этот цирк, в которой я волей-неволей оказалось вовлечена.

Что действительно становится неожиданностью, так это то, что мальчишка, в роговых очках который, вдруг подходит ко мне:

— Амиан, да? — Решаю обратиться к нему первой, припомнив имя, которое говорила учительница Каллиан. — Тебе что-то нужно?

Тот мнётся нерешительно, то ли боясь заговорить, то ли не хотя. Но у меня слишком раззадорено уже любопытство от того, почему он постоянно за мной следит, поэтому продолжаю настаивать:

— Что-то случилось? Ну, не молчи, ты же не животное, а человек, который может разговаривать.

Теперь мальчишка вспыхивает так, что у него румянцем покрываются не только щеки, но всё лицо и даже шея. Даже кончики ушей, выглядывающие из-под вьющихся волос, цвета переспелого помидора. Но, кажется, дело наконец-то начинает двигаться с мёртвой точки.

— Дело в том, что я хотел бы поговорить с тобой наедине. Есть кое-что, что необходимо обсудить, пока ты не уехала в северные угодья на праздник солнцезвения.

— Тогда чего сидим, кого ждём? — Тут же подхватываюсь со своего места, уношу опустевшие тарелки, беру мальчишку за руку и тащу за собой в один из классов.

С удовольствием краем глаза замечаю, что Кирен на нас смотрит со злостью. Стало быть, ему не всё равно, с кем я провожу своё время. Что ж, пусть почувствует, какие эмоции обуревают меня. Или он, как все мужчины, думает, что ему все позволено, а девушке нет? Вот между нами ещё даже нет подобных отношений, а он уже расслабился. Будет ему уроком.

Вталкиваю Амиана в класс, усаживая его толчком руки на стул. Тот подчиняется, как будто нет ничего странного в том, что девушка его таскает с собой и так с ним обращается.

— А теперь говори, — смотрю на него испытующе.

— Кое-кто собирается тебе навредить, — сразу переходит к сути, не переливая из пустого в порожнее. — Мне стало об этом известно, я решил тебе сообщить.

— Неужели? И с чего вдруг я должна доверять твоим словам? — Всё это выглядит слишком подозрительно. Вначале он следил за мной долгими днями, даже не здороваясь, а теперь так смело подошел и утверждает, что некто нацелился на меня. Я уже достаточно здесь пожила, чтобы сделать вывод о том, что первыми умирают именно доверчивые. — Может, тебя моя сестра подслала, откуда мне знать.

Парнишка встаёт со стула резко, лицо выражает такую уверенность в собственной

правоте, что я даже на секунду начинаю колебаться в своих выводах.

— Как ты могла это подумать? Мы же с тобой родственники, неужели считаешь, что я стал бы вредить? — а вот это уже неожиданно. И становится очевидно, почему он мне тыкает, хотя тут принято говорить на «вы» даже с детьми. Почему же мне никто не сообщил о том, что помимо сестры кто-то ещё из родни учится в Академии? Даже Кирен ни словом не обмолвился. Видя замешательство на моем лице, Амиан продолжает говорить, — мне всё казалось, что ты сама подойдёшь. Раньше нас связывали дружеские отношения, но после того, как ты попала в лазарет, я начал сомневаться, настолько ли мы были близки.

Теперь всё становится более или менее понятно. Мальчишка присматривался, не Приходящая ли я? Любопытно, какие выводы он уже успел сделать.

— Сначала я думал, что ты со мной не разговариваешь, потому что обиделась на что-нибудь, как делала это раньше. Но затем я понял, что ты не Нивес. И чтобы там не утвердил совет, совершенно ясно, что ты — Приходящая!

Ну вот и приехали. Конечная. Кто-то помимо ль'Ву совершенно точно знает, что я не из этого мира.

А ведь уже было несколько случаев, когда меня чуть не раскрыли. Каждый раз я себе клялась, что буду осторожнее. И каждый раз попадаю впросак. Как глупейшее существо на свете, ну, или на Материке, если говорить точнее. Что я должна ответить Амиану на такой прямой вопрос?

— Да, Приходящая. Уже созвал очередной Совет, чтобы меня сожгли на костре, как ведьму? — с горечью отвечаю, криво улыбаясь.

Парень выглядит озадаченным, как будто даже не думал над такой возможностью.

— Нет. Мне это не нужно, а тебе тем более, — недоумение сквозит в каждом его слове. Как будто он пытается понять, почему вдруг я предложила сама себя сдать на суд. — Хоть мы и хорошо общались с Нивес, но ей было тяжело. Она страдала, потому что никак не могла оправдать все ожидания, что другие люди на неё направили. Кем бы ты ни была, справишься с ролью наследницы куда лучше. А Нивес...она сама выбрала свою судьбу, решившись заморозить себя. Будем считать, что это самое большое свершение в её жизни — подарить второй шанс кому-то другому.

Такого длинного монолога я даже не ожидала от мальчишки, который до этого вёл себя как сталкер. Неужели за странным поведением прятался адекватный человек, которому даже плевать, что я не из этого мира? Насколько я успела понять, быть Приходящей на Материке равняется приговору к смерти. Так почему же Амиан столь лоялен, в чем тут подвох? Такой вопрос и задаю.

— Не все столь категоричны, как ректор л'Валд, Нивес. Я же могу тебя так называть? — переспрашивает на всякий случай. Киваю, соглашаясь. — У ректора свои причины ненавидеть иномирцев, к тебе это вряд ли относится. Поэтому не волнуйся и не подозревай в каждом встречном того, кто тебя сдаст. Однако, советую обратить внимание на мои слова — Олвен распоясались, а ты и внимания не обращаешь. Долго ещё терпеть собираешься? — студент заметно расслабляется, когда завершает часть разговора про мою настоящую личность. — Говорю же, она планирует что-то куда похуже мелких подстав, что ты уже успела испытать.

Да уж, даже вспоминать не хочется. Один раз сестра даже опустилась до того, что в столовой выплеснула мне прямо на голову тарелку с густым пахучим луковым супом. Сама бы она его вряд ли стала есть, но вот мои волосы посчитала лучшим местом для того, чтобы тот остыл. Мне пришлось отправиться в лазарет, чтобы следов от ожога не осталось, а этой поганке хоть бы хны. Моя жалоба на неё ректору никакого воздействия не возымела, и я в очередной раз задумалась о том, насколько же он ко мне предвзят.

— Не беспокойся, как-нибудь разберусь, — не знаю, откуда взялась такая уверенность, но она занозой засела в сердце. Решаю все-таки поблагодарить, — спасибо, что предупредил. Теперь стану внимательнее.

Расходимся полюбовно. Теперь я лучше отношусь к этому странному юноше. Да, все ещё вызывает подозрения, но, по крайней мере, прятаться от него больше не буду, а то ведь и до такого доходило, настолько его внимательные глаза за стеклами очков меня смущали.

До вечера занятия проходят спокойно, а вот урок астрономии преподносит очередной сюрприз. Непонятно даже, приятный или не очень. Но то, что неожиданно, это сто процентов. Для меня это первый подобный урок, поэтому я жду чего-то такого же

необычного, как на менталистике или зельеготовке. Учительница Марта не разочаровывает. Эта пожилая женщина, пухленькая, как пирожок и невысокая, всего метр тридцать где-то, приглашает всех учеников на поляну. Просит нас разбиться на приятные нам компании, а затем отправляет с пледом и корзинками под звездное небо. В корзинках обнаруживается полюбившийся мне в этом мире клюквенный сок, фрукты, вяленое мясо и овощи — наверняка для бутербродов. Мы с Киреном устраиваемся в стороне от остальных для своего импровизированного пикника.

— И когда же начнётся занятие? — Ожидание слегка убивает, хоть оно и очень приятное со всей это снедью.

— Так уже, — парень располагается рядом со мной, ложится на мягкую ткань, вытягивается во весь рост. — Просто звезды ещё не взошли, чтобы их разглядывать.

Чуть было не ляпаю: «А телескоп для чего?», но вовремя себя одергиваю, в последний момент понимая, что вновь себя чуть не выдала. Вспоминаю о том, что хотела спросить у ал'Вулы:

— Скажи, есть ли какой-нибудь способ не говорить вслух то, что хочешь скрыть?

— У тебя какие-то секреты от меня?

«Да!»

— Нет! Будь это так, ты бы наверняка почувствовал по нашей связи. И сказал бы мне об этом, не так ли? — полностью сосредотачиваюсь на беседе, следя за каждым словом.

Кирен облегченно выдыхает. Видимо, все-таки ожидает какого-то подвоха от меня, но вопросов не задаёт, старается верить. Я ценю такое поведение.

— Просто не хочу однажды сказать кому-нибудь то, что не должна, — тоже сообщаю правду в ответ на искренность наследника. Но в детали не углубляюсь. — Так есть способ?

— Первый сложный: открыть полностью сознание перед другим человеком и сделать привязку на него. Второй попроще: заклинание «Молчание». Каждое утро и вечер его надо обновлять, добавлять мысли, которые скрываешь, но оно такое же действенное.

Первый способ у меня сработает разве что с Амианом или ль'Ву. Первый отпадает, потому что я ему не доверяю, второй же ведет себя странно в последнее время, вдруг решит, что я согласна на его предложение, раз готова распахнуть душу.

— Выберу заклинание.

— Тогда посоветуйся о нем с преподавателем заклинаний. Он точно сможет объяснить лучше меня, — Кирен доволен тем, что смог мне помочь, прямо светится от счастья.

И только я хочу его поблагодарить, как вдруг спускается на поляну абсолютная тьма. До этого были тоже сумерки, но все было видно. Тут же становится непроглядно, хоть глаз выколи. А ещё тишина: пропадают звуки птиц, воды неподалеку, шепот студентов. В следующий же момент я чувствую, как что-то касается моих губ. Точнее кто-то. Пытаюсь оттолкнуть от себя наглеца, сразу же начинаю злиться на чужое своеволие, но ничего не выходит. Некто крепко держит меня за плечи, не давая пошевелиться.

Это мог бы быть чудесный поцелуй, если бы случился по обоюдному согласию, но моего разрешения никто не спросил. И, когда вновь появляется свет, смотрю на того, кто позволил себе такое не джентельменское отношение.

— Ну кто бы сомневался, — шлепаю ладонью по щеке ал'Вулы, в глазах чувствую злые слёзы. — Я тебя другом считала, черт побери, что ты творишь?!

— Поцеловал, чтобы закрепить нашу связь, — пожимает плечами. И удовлетворенно говорит, — а ещё убил двух горзунов одним ударом. Магия приняла наши отношения, как я и

надеялся, и теперь они ни для кого не являются секретом...

Смотрю на других студентов и понимаю, что, да, это так. Всё они наблюдали за непотребством на поляне. Совсем скоро новость дойдёт до сестры, и Олвен не упустит возможности в очередной раз окунуть меня в грязь.

Удружил так удружил. Зачем он это сделал? Магия искрится во мне, подтверждая слова Кирена — её порадует, если я свяжу свою жизнь с этим человеком. Однако все моё сознание полностью отрицает такую возможность после того, что он сделал. Насильно поцеловал, не поинтересовавшись моим мнением, ещё и перед остальными студентами опозорил. А Олвен? Она наверняка сразу же после занятий узнает, что произошло. И ждать я не могу, поэтому отталкиваю ал'Вулу от себя, не смотря ему даже в глаза, ухожу с поляны, не обращая внимания на гневные выкрики учительницы.

Идти вперед сложно, особенно когда почти ничего не видно из-за пелены слез. Трава, покрытая вечерним инеем, хрустит под ногами, и, мне кажется, что шагаю я по осколкам моего сердца. Ну почему всё должно было случиться именно так? Неужели Кирен не мог немного потерпеть, пока я сама захочу с ним быть? Теперь же эта возможность из области фантастики для меня. И пусть Магия бесится, как ей угодно, я найду способ избавиться от связи с ал'Вулой. Даже если мне придется половину Материка пройти, прочитать все книги четырёх королевств и сделать жертвоприношение — я это сделаю. Уверенность в душе крепнет, как и нить связи, которая уже скорее напоминает канат, между мной и наследником востока. Отвратительное чувство, когда принуждают к тому, чего ты не хочешь.

Останавливаюсь, только когда чуть ли носом не утыкаюсь в дверь своей комнаты. Прикладываю руку, открывая, и буквально вваливаюсь внутрь, не чувствуя собственных ног. Всё тело отказывается подчиняться, как если бы вдруг наконец поняло, что я для него чужая душа, не Нивес.

Кирен видит во мне именно её. Будущую наследницу северных угодий, многообещающую менталистку — удачную партию. Не меня, не девушку, которая любит клюквенный сок, готовить зелья и читать книги из библиотеки.

Падаю на кровать, даже не потрудившись раздеться. Больше всего мне сейчас хочется забыться сном, но он, как назло, никак не идет, лишь тысячи грустных мыслей витают в голове.

Стук в дверь. Неожиданно. И снова. Трижды.

— Я знаю, что ты там, — слышать голос ль'Ву после долгого перерыва в общении непривычно. — Лучшепусти меня сама, пока мне не пришлось найти способ проникнуть в твою спальню без разрешения. Ты же не хочешь этого?

Конечно, нет. Приходится встать с кровати, поправить одежду, пригладить волосы насколько это возможно, и повернуть ручку. Наг вползает в комнату бесшумно. Для меня это шок, огромный, что он вдруг явился.

— У меня был сон, — говорит без лишних предисловий.

Обращаю внимание на синяки под его глазами и вполне логично спрашиваю:

— А ты точно спишь?

Мужчина раздраженно вздыхает, но все-таки смеется тихо. Давно я не слышала его смеха.

— Представь себе, сплю. Лучше перейдем к делу, у меня был сон, — вновь повторяет он.

Как будто пластинку заело.

— Окей, ты поспал. Меня-то зачем об этом извещать? — все ещё не понимаю цели визита.

— Вещий сон, как в юности. И он был о тебе.

Теперь понятнее. Когда-то Даар рассказывал, что все наги могут предсказывать будущее в той или иной степени. И моему странному другу снятся сны. Это слабенькая магия, но его еще ни разу не подводила.

— Хорошо. Будем считать, что я верю, так рассказывай же побыстрее, — нетерпеливо прошу его, надеясь, что ничего ужасного в том предсказании не было.

Наг устраивается поудобнее на своем хвосте, готовясь говорить. Я же тем временем рассматриваю его. С нашей последней встречи мужчина слегка так изменился: самая простая белая рубашка на нем и черный килт, никаких аксессуаров, волосы в беспорядке. Что же с ним произошло? Не верю, что жалобы от бывших пассий довели бы хитрого и искусного мага до такого.

— Мне снился дракон, на шее которого сидишь ты. Он прилетает в заснеженные края и разрушает всё, до чего дотягивается смертоносный огонь. Я слышал крики людей, чувствовал отчаяние. Замок, который стоят долгие века, разрушен под самое основание. И посреди всего этого хаоса плачет ребенок.

С одной стороны, достаточно простой для разгадывания сон, с другой — это ещё о каком ребёнке там речь? Тешу себя надеждой, что не о моем. Как-то рановато мне о продолжении рода думать, не готова я к такому, проблем и без этого хватает. Опять-таки, вряд ли мы точно знаем, какие временные рамки охватывают видения Даара.

— Да, мне это действительно неизвестно. У моей матери сны были только о ближайшем будущем: дни, иногда недели. Зато у отца на годы вперед, поэтому было предостаточно времени, чтобы расшифровать их. У меня же всегда по-разному. Однажды в детстве я, оказывается, даже предсказал наше с тобой знакомство. Я это понял, только когда увидел тебя в лазарете, а затем на суде Совета. А ведь прошло уже больше двадцати лет после того самого вещего сна.

Значит, не стоит так бояться теоретического младенца. Насколько мне известно, маги на Материке живут очень долго, следовательно, ребёнок у меня может появиться и через десять лет, и через двадцать, даже через пятьдесят, а я все также буду молода.

— Я конечно благодарна, что ты мне об этом рассказал, есть о чем подумать, но лучше бы ты позаботился о себе, — не знаю, что на меня находит, но очень хочется пожалеть нага. Всё-таки он был моим первым другом в этом мире, пусть и очень странным. Смотрю на него и не вижу того невозможного франта, каким был изначально этот мужчина. — Что с тобой случилось? Ну, помимо того, что какие-то дамы решили прищучить наконец тебя.

— Я уже и думать забыл об этом, если честно, — признаётся с унылым видом. — Какая разница, кого я там обесчестил? В этом мире, в отличии от Земли, это не возбраняется. Те, кто чтут традиции, не стали бы прыгать ко мне в постель, когда я предлагал. Поэтому Совет в любом случае не будет на их стороне.

— И даже откинул идею с помолвкой? — вспоминаю из-за чего мы собственно поссорились. Тогда ль'Ву выглядел таким обиженным, что я думала: никогда уже не сможем общаться нормально. И тут он так легко заявляется ко мне, рассказывает о важном, даже ни словом о себе, любимом, не заикается.

Смотрит на меня странно, будто видит то, что очевидно всем, кроме меня.

— Тайны мадридского двора, черт побери, — рычу от безысходности. — Начинай

говорить, пока я тебя не начала пытаться.

Мужчина примирительно поднимает руки.

— Твоя магическая нить связи с ал'Вулой видна без истинного зрения. Любому смотрящему очевидно, что ты несвободна теперь. Нет никакого смысла делать тебе предложение, ведь ответить не сможешь положительно.

Значит, все серьезнее, чем я думала. Кирен и правда меня жестоко подставил. И я ему позволила это сделать, заключив Союз. Теперь же магия видит в этом парне не просто друга для меня, но и будущего мужа. И никому неинтересно моё мнение.

— Ничего нельзя сделать? Совсем никак нить не разорвать? — умоляюще спрашиваю у Даара, вдруг он знает способы.

— Как ты вообще допустила подобное?!

Наконец-то он становится похожим сам на себя: уверенным в собственной правоте и жёсткий относительно глупых поступков. А мою своеобразную «помолвку» именно глупой и нужно называть.

— Оно само, — стыдно, что даже отмазку придумать не могу, но мысли упрямо разбегаются, как тараканы под струей дихлофоса.

— Это сделать трудно, но возможно — избавиться от избранника Магии. Между вами уже был физический контакт?

— Секс? Нет, конечно. Как вообще ты подумать о таком мог? — вспыхиваю до корней волос стыдливым румянцем.

— Хватит и простых прикосновений рука к руке, регулярных. И Магия сразу же начнёт воспринимать вас не просто друзьями. Так что, было? — испытующе смотрит Даар на меня.

— Хуже, этот засранец меня поцеловал.

— Тебе и правда всё как об стенку горох, — Даар в который раз уже за разговор разочарованно вздыхает. — вроде бы умная девчонка, а глупости иногда творишь невероятные. Как такое возможно?

Удивительное умение, фантастическое везение. Не иначе.

— Сказал человек, который с самками заигрался настолько, что его засудить хотят. Ты в этом мире куда дольше меня находишься, но тоже совершаешь немислимые вещи, — поддеваю в ответ, понимая, что не хочу сваливания всех собак на меня.

— Даже если не смогу избавиться от очень настойчивых дам, то у меня по крайней мере будет выбор: какую из них взять в жены, — задумчиво лохматит свои не совсем чистые волосы ль'Ву. — У тебя же выбора нет: Магия уже приняла Кирена, значит, будет защищать собственный выбор до конца.

«Избавлюсь, как есть избавлюсь, только бы возможность подвернулась», — обещаю себе, провожая ль'Ву. Тот пока ничего посоветовать не может, лишь прощается, желая напоследок вести себя осторожнее, впрочем, хихикнув под конец, что, видимо, осторожность и я банально несовместимы.

Как я и думала, весть о неподобающем и слишком откровенном поведении наследника Востока быстро облетела Академию и достигла нужных ушей — моей сестры. Только вот девушка сделала свои выводы, совершенно отличные от реальности. Она прискакала прямо в спальню, когда я собиралась на занятия, принявшись ломиться внутрь, стуча с такой силой, что даже не верилось, что она заключена в столь маленьком и хрупком теле.

— Открой дверь, гадина! Долго там прятаться собираешься? Я тебе покажу, что значит у меня парня отбивать, — ругается она куда более грязно, но я предпочитаю слышать в бесконечном словесном потоке слова, более приятные уху. — Ты, дрянь, всегда хотела все, что есть у меня, добилась своего, да?

Что будет, если я не открою дверь? Вот возьму и заартачусь. Не одной же только Олвен себя вести так по-детски истерично. Интересно, как она вообще выросла с таким характером? Даже наш младший брат, Луми, с которым я успела обменяться парой писем, куда более сдержан и воспитан.

Магия сестры концентрируется так сильно, что я чувствую её через экранированную дверь. А затем происходит и выброс, мощный настолько, что меня отталкивает прямиком к столу. Не удержавшись на ногах, падаю на пол, по пути хорошенько приложившись головой о деревянную поверхность. Та сразу же взрывается дикой болью. Чертыхнувшись, пытаюсь встать, но Магия продолжает удерживать меня скованной. Как будто кто-то свыше решил поиздеваться, дав той, что меня ненавидит, силу, которой у меня никогда не будет. А она ведь и убить может, если захочет.

— Шныряешь, как крыса, улыбаешься всем подряд, подмазываешься. Теперь ещё и Кирен тебя предпочёл мне, — хватает меня за волосы, накручивает себе на кулак, дергая на себя. — Я столько сил положила, чтобы ты не привлекала к себе внимания в Академии, а в итоге ты, сучка, решила очухаться и взяться за старое.

— У тебя изо рта воняет, — это все, что у меня получается сказать. И ещё нервно хихикнуть выходит. Видимо, нервная система все-таки дала сбой. — Чистить зубы не

пробовала?

Может, и зря я это ляпнула, но удержаться было совершенно невозможно. Не жалею о сделанном, даже когда меня бьют головой о стену. Тем более что отключаюсь почти сразу. А приходя в себя, обнаруживаю, что осталась одна.

Тело ломит, будто по нему стадо носорогов пробежалось. Видимо, досталось не только голове, но и безвольное тело добрая сестричка отпинала от души, пока я скакала по розовым облакам. Пытаюсь подняться, но сил на это нет. Ни физических, ни моральных. Будто кто-то выжал меня досуха, как лимон, надеясь, что больше никому сегодня не захочется меня навестить.

Конечно же вновь оказываюсь неправа. И гость мой совершенно неожиданный — сам ректор л'Валд. Что он тут забыл, я даже не представляю и думать об этом не хочу. Однако, не могу не открыть.

— Ал'Сандр, не могу сказать, что рад тебя видеть, но меня точно радует хотя бы то, что ты не больна, как раньше.

Хотя бы не лжет. Прогресс.

— Что привело вас, ректор, в столь поздний, — смотрю в окно и исправляюсь, — точнее, в столь ранний час, ко мне?

Мужчина оглядывается по сторонам, явно впервые находясь в этом месте. Не найдя подходящего для его зада места, просто остается у двери, опираясь на трость с головой ворона. Он и сам очень похож на черную хищную птицу: чёрные волосы, тяжело спадающие ему на спину, такой же черный плащ, в который Раад укрылся, будто ему холодно, свободно свисает до самого пола. Личность хоть и известная в этом мире, но ещё более загадочная, чем ль'Ву. И другом мне не является, поэтому не совсем понимаю, что его сюда привело. Ещё и страшно, ведь в прошлую нашу встречу он объявил меня Приходящей и созвал Совет.

— Вижу, ты не слишком настроена на беседы, — замечает мой измученный вид, но больше никак не комментирует.

То, как легко он мне «тыкает», уже начинает раздражать. Что же у него за самомнение такое?

— По Академии ходит много слухов о тебе. И это подрывает авторитет учебно-воспитательного учреждения, — переходит к сути, осознавая, что я вряд ли с ним заговорю первая и стану задавать вопросы, — раньше ты вела себя подобающе благовоспитанной леди, а теперь хуже шляхи из борделя.

— Часто там бываете, вот и можете судить? — не сдерживаюсь от подколки.

Этот по крайней мере меня не бьет за слишком острый язык. Кривится только недовольно.

— Даже если и так, то не распространяюсь, не бросаю тень на свои фамилию и Род, не позорю предков. Веду себя, как и полагается королю Запада.

То, что он — король, я узнала из учебников по истории, а затем и от Кирена, но как-то не уделяла особо внимания факту. Теперь же мне становится любопытно, а каждый ли представитель королевского рода так кичится происхождением? Пока все из моих подобных знакомых это делали: и Олвен, и Кирен, и Раад. Лучше бы следили за своими действиями, которые тоже могут отразиться на репутации.

— Ещё скажите, что вы будете настаивать на нашей с ал'Вулой помолвке, и тогда я точно смогу сказать, что вы с ума сошли.

Скрещиваю пальцы за спиной, молясь всем известным и неизвестным богам.

— Значит, Каллиан была права, у тебя есть способности к менталистике, — кивает чему-то своему.

— Нет, это была ирония, — усмехаюсь чужой глупой наивности. — Не собираюсь я ни за кого замуж. Даже если бы все студенты Академии застали нас с наследником Востока голыми, никто бы меня не заставил выйти за него. Запомните это уже.

— И даже исключение отсюда не переубедит?

Как будто он имеет право. Отрицательно качаю головой.

— В таком случае, твои родители будут извещены о поведении их дочери.

Хочется полюбопытствовать, а про любовные приключения Олвен он тоже докладывал старшим ал'Сандр? Но благоразумно молчу. Зато замечаю другое:

— Можете попробовать, отец уже одобрил сопровождение меня Киреном.

Сомневаюсь, что ему есть, чем бить эту карту. Надеюсь, что разыграла её правильно.

Л'Валд умеет себя держать в руках, с этим я не могу поспорить. На мои слова об одобрении отцом разве что цыкает, но выражение лица никак не меняет. Железные нервы. Жду ответного хода. И он происходит:

— Не уверен, что твои родители знают все нюансы. Разве ты им рассказывала, каким именно путем в пару себе ал'Вулу получила? Не честным, отбила у сестры. Они долгое время проявляли друг к другу внимание, а ты так легко разрушила чужие отношения. Ай-ай-ай, как нехорошо, — явно чувствует себя в этой игре будущим победителем.

— Между ними была заключена помолвка? — спрашиваю, улыбаясь так мило, что у самой скулы сводит.

— Нет...

— Ну вот на нет и суда нет, — отвечаю, не давая ректору договорить. — Магия на Материке разве не превышает всего? Так вот, она одобрила мой Союз с Киреном. Пойдёте против её воли?

Пусть я и недовольна таким раскладом, но Рааду совсем необязательно об этом знать. Так, несолоно хлебавши, ректор уходит, взмахнув напоследок полами плаща, будто крыльями черный ворон.

Вздыхаю, не понимая, как разобраться со всеми событиями, что происходят одно за другим, не давая мне времени на передышку. Решаю разобраться тем способом, что использовала настоящая хозяйка этого тела: записать всё в дневник. Устраиваюсь за столом, зажигаю свечу — магического света мне недостаточно, он от моего тела откидывает тень на бумагу. Из ящика достаю дневник Нивес, открываю его на пустой странице. Хорошо, что теперь я спокойно не только читаю, но и пишу на местном языке. Излагаю первым делом: «Не уверена, что тут лучше, чем в детском доме. Да, я мечтала о семье, и желание волшебным образом исполнилось. Но откуда мне было знать, что это обернётся кучей проблем?». Чернила на пере заканчиваются, приходится их обновить. Ненароком ставлю кляксу себе на руке — мне ещё учиться и учиться обращаться с этими средневековыми письменными принадлежностями. «Почему мне нельзя жить простой жизнью: любить родителей, которых обрела, брата, быть наследницей? Нет, обязательно нужно было появиться сволочной сестре, похотливому ал'Вуле, таинственному нагу и ненавидящему меня ректору. Обложили со всех сторон и живут себе припеваючи, пока я пытаюсь не утонуть в хитросплетении интриг. Хоть один человек или нелюдь в этом мире будет думать обо мне, в не о возможной выгоде для себя?!». Хочется швырнуть тетрадку об стену, чтобы успокоиться, но продолжаю выводить строчки до тех пор, пока вся злость не оседает тихим пеплом у меня на сердце. Остается только разочарование.

Пока не вспоминаю, что как бы и сама не совсем верно формулировала запрос вселенной, вот она и решила надо мной «подшутить», прибавив кучу проблем к новой жизни. В принципе, не такая уж и высокая цена, если в конце всех своих приключений я стану счастливой. А то, что эти самые приключения будут, у меня нет никаких сомнений. И, кажется, они начнутся с моего путешествия в северные уделы на праздник солнцезащиты.

Как оказалось, всё не так просто. Занятия в Академии из-за одного только праздника не заканчиваются. Всех северян отпускают домой с условием, что они выучат уроки и сами

подготовятся к экзаменам, без надзора учителей. И, если кто-то после этого маленького отпуска не сдаст предметы, то их ждёт моментальное отчисление. Мне приходится поднапрячься, заниматься ещё больше, брать книги в библиотеке чаще, зубрить и зубрить до тех пор, пока чёрные круги под глазами не превращают меня в панду. Другие мои сородичи выглядят ничуть не лучше, все они устали, но послушно сидят за учебниками, осознавая, что как только они окажутся дома, им точно будет не до учёбы, развлечения захлестнут их с головой, как и общение с родственниками.

Как оказалось, северян учить в Академии очень много, просто я их изначально не знала. Но когда началась наша подготовка, всех их я увидела в библиотеке. Всех, кроме Олвен. Что ещё хуже, так это то, что большая часть ребят меня уже заочно ненавидит. И я их понимаю: начале я была серой неприметной мышкой Нивес, а затем стала той, кто отбила парня у собственной сестры. И даже будущий титул наследницы никак не спасает меня от чужих сплетен. Приходится листать книги, старательно не поднимая глаза на ненавидящих меня людей. Не самая приятная компания, когда мозги пухнут от кучи новых знаний, а также уши в трубочку заворачиваются от их слов.

— Нос кривит, как будто дерьмо здесь лежит, — шепчет одна из девушек, так громко, что её слышат все в библиотеке. Она и не пыталась скрыть своих слов. — Ни стыда, ни совести.

Остальные подтягивают ей, как собачонки. Если это мои будущие подданные, то лучше уж вообще никогда не становиться королевой. С такими людьми под началом и враги не нужны, эти сами прирежут при первой же возможности.

Приходится стиснуть зубы и заниматься своими делами, стараясь не обращать на чужие злобные оскорбления внимания. Это очень сложно сделать, каким-то неведомым образом парни и девушки подбирают такие слова, которые задевают меня за живое, впиваются острыми иглами в сердце и не дают отвлечься от чужой болтовни. Но я все равно делаю то, что должна, понимая, что так в жизни всегда и бывает: кто-то пытается тебя сломить, а тебе только и остается, что гнуться, как белостолой березе, но оставаться на своем месте.

Но даже этот период заканчивается, я переворачиваю последнюю страницу книги по зельеготовке, лишь облегчённо вдыхаю. До последнего момента не верила, что у меня получится разобраться со всеми этими книгами, но факт остается фактом, я это сделала, хоть устала, как лошадь, которая проехала тысячу миль без отдыха. Собираю все свои принадлежности, карты, таблицы с травами, свитки, которые успела исписать вдоль и поперёк, ухожу из этого неприветливого места, которое стало таковым, стоило северянам здесь появиться. А ведь библиотека всегда была для меня убежищем от проблем в Академии. Лишь библиотекарь приветливо мне улыбается, когда я с ним прощаюсь, и желает хорошего праздника. Путь до комнаты занимает уже меньшее количество минут, чем раньше. Может, это я просто привыкла бегать по ступенькам и бесконечным коридорам, ведь вряд ли расстояние могло как-то измениться.

Спальня встречает меня привычной тишиной. Раньше, до ссоры, здесь часто бывал со мной Кирен, разговаривая, а затем и уча танцам, иногда после примирения заглядывал Даар, принося с собой вкусные пирожки с кухни, которые только приготовили, поэтому мне никогда здесь не было одиноко. Но все изменилось. С наследником Востока мы с того самого поцелуя и не разговаривали, ль'Ву принимает экзамены у своих учеников, которые стоят раньше основных, приходится смириться с тем, что больше некому ко мне заглянуть. Олвен я в этот счёт не вписываю, эта истеричка приходит каждый вечер, барабаня в дверь и

пытаясь выманить меня наружу. Но я, наученная горьким опытом прошлой встречи, подобной глупости больше не совершаю. И наконец-то я могу подумать о том, как собственно буду добираться до северных угодий. Хоть отец написал мне в письме, что с этим проблем не возникнет, но и уточнений он никаких не внёс, как будто я и так должна всё знать. Возможно, настоящая Нивес и знала, но я ведь не она, воспоминаний никаких она мне не оставила, поэтому по крупицам собираю информацию. Во-первых, первая часть пути будет проделана через портал, который размещён в подвальных помещениях Академии. Точнее, их тут несколько, каждый ведёт в свое место, но для меня необходим только тот, у которого синяя окантовка цвета — именно он переправит поближе к моим землям. Там, у выхода, меня уже будут ждать верные люди королевской семьи ал'Сандр: сани, запряженные какими-то непонятными животными под названием кортики, охрана, а также те, кто составлял свету Нивес раньше при дворе. И дальше, уже по старинке, меня доставят во дворец. Хотя, насколько я поняла, это даже не дворец, а целый замок, если судить по историческим книгам: с башнями, высокими стенами, рвом под ними, даже с колокольней.

Немного страшно, а как меня там примут, но я пытаюсь надеяться на то, что в переписке вроде как успела наладить более-менее дружеские отношения с родителями и братом, поэтому хотя бы за них могу не волноваться. Но помимо них наверняка ведь есть и придворные, множество людей, отношение которых к Нивес мне неизвестно, а также простой народ, который вроде как и должен любить своих правителей, но не всегда это делает. Радует по крайней мере то, что я пока не являюсь ни королевой, ни даже наследницей, лишь ношу титул старшей дочери, следовательно, в отношении себя подстав от них не следует опасаться. Пока. А там кто знает, как повернется ситуация. Насколько я успела увидеть, в той же академии Олвен любят и уважают больше. Хотя наверняка она просто успела своими кознями превзойти сестру, неспроста же настоящая Нивес решила себя заморозить? Нет, для такого поступка человек должен окончательно отчаяться, это и произошло с девушкой, её тело заняла я, и теперь только мне разбираться с последствиями чужой бесхребетности и слабости.

Перед синим порталом толпятся северяне, им уже невтерпёж оказаться дома после долгих месяцев отсутствия. Учеба их утомила, а родные края манят будущим отдыхом, развлечениями и встречами с родными. Даже я, та, кто родителей местных никогда не видела, и то предвкушаю встречу, что уж говорить о других. Гвалт подростков слышен издалека, но, стоит мне только подойти ближе, как он тут же затихает, словно ручку на магнитофоне выкрутили на минимум, даже белого шума не оставив. Я уже привыкла к такому отношению, поэтому спокойно прохожу мимо сокурсников, улыбаясь им милейшей из своих улыбок, приветствую громко, чтобы все слышали и не обвинили меня ещё и в отсутствии вежливости, останавливаюсь прямо рядом с порталом. Тот переливается всеми возможными оттенками синего: от нежной бирюзы утреннего зимнего неба до почти черных глубин далекого космоса, завораживая взгляд искрами и переливами.

— Доброе утро, господа учащиеся, — приветствует всех не кто-нибудь, а сам ректор, лично решивший нас проводить. Я сразу же ищу причину такого поведения, ведь обычно мужчина, словно злобный ворон, сидит своей высокой башне, слегка смахивая на принцессу, ожидающую принца в заточении. — Рад, что к почти концу семестра никто из вас не был отчислен или убит, — красноречиво посматривает на меня при этих словах, как будто именно такой участи и желает, но никак добиться не может. По крайней мере не лжет, что хорошо относится, это с какой-то стороны тоже неплохо. — И очень надеюсь на то, что вернутся к учебе после праздника все из вас. Вы, дамы, — грозит пальцем девушкам, — должны учиться, а не выгодные браки побыстрее заключать и рожать детей. Вы, юноши, — обращает внимание на сильный пол, — должны взрослеть и становиться сильнее, а не пьянствовать беспробудно и в драках участвовать. Ну а теперь постройтесь по двое в шеренгу и возьмите свою пару за руку, — просит учеников, для которых это уже не первое путешествие. Мне, понятное дело, пары не достаётся, на что Раад усмехается, подходя ко мне, — так уж и быть, ал'Сандр, провожу вас до выхода, а то потеряетесь в портале, мне же потом вашим родителям объясняй, куда там делась будущая наследница целого королевства.

И вцепляется в мою руку, не давая отодвинуться. Чужая ладонь большая, холодная, мозолистая — такие бывают у мужчин, которые регулярно занимаются тяжелым физическим трудом или же практикуются с мечом. Своей же предпочитаю не шевелить, чтобы этот гад не подумал, будто я заигрываю, этого мне только не хватало для полного счастья. Подростки по очереди начинают входить в портал, следом за ними шаг делает л'Валд, наполовину пропадая в синем мареве, и я, зажмурившись от страха, иду за ним. Вначале чувствую покалывание во всём теле, затем неожиданно начинают чесать уши, но выпустить руку ректора не решаюсь, поэтому терплю. Под живот подхватывает невидимый, но вполне осязаемый крюк, меня тянет куда-то вперед и наконец выбрасывает по другую сторону портала.

Первым делом распахиваю глаза. Солнце яркое, приходится прищуриться.

— Ал'Сандр, хватит прищуриваться, глаза свои откройте. Разве не хотите вновь увидеть родные места? — ректор отпускает мою руку и недовольно порыкивает, явно обозленный невольной компанией.

Следую совету. И замираю в восхищении. Когда я жила на Земле, конечно же видела много разных зим: снежных, слякотных, теплых, но таких, как здесь — никогда. Всюду, куда

хватает глаз, слева лес, а справа поля. И все они занесены снего. Деревья под толстыми белыми шапками клонят ветви к самой земле, явно устав от тяжести. Сосульки, словно причудливая гирлянда, отражают свет солнца, посылая по земле сотни солнечных зайчиков. А воздух звенит от мороза, как хрустальная чаша на пиру, по которой ударили вилкой, призывая к вниманию. В Академии я уже давным-давно привыкла к тому, что шумно, от чужих голосов и шагов спастись можно было разве что в спальне, тут же стоит такая тишина, будто я враз оглохла, даже чужие шаги скрадываются сугробами снега, но от него почему-то не слышно поскрипывания при каждом движении. Блаженная тишь да гладь, а ещё полное ощущение того, что я вернулась домой. Наверно, это чувства настоящей Нивес во мне говорят, поднимаясь откуда-то из сердца. Из самой души мне поет, что наконец-то оказалась в родных местах.

Остальные студенты выглядят не так восторженно, как я, всё-таки, они не забывали о крае, в котором родились и выросли, поэтому и такого бурного счастья не выражают. Но на их лицах всё равно появляются довольные улыбки, несмотря на то, как они обращались со мной, они явно рады вернуться домой.

— Надеюсь, что дальнейшем твоё путешествие пройдет без проблем, — л'Валд окончательно оставляет меня и, напоследок сверкнув чёрными глазами, скрывается в портале.

Со стороны я сразу же слышу:

— Какой же он всё-таки сильный, — с придыханием шепчет одна из девчонок, — никто бы другой не осмелился дважды проходить портал за такой короткий срок. Так располовинить ведь может. У него даже никаких сомнений не возникло — раз, и ушел.

Остальные девушки тоже загомонили, обсуждая, как прекрасен их ректор. Подозреваю, что если у этого мужчины нет жены, то скоро она стараниями вот таких вот мадам может и появиться. Лично я отлично знаю, насколько бывают хитрыми молодые девочки, если хотят получить для себя выгодную партию. Мужа выгоднее Раада тяжело представить на Материке. Парни же, их ровесники, посматривают недовольно исподлобья, а некоторые и вовсе приосаниваются, выкатывая свою грудь колесом, мол, посмотри на меня, я ничуть не хуже. «Только нужно подрасти, магии поучиться да властью такой обзавестись, тогда, да, смогли бы стать неплохим женихами», — думаю про себя, оглядываясь по сторонам. Обещанных саней, которые доставят меня до замка родителей, я не вижу. Это настораживает. И, только я собираюсь испугаться по-настоящему, как слышу крик погонщика и звук скользящих по снегу полозьев.

Оборачиваюсь, чтобы рассмотреть процессию. Спереди скачут на непонятном виде лошадей гонцы, одетые в красные плащи, на головах у них массивные пушистые шапки, явно тёплые, чтобы защищать от местных холодов. За ними следуют сани с ямщиком, грузным усатым мужчиной лет сорока. Он подстегивает таких же животных, что и под гонцами, плёткой из чёрной кожи. Но явно не делает им больно, потому что те не выглядят недовольными, а послушно следуют руке своего погонщика. Сани, разряженные, словно праздничные, сразу привлекают мой взгляд, особенно колокольчики, которые развешены на них сверху. При каждом движении они трясутся, издавая совершенно потрясающий мелодичный перелив, напоминающий какую-то давно забытую песенку. Следом за санями едут ещё шестеро всадников, но одеты они иначе, чем первые двое. На них длинные чёрные плащи, напоминающие тот, в которой вечно кутается реактор л'Валд, головы прикрыты платками, свернутыми наподобие чалмы и со спускающимися концами к шее. И все мои

будущие сопровождающие — мужчина, среди них я не заметила ни одной женщины. Это говорит о том, что либо женщин здесь всегда держат на последних ролях, либо охрану моей тушки решили подобрать серьезную. В принципе, это логично, ведь родители знают, какие приключения со мной уже успели случиться в Академии, они могут волноваться о том, чтобы хотя бы здесь, в северных угодьях, ничего не угрожало.

Больше удивляет то, что с другими северянами не видать провожатых, как бы им пришлось идти до своего дома пешком. Не успеваю обдумать эту мысль, как процессия за мной оказывается рядом. Один из гонцов соскакивает со своего «жеребца» и зычным голосом едва ли не кричит:

— Госпожа, простите за опоздание! Сегодня утром в окрестностях было слишком много горзунов, поэтому мы задержались, нужно было вырезать часть стада, — говорит какую-то странность мужчина, падая на одно колено передо мной, словно решил предложение сделать. Но затем он также быстро поднимается и продолжает вещать, — сейчас путь свободен, мы без промедления можем отправиться. Старшие господин и госпожа вас уже заждались.

Меня усаживают в сани, прикрывая шкурами зверей, удивительного белого меха, под ними так тепло, что я прогреваюсь, а мягкое движение саней укачивает, что даже не замечаю, как засыпаю.

Видимо, волнение сыграло свою роль, и я проспала почти до самого конца пути. Когда открыла глаза, передо мной уже стояли стены замка. Такие же величественные, как я их и представляла по текстам из книг: белый камень сложенный один на другой выстраивается на многие метры вверх. С часовых башен виднеется огонь, видимо, оттуда присматривают стражники за порядком перед воротами. Ров, который пришлось преодолеть, шириной метров в тридцать — большая помощь в защите, если кто-то решится напасть. Через такой переправиться очень нелёгко, особенно если учесть, что тут всё в снегу и льду. Гонцы дают знак, подняв ладони кверху, выпустив при этом поводья, и ворота начинают открываться, сопровождая это всё звуком несмазанного железа, поскрипывающего при каждом движении.

Я видела когда-то раньше в фильмах, как приветствуют членов правящей династии: с помпой и фанфарами. В моем случае же всё было куда проще. Ворота открылись, навстречу выехала двойка охраны на «лошадях» (надо будет поинтересоваться позже, что это за животные такие), они пропустили всю процессию вперед и встали позади всех, следуя обратно в замок. Видимо, это было нужно, чтобы замкнуть уставших людей теми, у кого силы на защиту имеются. И таким образом мы уже начинаем двигаться по городу.

У самых стен стоят дома попроще и живет тут, похоже, народ попроще: мужчин почти не видно, женщины в теплых шубах из кожи и меха на порогах чистят кто рыбу, кто мясо, развешивая тушки для просушки, а дети бегают среди замерзших луж, играя. Дома их напоминают лачуги, но сделанные добротно, крыши без дыр, крепкие ровные стены побелены, придавая нарядности, а окна без стекол закрыты ставнями — так ветер не пробирается внутрь. Дальше, по дороге вверх, видимо, расположены кварталы ремесленников, почти над каждым домом вывески «Гончар Артус», «Ювелирная Сходи», «Таверна», «Аптекаря злого горзуна». Таким образом рабочие люди и заявляют о том, чем занимаются, и имя свое рекламируют другим, очень умно. Здания высокие, двух- и трехэтажные, наверно, хозяева магазинов живут тут же, чтобы быть поближе к работе. Это понятно, по морозу далеко не набегаетесь. И, наконец, оказываюсь перед дворцом. Он величественно высится прямо посередине города, по размерам превосходя даже Академию.

Интересно, сколько же людей в нем проживает, не верю, что комнаты стоят пустыми, ведь, насколько я успела понять, северяне из тех, кто рачительно относится к вложению своих денег.

Очередные ворота передо мной открываются, и я даже задерживаю дыхание, так мне страшно от того, что должно произойти через несколько минут — знакомство с семьей.

Подвозят меня прямо к огромному крыльцу, на котором столпились домочадцы. Ровные ряды прислуги в аккуратных костюмах, а разделяют их, стоя посередине, видимо, мои родители. Засматриваюсь на красивых мужчину и женщину, уже не молодых, но великолепных в своей зрелости. Отец возвышается над матерью на добрых сантиметров двадцать, хотя и та отличается большим ростом — явная примета всех северян. Насколько я помню, Даар говорил мне, что их зовут Гвендолин и Иклин. Первым рассматриваю отца. Мало того, что он высокий, так ещё и очень крепкий по-своему телосложению: мышцы выделяются даже сквозь нарядную одежду, которую он надел на себя, чтобы встретить любимую дочь. Темные каштановые волосы собраны в высокий хвост на голове, лицо с правильными чертами, уже тронутое морщинами, но при этом выделяется той красотой, что бывает у истинных аристократов. Особенно ярко на лице выделяются глаза — ярко-голубые, словно два ледяных озера. Мама, Гвендолин, тоже будто сошла с обложки модного журнала: белокурые, нетронутые сединой, волосы завиваются в крупные кольца и собраны в замысловатую причёску, возвышающуюся, словно маленькая башенка. Маленькие пучки заколоты украшениями с драгоценными камнями, которые поблескивают на солнце, рассылая повсюду солнечных зайчиков. Щеки у неё, несмотря на мороз, бледные, как и вся остальная кожа, а вот глаза, в отличие от мужа, пронзительно зелёные, как молодая весенняя трава. Губы розовые, будто женщина их свёклой вымазаны, а на деле, думается мне, просто у них такой цвет. И улыбка, улыбка у неё невероятно тёплая, как и положено для матери, к которой в дом вернулась дочка. Из-за спины Гвендолин выглядывает мальчишка лет десяти, беленький, как и его мать, улыбается нерешительно, но, поняв, что сошедшая с саней Нивес улыбается ему в ответ, сразу же кидается навстречу.

— Сестрёнка, я так по тебе соскучился! — Обнимает своими маленькими ручками меня, сжимая со всей силы. Глажу его по мягким волосёнкам, думая о том, что я тоже соскучилась, пусть и общались мы с ребёнком только в письмах. Мальчик же тем временем продолжает, — мы ведь с тобой теперь поиграем, когда ты стала добрый?

Неожиданно. В письмах что-то он мне ни разу не говорил, какой сестрой ему была раньше, общался исключительно вежливо, рассказывал о том, как проходит его начальное образование, об играх с друзьями, какая атмосфера дома, как там поживают родители, но ни разу не заикнулся о том, была я сестрой для него хорошей или плохой. Теперь же выясняется, что Нивес не такой уж невинный ангелочек, раз Луми с распростёртыми объятиями принимает меня, ничуть не сомневаясь в том, что я куда добрее той, старой сестры. Теперь линию поведения с мальчишкой нужно выстраивать постепенно, тщательно соответствуя его ожиданиям, которые он уже успел себе придумать. С другой стороны, вряд ли новая Нивес будет сильно отличаться от настоящей меня, ведь даже письменное общение с этим ребёнком мне очень понравилось, о брате или сестре я всегда мечтала, находясь в детском доме. Ведь если бы нас было хотя бы двое, без родителей мы смогли бы справиться, поддерживать друг друга в страшные времена, не давая свихнуться в серых казенных стенах и конечно же не позволили бы другим обижать нас. Теперь я могу с чистой совестью заботиться о своем младшем, дарить ему всю любовь, какая во мне только найдётся и направлять в жизни, чтобы он не совершал ошибок.

Удивительно, но на крыльце стоит даже Олвен, которая не путешествовала с

остальными северянами, как я. Вызывающая её поза, выражение лица — гордость сквозит из каждого движения. И не просто гордость, а какая-то хитрая, как будто сестрица уже что-то задумала и начала приводить свой план в исполнение, который ничем хорошим для меня не обернётся. Зная её, могу предположить, что это не какая-нибудь злокозненность типа той, что была в Академии, нет, теперь она придумала что-то посерьезнее, то, что ударит по мне и моей репутации так сильно, что я вряд ли смогу отмыться от позора. Мысленно начинаю перечислять про себя, какие грешки могут быть известны Олвен, но в голову прямо сейчас ничего не приходит, как будто пустынный ветер выдул все мысли.

Тем временем мои родители приходят в движение. Первым с крыльца сходит отец, по пятам за ним следует мать.

— Дай же на тебя посмотреть, милая, так давно не виделись, я боялся, что ты слишком уж сильно изменилась с нашей последней встречи, — смотрит на меня папа с подозрением, как будто кто-то ему уже успел нашептать на ушко о том, что меня обвиняли в иномирстве. Гадать не нужно, конечно же это сделала моя сестра. но в глазах отца нет страха, скорее простая настороженность, а когда он распахивает руки мне навстречу, то я без всяких раздумий прыгаю в чужие сильные объятия. Чувствую, как руками Иклин похлопывает меня по спине, — ты выросла, вот уж чего не ожидал от своей малышки. Изменилась как-то, теперь смотришь прямо перед собой, а не под ноги. Мне радостно от того, что ты стала тянуться к людям так же, как они тянутся к тебе.

Ну, с этим высказыванием я бы поспорила, но не хочется разочаровывать отца, раз он прибывает в таком хорошем настроении, хоть и не до конца поверил мне. Но у нас с ним ещё будет время обо всем поговорить, я обязательно ему многое объясню, пусть и не открою тайну моего появления в этом мире.

Следующий подходит мама, забирает меня из объятий отца, чтобы прижать к своей груди. От женщины чувствуется мягкий запах чего-то цветочного, такой тонкий, что едва улавливается, но мой чуткий нос справляется с задачей. Наверно, она очень любит цветы, хотя выращивать их в подобном климате очень тяжело. Женщина отстраняет меня от себя, двумя руками берет за лицо, всматриваясь в глаза. А затем, видимо, увидев то, что хотела, говорит:

— Милая, теперь ты дома, все будет хорошо, и тебе не стоит волноваться. Знаю, последние месяцы для тебя были тяжелыми, но всё это можно преодолеть, главное, что теперь ты со своими родными, которые всегда тебя поддержат, — тихо шепчет ей на ухо, в очередной раз обнимая.

Я бы не была так уверена, ведь Олвен не выглядит как та, кто пришел меня поддерживать, скорее вцепится мне в горло, как дикая собака, при любой удобной возможности. Но это всё мелочи, мама права, главное, что теперь я в своем родном гнезде, а не среди студентов, у каждого из них что-то свое на уме, и разгадать их мысли очень тяжело.

Есть ещё кое-кто, кто меня волнует — Кирен ал'Вула. Он не появлялся передо мной с того самого поцелуя. И я уже начинаю думать о том, а не передумал ли он сопровождать меня на бал в честь праздника солнцезатенения, или же все обещания и просьбы были просто разговорами? Мне в это не верится, поэтому вглядываюсь в каждое лицо моих встречающих, но нужного не нахожу. Не знаю, каким образом, но отец понимает, что происходит. Усмехается, а затем поясняет:

— Наследник Востока прибыл к нам ещё несколько дней назад. Он сразу объяснил, что ты можешь быть на него зла, а также рассказал причину. Вначале мне хотелось его прибить,

но то, как он правдиво все рассказал, заставило меня взглянуть на проблему иначе. Как я считаю, вам обоим нужно хорошенько поговорить и разобраться с этим самым, без вмешательства родителей, — говорит удивительно правильные вещи, держа меня за руку. — Да и времени искать тебе нового сопровождающего у нас нет, а абы кому я не позволю держать мою любимую дочь за руку на танцах.

Рассуждает, как типичный заботливый отец, рассуждая, что цветочек Нивес цветёт не для всяких проходимцев, а только для того, кто к её ногам целый мир положит. Это проблема многих родителей — до последнего не отпускают от себя чад, ожидая неизвестно чего, а девушки тем временем перестают быть юными и милыми, становясь сварливыми невестами.

Заканчиваем с приветствиями и проходим во дворец. Первая же зала, прихожая, поражает моё воображение своими размерами и в то же время скромностью. Здесь нет золотых статуй и изысканной лепнины, ковры не украшают полы. Скорее это похоже на дом зажиточного дворянина: со вкусом, но не так дорого, чтобы разориться. Самым главным украшением являются цветы, расставленные в вазах и по широким подоконникам, и у дверей, и рядом с мебелью. От них распространяется тонкий запах, превращая северный дворец в оранжерею.

— Ты мне раньше всегда помогала с садом, — уточняет Гвендолин, все также находясь со мной рядом и держа под руку, будто я могу пропасть, стоит ей упустить меня из виду. А напоминает о совместном занятии, наверно, помня о том, что после ухода в себя моя память была потеряна. — Скоро зацветет оримандия, я надеялась, что ты мне пособишь с пересадкой ростков.

В речи женщины то тут, то там слышатся простецкие словечки, и это неожиданно меня к ней располагает. Она не пытается рисоваться своим статусом королевы северных угодий, как многие поступили бы на её месте, нет, относится к этому с разумным расчетом. Видимо, из моих обоих родителей именно она отвечает за поддержку народа и общение с ним.

— Очень красиво, мама, — хвалю старания женщины.

Та моментально краснеет, смущаясь.

— Зови меня матушкой, как и раньше, — просит, сжимая мою руку сильнее, но незаметно для других. Как будто скрывает факт того, что остальным о моем промахе знать не стоит.

Подозрительно. Тут есть о чем подумать. Но я сразу же откладываю это на потом, потому что меня с помпой и чуть ли не с фанфарами доводят толпой до дверей спальни, которая вроде как принадлежит Нивес. Надеюсь, что это не очередная проверка, толкаю тяжелую дверь и останавливаюсь на пороге, мягко говоря, обалдевая от размеров опочивальни. Она скорее напоминает полноценные апартаменты: прихожая, три спальни, учебная комната, гардеробная, ванная, комната с непонятным синим шаром на столе, помещение с цветами — все это я узнаю, отделившись от всеобщего гостеприимства и переходя из одного помещения в другое. Тут так много всего, что даже не успеваю все рассмотреть, когда в дверь раздаётся стук. Приходится повторить путь до неё в обратном порядке, иначе рисковала бы заблудиться в собственных покоях, но все-таки нахожу нужное место. Открыть сразу не решаюсь, прислоняю ухо к резной деревянной поверхности и спрашиваю:

— Кто там?

И чуть не глохну, когда вновь стучат. Садизм какой-то. Отскакиваю, спотыкаюсь о

столлик с цветами. Ваза с него падает, разбивается, а сверху уже приземляюсь я. Чувствую, как осколки входят в ладонь и, уже вне себя от злости, кричу:

— Заходите, черт вас дери!

Дверь со скрипом приоткрывается и в образовавшуюся щель показывается голова Кирена. Приходится закрыть глаза и глубоко вдохнуть-выдохнуть, дабы расслабиться хотя бы на минуту, прежде чем наброситься на этого глупого мальчишку со всей злостью, на какую только способна. Неужели он не мог подобрать другой момент, чтобы зайти ко мне? Нет, надо было вот так напугать, что я даже поранилась. С разочарованием смотрю на ладонь, из которой так и сочится кровь, капая на пол и расцветившая давно поблекшее дерево алыми цветами. Фарфор же от вазы впился в кожу, но осколок такой маленький, что даже и не знаю, смогу ли его достать мальцами. Считаю, что кое-кто должен ответить за произошедшее, протягиваю руку ал'Вуле, требуя:

— Вытащи, — повелительным тоном, чтобы он даже не вздумал пререкаться.

Но, видимо, мыслей таких парень не имеет, потому что сразу оказывается рядом, берет мою кисть осторожно своими руками, поворачивает пораненную ладонь к скудному свету из окна — не смотря на ясный зимний день, комната моя находит с противоположной стороны от солнца, вот сюда и не попадают пока его лучи. Нежно проходится пальцами вокруг, а затем, без всякого предупреждения, выдергивает острый кусок. Выдергивает из кармана своего пиджака платок и заматывает им рану. Белоснежная тонкая ткань сразу же окрашивается красным.

— Надо сходить к лекарю, он наложит заживляющую мазь, — скорее просит, чем утверждает, продолжая держать меня за руку. Приходится её чуть ли не с боем вырывать, так меня смущают чужие прикосновения, наполненные заботой. Кирен с сожалением провожает ладонь взглядом, но никак не препятствует движению. Очухивается, лишь когда я пальцами здоровой руки щелкаю у него перед глазами, возвращая в реальный мир. — Прости, я не думал, что мое появление может привести к таким последствиям.

Извиняется, но меня снова охватывает злость на него.

— А ты вообще никогда ни о чем не думаешь, когда делаешь, — вспоминаю о злосчастном поцелуе, вот его-то засранец продумал от и до, как и то, что после этого будет. Академия буквально утонула в слухах обо мне. Он же, гаденыш такой, как ни в чем не бывало, стоит теперь в моем доме, в моей комнате, довольный, что не сорвалось его сопровождение меня на бал. Еще и отца на свою сторону привлек, как будто тот имеет власть над такими решениями. Ну уж нет, если я захочу, то скорее перестану дышать и умру, чем позволю всему закончиться так, как мечтается Кирену. Не знаю, как они тут привыкли обращаться с девушками, но я заставлю всех считаться с моим мнением, как бы трудно это ни было.

Парень недовольно щурится.

— Все еще злишься за тот случай? — спрашивает, садясь в резное кресло прямо напротив. Теперь он больше похож на нерадивого ученика под яростным взглядом недовольной учительницы, чем на наследника целого королевства. Конечно же тушует, тоже это понимая. Ну хоть какими-то зачатками совести обладает, значит, не все еще потеряно для мальчишки. — Я бы мог пообещать, что сделаю все, что угодно, лишь бы ты меня простила, но это будут просто слова. Настоящие мужчины делом доказывают, а не пустой болтовнёй.

— Ага, дел ты уже наделал, мелкий гад.

— Не такой уж я и мелкий, просто еще расту. Вот через пару лет войду в силу, ты меня и не узнаешь.

Мне хочется глаза закатить от такого бахвальства. Интересно, где Кирен нахватался этого? Вроде как воспитывается наследником, им разве такие установки жизненные дают учителя? Мне всегда казалось, что таких людей учат заботиться о многих, а не о единицах, что-то типа "Ради общего блага".

— Иди уже, растущий, не хочу я с тобой разговаривать ни сейчас, ни потом, — затем, немного подумав, добавляю, — возможно, и во время танцев на балу не буду вести бесед. Ты в этом сам виноват, так что отправляйся в свою спальню, которую тебе наверняка выделил мой всепонимающий отец, и подумай о своем поведении.

Приходится ал'Вуле подняться с нагретого им же местечка и уйти. Видимо, осознает, что со мной сейчас спорить ему дороже выйдет. Лучше уж в одиночестве обдумать план моего завоевания. Заодно избавил меня от своего общества — это пожалуй лучшее за день, если не считать встречи с моими родителями. Решаю вернуться к осмотру моих комнат, особенно к той, где шар на столе находится. В ней есть лишь маленькое окошко под самым потолком, крошечное, словно щель, и через него почти не проникает свет. Увидеть убранство возможно благодаря свечам, саженым и стоящим на полу. Мягкие языки их пламени тепло согревают и бархатные покрывала на стенах, и темные деревянные полу, впрочем, отбрасывая причудливые тени на потолок. Немного жутковато, но любопытство тяжело сдержат, шар так и притягивает мой взгляд. В нем молочно клубится дым, своими завихрениями лишая меня собственной воли. Как будто не в себе подхожу к столу, протягиваю руку, чтобы коснуться интересной штучки, но меня неожиданно останавливают. Некто хватает за плечо, отдергивая, встряхивает, что у меня завтрак сразу начинает проситься наружу. Оглядываюсь, чтобы посмотреть, кто это тут такой смелый, чтобы будущую наследницу трясти, и буквально отпрыгиваю — это вновь несносный ал'Вула.

— Ты же ушел! — отпихиваю его от себя, не желая, чтобы парень меня трогал. Достаточно с нас прикосновений, а то еще Магия решит, что и официального заключения брака не нужно, лишь её решения достаточно.

— Вернулся, — мордаха обиженная, как у щенка, которого наругали за шалости. — Меня вдруг что-то потянуло тут, — кладет ладонь себе на грудь, там, где под ребрами бьется сердце. — И я, заметь, успел вовремя! — теперь и он злится не меньше меня, прямо пылает праведным гневом, будто это я не права, а не он. — Ты о чем думала, желая ухватиться за Туманный шар?!

О, название-то какое говорящие. Парень тем временем продолжает ругать меня на чем свет стоит, заодно и посвящая меня в то, чего я ни в одной книге не успела вычитать.

— Туманный шар это не игрушка, а мощное средство защиты членов королевской династии, он у тебя тут стоит не красоты ради, и трогать его категорически нельзя — затаянет внутрь. Уверен, такие умники уже находились. Желаете до скончания веков куковать в тумане с душами предков?

И правда не просто всё. Теперь уже жалею, что так накинулась на Кирена, а ведь он спас меня от ужасной участи. Приходится собрать в кулак волю и сказать:

— Спасибо, наследник, — максимально официально, чтобы парень не навывдумывал того, чего нет, например, моих чувств по отношению к нему. — Я благодарна, что вы мне помогли. А теперь, когда мы разобрались с этим, прошу вас покинуть мои комнаты. Молодой мужчина наедине с девушкой без присмотра старших? Не желаю, чтобы поползли

слуши. Мне их в Академии достаточно.

Пристыжено опустив голову, Кирен вновь уходит, я же молюсь, чтобы он не вернулся и клянусь себе не трогать всякие подозрительные штуки. Даже если они супер интересно выглядят, даже если они в моей комнате. Видимо, последний пункт совсем не гарантирует, что найденная вещь безопасна. Думается мне, лучше всего гулять в той же гардеробной, среди одежды. "Если только кто-нибудь не потрудился её отравить в мое отсутствие. Судя по тому, как ал'Вула шастал туда-сюда, никаких запретов на посещение чужих комнат нет, вот и Олвен могла заглянуть, дабы сделать "приятное сестренке", — вновь включается моя подозрительность. Как же здорово, что в библиотеке Академии я читала книги не только по программе, но и для дополнительного образования. И больше всего мне понравилась "Дневник отравительницы Ри ль'Зиды". В нем давно умершая женщина рассказывала, как изучала травы и приготовление зелий, а затем, с помощью полученных знаний, отравила целую семью, которая продала её в рабство. Конечно же преступница закончила свою жизнь казнью по приговору Совета, но, самое главное, она оставила в записях и способы нейтрализации самых разных ядов.

Так-с, что же там было написано о жидкостях, которыми пропитывают ткани? Что их делают из цветков семиката, оранжевой воды и толченых зубов грифонов — как основа. И, если надо избавиться от токсичного воздействия подобных жидкостей, то следует в первую очередь найти нейтрализаторы для основы. После этого яд хоть и принесет не самые приятные часы, но по крайней мере уже не доведет до смерти. Также ль'Зида рекомендовала использовать заклинание очищения, которое является достаточно простым, насколько я успела понять из своих занятий в Академии.

Не откладывая в дальний ящик, нахожу в комнате верёвку от колокольчика. Подразумевается, что она тут нужна для моего удобства. Трясу его, но ничего не слышу. Однако, через пару минут в комнату врывается кто-то из служанок — молоденькая девочка с волосами, заплетенными в две смешные рыжие косички.

— Госпожа, вам что-то понадобилось? — спотыкается о край ковра, но равновесие удерживает, покачиваясь.

— Мне нужен настой оранжевой воды, листья беладонники, сушеные глаза тритонов. Принесешь? — в который раз благодарю учителя Кута за то, что он так прекрасно обучает меня зельготовке. Если бы не он, я бы сейчас с ног сбилась, ища того, кто поможет проверить одежду на наличие ядов. — И об этом не надо никому говорить. Ни родителям моим докладывать, ни старшим. Будь умничкой.

Подозреваю, что с прислугой тут редко обращаются вежливо, потому что девочка улыбается мне вдруг светло-светло и буквально исчезает, чтобы вернуться через пару минут. Озираясь, заходит в комнату, из которой я и не уходила, сжимает в руках маленькие свертки. Я забираю их, благодаря искренне служанку. Но та не уходит, во все глаза глядя на то, как на маленьком столике начинаю смешивать ингредиенты.

— Интересно, да? — спрашиваю у нее, и так понимая, что детская любознательность выиграла у мелкой. И я совсем не против её удовлетворить, но вначале прошу, — Только все, что здесь произойдет, должно остаться тайной, хорошо? Как тебя зовут?

Не могу же я к ней постоянной обращаться "эй".

— Дота, просто Дота, — улыбчивая малышка с удовольствием представляется.

Я же думаю о том, к какому же сословию принадлежит девочка, раз у нее нет никакой фамилии, и какой повезло оказаться на услужении в замке, куда обычно допускают лишь

избранных. Надо побольше о Доте узнать, полезно иметь такую вертлявую, а, главное, незаметную, малявку на своей стороне.

— Смотри, это оранжевая вода. Она выступает основой для многих зелий. Но следует с осторожностью её переливать, ведь, если попадет на кожу, то прожжет её, — показательно аккуратно наливаю в крошечный котел жидкость. Сразу слышу шипение. Значит, все правильно делаю. Затем кидаю сушеные глаза тритонов, — немного надо, у них очень сильное действие. — Дота послушно кивает, пытаясь не упустить ни единой детали. Кидаю листья беладонники. — Когда они пропитаются зельем, можно будет приступить к тому, зачем я все это и затеяла.

Отсчитываю секунды про себя, пытаюсь не отвлекаться на неожиданный шум со двора. И, когда проходит четыре минуты, прямо рукой лезу в котел, доставая первый лист. Им и провожу по белью — от него моментально начинает исходить пар.

— Что происходит? — Дота шокирована наблюдает за клубами уже синего цвета.

— То, чего я и боялась.

Кто-то пропитал мою одежду ядом.

Кто бы это не сделал, надеялся на то, что Нивес осталась такой же наивной и глупенькой, как и раньше. Приедет радостная домой, переоденется, получит свою дозу яда и быстренько отойдет в мир иной, да еще так ловко, что никто и не заподозрит, что она отравилась. Страшно подумать, что стало бы со мной, не прояви я бдительность — освободила бы место будущей наследницы.

— Госпожа, надо сейчас же сообщить вашим родителям! — подскакивает с места Дота, выглядя испуганной и взволнованной.

— А вот это совсем необязательно, наоборот, мы должны оставить все, как есть. Только нам надо знать о том, что произошло, — беру девочку за руку, останавливая. Та уже порывается бежать разыскивать короля и королеву. Слишком уж честная. А мне нужно время, чтобы как минимум обдумать происходящее, сделать выводы и подготовиться к следующим возможным покушениям, ведь, как только убийца поймет, что с отравлением ничего не вышло, наверняка захочет попытаться вновь меня свести в могилу. И тогда стоит ждать еще куда изощренных методов. Вновь прошу Доту, — никому ни слова об этом. Пожалуйста. — И решаю давить на то, что в слугах в этом мире очень развито, — ты же не думаешь, что я какая-нибудь слабачка, что не может себя защитить? Вот, значит, какого мнения ты о членах королевской семьи... — тяну нарочито разочарованно. Давить на совесть — самое верное решение в подобных случаях.

Дота тут же виновато опускает голову и начинает шмыгать носом, похоже, приготовившись плакать.

— Госпожа, я никогда и в мыслях не держала считать вас слабой или глупой, — по покрасневшим щекам малышки текут слезы, которые она не в силах остановить, видимо, чувствуя глубокий стыд за собственные сомнения. — Просто я волнуюсь о вас. Раньше вы часто болели, а лекари никак не могли понять, почему это происходит, почему их лечение не помогает. И теперь, когда вы вернулись, я боюсь, что ваши родители снова будут дневать и ночевать у вашей кровати, боясь, что вы не выживите после очередного приступа болезни.

Что ж, это многое объясняет. Нивес-то не в первый раз решили сегодня убрать с пути, и до этого пытались. Стало быть, этот человек не просто вхож в королевский дворец, вполне возможно, что и живет тут, может передвигаться по помещениям, не вызывая ни единого подозрения. "Меня больше удивляет, что родители так просто отнеслись к тому, что их дочь, будущая наследница, которая по определению Магии должна быть сильной и здоровой, постоянно болеет. Неужели все лекари бессильны, или же отец с матерью и не пытались особо помочь?", — теперь под подозрением для меня и они. Люди, которые должны следить за мной, как за зеницей ока, как-то легко сдаются.

— Не беспокойся, лекарь в лазарете Академии позаботился обо мне, дал новое лекарство, зелье, которое укрепляет и дарит новые силы, — обманывать ребенка неприятно, но зато так о маленьком происшествии в моей гардеробной не узнают в ближайшее время. Я и не надеюсь, что Дота долго сможет хранить молчание, но по крайней мере получу маленькую фору.

Еще раз строго-настрого девочке запрещаю болтать и отсылаю дальше работать, пока её не хватились старшие, а сама сажусь в то самое кресло, в котором совсем недавно был Кирен. Итак, кто под подозрением? В первую очередь, конечно же, моя младшая сестра,

Олвен. Ей моя жизнь покоя не дает, судя по всему, уже очень давно. И, если раньше девушка смирялась с положением, потому что Нивес была тихой серой мышью, то я в её теле сделала многое, чтобы положение сестры в той же Академии изменилось: начала учиться, показывать свои умения, заинтересовала учителей, "похитила" сердечного друга...кто знает, за что еще она может хранить обиду. Во-вторых, мои родители. Те, кто по идее меня должны любить, холить и лелеять, как-то подозрительно долго не могли найти, отчего же болеет дочь. Третьим пунктом идет, как ни странно, наследник ал'Вула. Да, он многое сделал, чтобы завоевать мое доверие, но посчитал нужным разрушить все одним только поцелуем. А также, не смотря на Связь Магии между нами, он все еще не до конца передо мной открыт, имеет море тайн и слишком тщательно их скрывает. Как после этого верить? Верно, никак. Еще не следует вычеркивать из списка тех, кто прислуживает во дворце и незнакомых мне безликих родственников — все они имеют доступ в мою спальню, следовательно, могли навредить.

Единственный, кого я не подозреваю, это Луми. Он еще слишком мал для подобных интриг. И меня подкупило, как искренне обрадовался приезду сестры, мигом простив прошлое поведение, едва увидел меня и заговорил. На такое способна только по-настоящему невинная душа. Если я и готова кому доверять в северных угодьях, то только братишке.

Так, размышляя, я даже не замечаю, когда именно появляется чашка чая передо мной на столике, но, когда это случается, смотрю на темно-коричневую жидкость с подозрением. Ну уж нет, мне и в голову теперь не придет пробовать что-то непроверенное. Обставляю чашку, отправляюсь в гардеробную. Лучше занять себе примеркой незнакомой одежды, чем пить чай неизвестно от кого. В комнате, где аккуратно развешаны платья и не только, уже темно, приходится наугад хлопнуть в ладоши. Тут такая же система, как и в Академии — сразу загорается искусственный магический свет. Рассматриваю, что же оставила Нивес дома, не взяв в Академию. Конечно же, первый взгляд привлекают платья, которые тщательно расправлены и переложены между собой плотными слоями белой ткани, которая не дает дорогим тканям соприкоснуться. Тут и нарядные, украшенные драгоценными камнями и богатой вышивкой, платья, и более простые для охоты и прогулок, и домашние, такие, что только в своей спальне и наденешь вечером, зная, что больше никто не придет в гости. Дальше разглядываю обувь: туфельки, сапожки, тапочки, пар так много, что их и не сосчитать, и все выглядят удобными. Не удержавшись, примериваю одну меховую, судя по виду мягкой подошвы, домашнюю. Оказывается так тепло, что решаю оставить их на ногах. После этого удержаться уже невозможно. Снимаю с вешалки первое попавшееся платье, скидываю с себя старое и надеваю новое. Большое зеркало в углу с охотой отражает хозяйку. Симпатичная брюнетка в изумрудном платье — даже не верится, что это я, та, кто раньше куталась в джинсы и растянутые поношенные худи, а кроссовки и вовсе вечно просили каши. Теперь же я выгляжу и правда принцессой: стройная, с чистой кожей, длинноволосая; а платье это просто дополнение. Решаю найти и украшения, чтобы дополнить образ, иначе как-то несолидно получается. Они находятся в отдельном комодке, который неприметно стоит в углу комнаты. Открываю полки и просто оказываюсь вне себя от того, какое же сокровище, оказывается, хранится вот так просто у меня в гардеробной. Неужели в этом мире нет краж среди прислуги? Замочек хотя бы повесили, не по себе даже становится как-то.

Вначале прохожусь кончиками пальцев по драгоценностям. От камней и металла исходит непонятное тепло, которое так и тянет к себе. Не выдержав этого зова, вытаскиваю

тонкий браслет из белого золота, украшенный изумрудами. Цвет камней похож на мои глаза, поэтому примеряю прелесть. А после оказываюсь не в силах снять — сидит на руке, как влитой. Дергаю застежку раз, второй, третий, но замочек не поддается, будто кто-то, едва я надел браслет, заварил его навечно.

— Госпожа, время вечерней трапезы, — вновь появляется рядом со мной Дота. Заговорщески прибавляет доверчиво, — я никому не рассказала о том, что тут произошло, честно-честно.

— Умница, так и надо делать — хранить верность тому, кого выбираешь. А я в ответ буду верить тебе и в обиду никому не дам, — обещаю, зная, что так и будет. Девочка-то умненькая, но еще и красивая, а через пару лет и вовсе войдет в самый сок, парней от нее, женихов незадачливых, придется метлой отгонять. Тогда-то и возьму девушку под свое покровительство, сделаю всё, чтобы у нее появилась фамилия. — Мне нужно как-то по-особому одеться?

— Нет, это платье вам очень идет, да и украшение к месту, — оглядывает меня служанка, а затем замечает, — только волосы надо уложить. Появиться с распущенными просто-напросто неприлично.

Она притаскивает из гостиной кресло, усаживает меня в него, берет в руки щетку и начинает колдовать над прической. То так локоны уложит, то эдак, то косички заплетает, крутя их во все стороны, затем распускает и шпильками закалывает. И при этом не позволяет мне смотреться в зеркало, чтобы раньше времени не увидела, что же сделает Дота.

— Ну вот и готово, можете полюбоваться, — облегченно выдыхает девочка, позволяя мне развернуться.

Помимо моей воли изо рта вырывается восхищенный вскрик. Если и раньше я заметила, что являюсь красавицей, то теперь к этому слову хочется прибавить "сказочная". Часть волос собрана в высокую башенку, украшенную бабочками из самоцветов, ниже же волосы завиты в большие локоны, мягко спускающиеся на плечи и спину. Но Доте и этого недостаточно, откуда-то из нижних полок комода она достает местную косметику и наносит мне на лицо — в итоге глаза с удлинившимися ресницами становятся выразительнее, а губы алого цвета — соблазнительнее. Уверена, будь тут Кирен, он бы попытался вновь украсть у меня поцелуй.

Именно в таком виде и спускаюсь вниз в сопровождении Доты. Та идет позади, держа подол моего платья, как маленький паж, и явно светится от гордости, что ей позволили это делать. В конце лестницы встречает другой провожатый — мой отец. Он по случаю возвращения дочерей тоже приоделся: белоснежный мундир, такие же белые, тщательно отглаженные брюки со стрелками, на груди красуются ордена; волосы тщательно причесаны, а на поясе висит меч, украшенный драгоценными камнями. Не смотря на явно большой возраст, мужчина выглядит крепким и мужественным, таким, каким и должен быть правитель такого королевства, как северные угодья. Насколько я успела понять, тут нередки стычки с неизвестными мне горзунами, а также таинственными налетчиками из-за стены, что высится прямо за замком родителей.

— Какая же ты красавица, Нивес, — отец не жалеет комплиментов. Подает руку и, дождавшись, когда я за нее возьмусь, ведет в столовую. И при этом шепчет так, чтобы никто кроме меня не услышал, — мальчишка ал'Вула тоже жаждал тебя провести, но я ему запретил. Это право принадлежит мне, потому я родитель, и всегда в твоей жизни буду важнее ухажера, жениха или даже мужа.

Такая любовь даже пугает, слишком уж всеобъемлющая. Неужели и правда рассчитывает контролировать меня после свадьбы? Вот уж дудки, я такого не допущу. Развели патриархат, а бедным Приходящим потом страдай.

— Спасибо, отец, что спас меня от его пристального внимания хотя бы на сегодняшний вечер, — улыбаюсь ему с самым милым выражением лица, на которое только способна. Пусть уж считает меня слабенькой девочкой, чем подозревает неизвестно в чем.

В столовую заходим со всей помпой. Я-то ожидала, что все пройдет тихо и домашнему, но о нашем появлении в зале объявляют с фанфарами. Иклин довольно улыбается тому, что удалось меня поразить, я же борюсь с отчаянным желанием зажать уши, лишь бы не оглохнуть. Внутри все уже собрались: разодетая в пух и прах мама, Олвен в чересчур откровенном платье, открывающим вид на ее декольте, Кирен — копия моего отца, тоже в военной праздничной форме. И все почему-то смотрят мне на ноги. И только в этот момент я понимаю, что не сменила домашние меховые тапочки на туфли.

Прокол конечно же не из тех, когда меня могут обвинить в иномирстве и отправить на казнь, но все равно неприятный. Как будто я маленький ребенок, что не может даже одеться подобающе случаю. Принимаюсь судорожно придумывать оправдание, но на помощь, как ни странно, приходит Кирен:

— А здорово ты это придумала. Я мерзну каждый раз, как приезжаю в северные угодья, — разглядывает мою обувь, будто само собой разумеющееся. Затем показывает на свои туфли с вычурными бантами, — у меня ощущение, что пальцы вот-вот отмерзнут.

— Придется привыкнуть или же перестать обуваться в девчачьи туфельки, если действительно хочешь стать частью нашей семьи, — вставляет свои пять копеек в разговор отец, похлопывая ал'Вулу по спине. Тот от ударов покачивается, но не падает.

А мне так и хочется спросить, с каких это пор не я решаю, кто там станет мне женихом, а Иклин. Все-таки реальность внесла свои коррективы в мои мечтания об идеальных родителях. Видимо, нигде и никогда не будет таких людей, которые бы полностью соответствовали нашим ожиданиям. Придется привыкнуть, чтобы жить в гармонии с собой.

— Присаживайся, пора уже приступать к трапезе, — отец подводит меня к нужному месту. Сам же устраивается рядом с матерью, складывает руки в странном жесте, сводя мизинцы и указательные пальцы вместе и произносит, — время молитвы.

Такого в этом мире я еще не видела, поэтому слежу за происходящим чуть ли не с открытым ртом. Приходится еще и за выражением лица следить, чтобы не стать в очередной раз посмешищем.

— Мать-защитница всех северян, прими в свои объятия всех вернувшихся детей. Благодарим тебя, что не оставила их одних вдали от дома, наставляла и напутствовала. Жертвы, что ты требуешь от нас, будут отданы тебе на благословение. Торна!

И все за ним повторяют: "Торна!". Я, чтобы от них не отличаться, делаю то же самое, чувствуя себя при этом невероятно глупо. Как будто неожиданно все гости и семья превратились в викингов, празднующих богатую добычу, ещё бы кружками пива бряцнули, для того, чтобы картина была законченной. Но меня и кое-что интересует:

— Кирен, а разве тебе можно почитать мать-защитницу, ты же из восточного королевства, у вас там другие боги, — вскользь замечаю, думая, как использовать знание против мальчишки. Может, разница религий не даст Магии заставить нас сочетаться браком? Это был бы наиболее безболезненный выход из щекотливой ситуации для меня.

Видимо, попадаю прямо в яблочко, потому что ал'Вула недовольно поджимает губы и крепко задумывается, а вот ответ у него никак не получается придумать, как будто все мысли неожиданно покинули эту симпатичную головку. Неужели он все-таки может впасть в ступор? А ведь обычно ведет себя, как самцовый самец. Теперь совершенно точно знаю, как заставить мальчишку замолчать — вести философские беседы с ним.

Блюда, расставленные на столе, поражают воображение: тут и целые поросята, запеченные с овощами, и крошечные птичьи тушки, нанизанные на вертелы, клубни какого-то овоща, очень похожие на картофель, целые этажерки с фруктами и сладким. Глаза разбегаются, не знаю, что первым попробовать. Слюнки уже текут, а выбор я так и не делаю. Вопросительно смотрю на отца и маму, но те уже поглощены приемом пищи и друг другом. Тогда перевожу взгляд на Кирена — Олвен мне точно не советница. Он будто мысли читает

и кивает сперва на гарнир:

— Начни с этого, чтобы подготовить желудок к долгой и тяжелой трапезе, — затем насыпает овощи, — они освежают вкусовые рецепторы после каждого блюда, — и наливает в высокий тонкостенный бокал из кувшина нечто красное. — Вино, совсем чуть-чуть, чтобы поддержать аппетит. Оно в северных угодьях особое, с травами и специями. Попробуй и поймешь.

Послушно отпиваю плоточек. И едва сдерживаюсь, чтобы не закашляться, настолько напиток оказывается острым и пряным для меня. Нотка алкоголя почти и не чувствуется, а вот рот буквально горит от приправ. Похоже на глинтвейн, который я однажды пробовала, но не такой ядреный. Однако, не могу не согласиться с Киреном — согревает отлично. Самое то для страны, которая, видимо, вечно промерзшая насквозь, и лета тут не бывает. Понятное дело, что за многие годы холодов люди нашли способы согреться. Хотя бы вином. Странно другое, тут же есть Магия, так почему бы не использовать её?

— Не могу, — шепчу парню, пытаюсь не заорать на всю столовую. Он понятливо улыбается и протягивает стакан с водой. Та живительной влагой стекает по раздраженному горлу, даря долгожданное облегчение. — Спасибо, — впервые за долгое время отвечаю парню, не пытаюсь никак поддеть, только искренняя благодарность.

Так, пробуя одно блюдо за другим, я наедаюсь достаточно быстро. Чувствую, как наполняется желудок, возникает ужасное желание ослабить хоть как-то давление на живот, но плотная ткань платья не позволит. Теперь мне только и остается, что молиться о скором конце вечера.

Как бы не так. Как только все насыщаются, прислуга открывает двери в соседнюю комнату и приглашает гостей. Видимо, в этом мире популярны посиделки с бессмысленной болтовней, как и на Земле. Приходится, словно колобок, перекачываться туда, куда указано. Большая светлая комната освещается сотнями свечей, прямо посерели находится высокий стол на высоких золотых ножках, вокруг него уже рассаживаются мужчины. И перед ними колода карт. Когда их начинают раздавать, у меня волей-неволей вырывается:

— О, преферанс!

— Префера, Нивес, — Кирен выглядит так, словно вдруг неожиданно понял что-то очень важное для себя. — Это же достояние севера — игра в карты, неужели даже этого не помнишь? Видимо, твое сознание далеко ушло...

Я уже не слышу, что он там говорит. В голове стучит единственная мысль — ал'Вула осознал, что я Приходящая. Черт, черт, трижды черт подери. Столько раз себе клялась, что буду осторожнее, не допущу глупых проколов, и вот, из-за какой-то игры себя раскрыла. Да ещё перед кем, человеком, что положил на меня взгляд, желает заполучить в свое единоличное пользование. Теперь же у него есть рычаг для давления, шантажа, мол, если не заключишь со мной брак, то я всем расскажу правду, и тогда, вместо алтаря, отправишься на эшафот. Вытерпеть эти терзания невозможно, поэтому выскакиваю из залы, никому ничего не говоря.

Не слушая чужих окриков, добегаю до собственной комнаты, запираю дверь и прислоняюсь к ней спиной, съезжая на пол. Сидеть в платье в такой позе неудобно, и я вдруг осознаю, насколько же чужая в этом мире. Слезы текут по щекам, но даже не пытаюсь их стереть. Ткань одежды больше не кажется роскошной, лишь очередной тряпкой, тапочки из меха жмут, хотя ещё час назад казались мне лучшей обувью на свете. Стягиваю платье, скидываю тапочки, лишь от браслета не получается избавиться, тот будто слился с моей

кожей — каждое движение вызывает боль.

Когда поднимаюсь наконец с пола, чувствую себя опустошенной, и дело совсем не в том, что иду к кровати гольшом и босая, нет, совсем не в этом. Я даже не разбираю толком постель, просто занырываю под тяжелое покрывало, продолжая всхлипывать, словно маленькая обиженная девочка. По сути ею и являюсь.

Кто-то стучит в дверь снова и снова, но не придаю этому значения. Если прислуга, то у них имеются ключи, если родители, то они властны над прислугой, а Кирену вход в мою комнату отныне закрыт. Чтобы он не сказал или не потребовал.

Так и засыпаю, в полумраке свечей, мечтая о том, чтобы эта новая жизнь в новом мире оказалась лишь сном.

На следующий день я просыпаюсь от того, что странно себя чувствую. Всё тело горит, словно в огне, и даже открытие окон, чтобы холодный воздух обдул разгоряченное тело, никак не помогает. Наверно, именно так себя чувствуют на костре невинно обвиненные «ведьмы», не в силах избавиться от жара. Свет из окон режет глаза, будто ножами, не давая сфокусироваться ни на одном предмете в комнате, вздохнуть невозможно, такое ощущение, что легкие заполнены водой, и я тону, тону, все глубже ухожу под воду. И кости, их тянет, выгибает до боли, до ломоты. Не в силах больше терпеть, я пытаюсь закричать, позвать на помощь, но либо и уши отказали, либо изо рта не вырывается ни звука. Превозмогая саму себя, доползаю до края кровати, туда, где свисает шнур звонка и дергаю за него.

Через пару минут рядом появляется Дота. Она, удивленно всплеснув руками, ахает, и убегает. Когда она возвращается, я не замечаю, но зато чувствую чужие руки на моем теле. Кто-то быстро обтирает меня резко пахучей жидкостью, другие руки жёстко растирают ступня, а к голове пристраивается, видимо, маг, потому что хотя бы головная боль наконец-то отступает. Такое возможно только благодаря волшебству, я так думаю, потому что боль в голове не человеческая, выдержать её тяжело.

— Приходит в норму, тело принимает Магию, — наконец-то слышу чужой голос. Он для меня, словно музыка, ведь до этого успела подумать, что оглохла, — никогда ещё не видел, чтобы принятие проходило так долго и болезненно. Видимо, всё дело в том, что и ваши родители, и вы сами, а теперь и Нивес наследовали слишком сильную кровь. Нам нужно было предвидеть заранее такой вариант развития событий, тогда бы она не страдала так долго, все прошло бы куда лучше. А теперь ей нужны постоянный уход и присмотр, поэтому один человек, которому она доверяет, должен всегда находиться рядом. Кто это будет?

Для меня с трудом доходят слова, которые говорит неизвестный, но одно я понимаю точно — я не стану доверять в этом доме почти никому, разве что одной маленькой, но сообразительной девчонке:

— Дота, пусть это будет она, — хриплю, произнося свою волю.

Она единственная знает, что меня пытались отравить, но, судя по всему, никому об этом не разболтала, как я её и просила. Это внушает доверие. И пусть она ещё маленькая, но у неё огромный потенциал, кто знает, чем для нас может обернуться сотрудничество?

— Наконец-то ты очнулась, дочка! — Теперь глаза мои начинают видеть. Отец, бледный, осунувшийся, с тёмными кругами под глазами, стоит рядом с моей кроватью, оказывается, держит мою руку, явно не намереваясь её хоть когда-нибудь отпустить. — Ну и перепугала же ты всех нас, я думаю, что принятие магией тебя в наследование произойдёт ещё через пару недель, планировалось устроить ритуал как раз после бала в честь солнцезатенения, и тут ты поспешила, девочка.

Я не могу понять, ругает он меня или же хвалит, так его лицо контрастирует с голосом. Мама тоже здесь, распласталась на кровати со мной в обнимку. Раньше этого не чувствовала, но теперь эти объятия кажутся удушающими.

— Матушка, слезьте с меня, я не подушка, — прошу её, пытаюсь превозмочь жар, который вновь начинает захватывать тело, а её руки никакой прохлады не дарят.

— Нельзя, — категорически запрещает маг, наконец появляясь перед моими глазами, до

этого я лишь слышала его голос, теперь же могу и рассмотреть: это наг, точно такой же, как и ль'Ву, только цвет хвост у него золотой и светится при отблесках пламени от свечей очень ярко, так, что мне моментально начинает слепить глаза. Лучше бы их и не открывала, если такие ощущения появляются. — Вы, дорогая, женского пола, поэтому ваша мать с вами и лежит, чтобы стабилизировать и выравнять внутренние потоки Магии, иначе будете мучаться дольше, потерпите, вы же взрослая девушка.

Легко сказать, но только он вряд ли хоть раз чувствовал что-то подобное, ведь наследником не являлся. Болтать же каждый может. Отворачиваюсь, насколько возможно, чтобы не видеть чужих участливых лиц, видимо, действительно придется терпеть, не смотря ни на что. Вновь слышу, как Маг начинает читать бесконечные заклинания речетативом, словно в трансе. Чувствую, как что-то внутри меня вновь ворочается, распутывается из узлов, сила прямым потоком проходит через каждую клеточку тела, наполняя меня. А ещё выламывает кости, будто они решили неожиданно вырасти за считанные минуты, кожа растягивается.

— Что за черт? — выдавливаю из себя, в очередной раз заходясь кашлем. Мне все ещё больно, но боль кажется правильной, поэтому и хочу узнать, что делает наг.

— Нивес, ты же проходила теорию начального преобразования человеческого тела при его вступлении в наследование, теперь ты растешь, как положено, — вновь заговаривает мой отец, а мне его хочется ударить, неужели он забыл, что я потеряла память после того, как сама себя заморозила? Видимо, этот момент он упустил, а теперь мучает человека, которому очень и очень нехорошо. — Поэтому терпи, каждый из будущих правителей проходил через это.

Терпи, терпи, терпи. У них ещё язык не отсох повторять это снова и снова? Как будто от этого мне станет легче или силы появятся, чтобы справиться с невероятной болью. Не знаю почему, но внезапно захватывает такая ненависть, что хочется убить всех, кто находится в этой комнате. И нага, возомнившего себя великим лекарем, и мать, чья тяжесть давит мне на грудь и не дает вздохнуть, и отца, что считает происходящее нормальным делом. Даже Доту, которая обтирает мне лицо влажной прохладной тряпицей, хочется придушить. Если такое происходит каждый раз, когда наступает момент очередного принятия Магии, то что-то мне не слишком-то хочется принимать её дары.

Мучаюсь я несколько дней, а когда наконец прихожу в себя и могу ясно мыслить, становится страшно от того, какие думы посещали мою голову. Дождавшись, когда все меня ставят, решаю подняться с кровати. И чувствую себя чертовски неуверенно, понимаю, что я действительно выросла — комнаты уже не кажутся такими большими, просто я стала выше. Добираюсь на ослабевших ногах до гардеробной, хлопаю в ладоши, зажигаю свет, и наконец оказываюсь перед зеркалом. Что ж, хоть что-то хорошее Магия сделала: теперь я выгляжу не ребёнком, а оформившейся, красивой девушкой. Волосы почернели и стали ещё более длинными, густыми и блестящими, словно шелк. Я прилично схуднула, но при этом у меня выросло всё, что должно быть у молодой женщины — грудь и то, что пониже спины. Вся одежда оказывается мне мала, поэтому приходится вновь вернуться в комнату, укутаться в простынь и только после этого выглянуть за дверь. Там действительно меня ждёт Дота, похоже, её оставили здесь, чтобы не упустить наследницу, которая может сотворить всё, что угодно. Нет мне доверия даже среди семьи.

— Малышка, принеси чего-нибудь поесть, — прошу девочку, осознавая, насколько же я

голодна. Все равно в таком виде далеко не уйду, а она показала себя расторопной, так что я уверена, что совсем скоро буду кушать.

Она послушно убегает, я же возвращаюсь в спальню. Сажусь в кресло, смотрю, как смеркается за окном: закат розовым светом раскрашивают потолок и пол в моей комнате, как будто брызгами крови. Дверь скрипит, и я, испугавшись, что это может быть недоброжелатель, вскакиваю на ноги. Но забываю учесть одну маленькую деталь — простынь падает от резких движений прямо на пол, оставляя меня совершенно голый.

Голой и покрасневшей от смущения, потому что ко мне решил наведаться Кирен, и теперь увидел меня без одежды. Что может быть хуже?

Так стыдно мне не было, даже когда голышом тут перед родителями и магом лежала. Потому что понимала необходимость да и сделать ничего в-общем не могла. Но сейчас-то пришла в себя, мысли прояснились, вот и затапливают в очередной раз чувства, которые мне вроде как по происхождению не положены.

Готова отдать должное ал'Вуле, тот, залившись краской, сразу же отворачивается, зажмурившись и даже зажав заалевшие от смущения уши руками. Вот это я понимаю, сориентировался по ситуации. Не стал пользоваться ситуацией, а поступил, как и полагается настоящему джентельмену. Быстро поднимаю покрывало с пола, кутаюсь в него поплотнее. Звать Доту не решаюсь, мало ли что та нафантазирует о том, что в этой комнате произошло, тогда уже никакие слова не помогут, меня заклеят, как доступную девку, чего я себе позволить ни в коем случае не могу. Мне ещё целой страной править, черт подери.

— Всё? — на всякий случай переспрашивает Кирен, в его голосе отчетливо слышится волнение. — Я могу повернуться, или лучше ещё подождать?

— Зачем вообще без приглашения пришел, если тебя не звали? — Закипаю от злости, понимая, что просто так я от него не отделаюсь. Если приперся, значит, есть причина, следовательно, чем быстрее я с ним разберусь, тем быстрее смогу улечься обратно в постель или хотя бы переодеться в что-то более подходящее, чем простая простынь. — Говори уже, не заставляй меня ждать!

Пытаюсь успокоиться, вдохнув и выдохнув воздух. Помогает конечно же слабо, но хоть что-то.

— Еще раз повторить, чтобы ты понял? Вещай, зачем пришел, — намекаю на то, что он здесь уже слишком задержался. Парню пора бы собраться с мыслями, чтобы их изложить и убраться подальше. — Ты думаешь, что мне приятно тебя видеть? Это раньше наши отношения, дружеские, прошу заметить, позволяли заваливаться друг другу в комнаты без предупреждения, а теперь ты для меня никто, а на бал сопровождать будешь только потому, что этого хочет мой отец. Таким способом я хочу его порадовать, а не тебя.

Кирен смотрит обиженно, как будто я безжалостно пнула его любимую собачку, но затем всё-таки берёт себя в руки и начинает рассказывать:

— Ты осторожнее со своей Дотой, не знаю, почему ей доверяешь, но раньше она прислуживала твоей сестре. И видел я их буквально пару минут назад вместе, о чем-то шушукались рядом с библиотекой. А сейчас, раз ты так настаиваешь, оставлю тебя, подумай на досуге о моих словах.

Вот это поворот. Я-то надеялась, что Дота предана мне, мы ведь так хорошо поладили, а теперь оказывается, что и доверия нет. Ещё из глубины души поднимаются подозрения, чтобы она могла отравить мою одежду, раз она так легко и быстро помогла мне справиться с последствиями. Что-то типа того, что если не получилось покушение, так хотя бы от него отмазаться получится. Ненавижу этот мир со всеми его интригами.

Но я не могу быть неблагодарной, поэтому, не дожидаясь, когда ал'Вула уйдет, тихо говорю ему:

— Спасибо, что предупредил. Но в следующий раз, прежде, чем заходить в комнату к девушке, советую тебе хотя бы постучаться, затем спросить разрешения, и, только получив его, вламываться в чужую опочивальню.

А то такое ощущение, будто я не с наследником королевства разговариваю, а с мальчишкой из подворотни, который ничего не знает о правилах приличия. Он бы ещё ночью ко мне пришел, так, просто поболтать, ничуть не задумавшись о последствиях. А они будут, я совершенно уверена. Даже если сейчас парень думает, что его никто не видел, то он ошибается — даже у стен есть уши, тем более в королевском дворце.

Кирен ничего не отвечает, просто уходит, а я же вновь остаюсь в одиночестве, размышляю, чем же заняться дальше: отправиться опять в кровать, переодеться и занять себя ещё чем-нибудь? Ещё мне очень хотелось бы узнать, как долго я валялась здесь в беспмятстве, что за это время произошло. Раньше бы я позвала Доту, чтобы всё это узнать, но теперь получится, что она все наши разговоры может пересказать Олвен — я не могу так рисковать. В очередной раз придётся искать того, кому я смогу довериться. Пока в этом плане мои ожидания оправдал только ль'Ву. Пусть он и вспыльчивый, пусть наше общение нарушилось из-за его странной просьбы пожениться, но он ни разу ни в чем меня не подставил, не обманул, всегда был на моей стороне.

Теперь желание связаться с ним становится ещё более сильным, мне столько нужно рассказать, попросить совета, поэтому, не откладывая в долгий ящик, прямо в простыне иду в комнату, где стоит письменный стол. Он точь-в-точь такой же, как у меня в спальне в Академии, только здесь нет такого творческого беспорядка, как там. Впрочем, мне легко разобраться, и совсем скоро я уже обмакиваю перо в чернильницу, выводя первые слова письма. Первым делом я прошу у мужчины прощения за свое прошлое поведение, потому что понимаю — без этого никак. А чтобы наладить общение заново, просто необходимо признавать свои ошибки. Да, Даар не подарок, но я могла бы не реагировать так резко, попытаться выяснить до конца, что же произошло, как ему помочь, но отказалась, едва услышав слово «помолвка». Теперь-то я понимаю, что есть вещи похуже, чем предполагаемая свадьба, но тогда испугалась по-настоящему.

Изливать душу бумаге оказывается хоть и тяжело, но на удивление приятно. Как будто освобождаюсь от тяжкого груза на сердце. А, когда ставлю точку, и вовсе чувствую, как слезы текут по моим щекам непослушными солеными дорожками. Боже, как же мне не хватало этого чувства выговоренности, пусть и таким способом. Письмо складываю несколько раз, затем в конверт. Запечатываю заклинанием, а после ещё и сургучом — для красоты. Видимо, девушка во мне ещё не сдохла, раз хочется, чтобы всё было мило и симпатично. Только после этого я иду в гардеробную, где облачаюсь в домашнее платье, те же тапочки, что и в день прибытия в северные угодия. Волосы собираю в самый простой хвост, завязывая их синей шелковой лентой.

Теперь-то я готова выйти из своих комнат и встретиться со всем, что меня ждёт.

— Госпожа, вам ещё рано ходить столько, — встречает меня в коридоре на первом этаже знакомая служанка и сразу же начинает поучать. Как будто делать ей больше нечего. — Вам нужно было просто позвать кого-нибудь к себе в комнату.

Я же не собираюсь следовать чужой просьбе. Пусть официально ещё не объявлено, но уже являюсь официально наследницей, вошедшей в права, подтвержденные Магией. Больше никому я не позволю помыкать мной, тем более, что теперь это мне позволено не просто родителями, а самой природой, которая даровала силы. Также не стоит позволять приказывать мне, иначе они начнут думать, что я слабовольная, что мной можно управлять, что тоже не является мечтой моей жизни.

Несмотря на раннее утро семья и гости уже в сборе. Сегодня завтрак проходит в малой столовой, в более приятной атмосфере, чем прошлый прием пищи, на которой я попала. Меня приветствуют, мама обнимает, но, в принципе, все общаются между собой, не уделяя кому-либо слишком много внимания. Олвен, устроившись на дальнем конце стола, лишь зубами скрежещет, когда меня сажают рядом с Киреном. Глазами метает такие молнии, что мне кажется, что они вот-вот станут реальными, ударят в меня и убьют. По левую руку от меня оказывается дородная женщина лет шестидесяти в роскошном платье и такой прямой осанкой, будто она спицу проглотила. Именно она решается заговорить со мной первой:

— Поздравляю с вступлением в наследие, ты настолько любима Магией, что она даже не стала дожидаться конца праздника солнцезатенения. Это замечательно, значит, будущее северных угодий в хороших руках. Теперь тебе нужно подыскать домашнего учителя, который сможет объяснить все тонкости управления новым объемом Магии. Ты же не думаешь что это будет легко и просто? И, насколько я слышала, деточка, у тебя уже и пара появилась, будущий жених? — смотрит женщина на Кирена рядом, а затем вновь поворачивается ко мне, подмигивает, как бы говоря, что выбор одобряет. И вдруг спохватывается, — ой, милочка, ты же наверно меня и не помнишь. Твои родители говорили, что после заморозки ты потеряла память, а я тут с тобой так разговариваю, даже не представившись, какой ужас!

Уж не знаю, кем она является, но болтовня уже сводит с ума. Ею можно довести вполне адекватного человека до самоубийства, я слушаю всего пару минут, а уже хочется вздернуться прямо на ближайшей деревянной балке. Стараюсь не закатывать глаза, когда женщина вновь начинает говорить.

— Меня зовут Эладия, я твоя двоюродная тётушка, в детстве часто нянчилась с тобой, поэтому ты меня любила. Жаль что дети так быстро растут, мне так не хватает твоих пухлых щёчек, очень уж любила их тискать, — сокрушается она, доставая из скрытого кармана в платье белоснежный платочек. Прوماкивает им слезы, всхлипывает, но берет себя в руки. — Надеюсь, что скоро смогу твоих деточек помянуть, многому могу их научить.

Мать божья. Мне же ещё и семнадцати лет нет. Неужели в этом сумасшедшем мире рожают, даже не доучившись?

— Нет, тетя Эладия, я с этим не спешу, — сразу обозначаю свою позицию, чтобы у неё не возникло даже намёка на идею о том, что на меня можно надавить, и я поскачу беременеть. Совсем не до этого сейчас. Какие дети, если меня пытаются убить в собственном доме? Или мне ещё и о них придется волноваться? Нет уж, спасибо. — Совсем

скоро экзамены в Академии, лучше на них сосредоточусь.

Следующим со мной заговаривает Кирен, отчаянно краснея, видимо, вспоминая тот голый случай:

— Знаешь, Нивес, зря ты так категорично относишься к словам тётки. Она многое знает о семейной жизни, и детей воспитала замечательных, например, твоего отца, который сейчас стоит во главе государства. Она много сделала для своей страны, пусть тебе и кажется это глупостью, — пытается оправдать её в моих глазах, при этом мягко указывая на то, что любая работа есть работа, и не стоит отрицать важность воспитания. Защищает Эладию. Удивительно. — Будь снисходительнее, у всех свои цели в жизни. И для тебя хотят, как лучше. Поэтому не упрямясь и прими чужой совет с благодарностью.

— Может, она только и способна, что детишек побольше рожать, линию королевской крови продолжать. Все мы знаем, насколько моя сестрёнка слабовольная, и она никогда не станет такой же, как отец. Слышишь, мама, тебе стоило родить первой меня! — Внезапно выходит из себя Олвен, закатывая невероятную по грубости речь.

Подскакивает и убегает с такой скоростью, словно за ней стая волков гонится. Мне или кажется, или она стала слишком истеричной с тех пор, как Кирен прилюдно меня поцеловал? И шокированной сейчас выгляжу не только я, уверена, родители тоже не понимают, что происходит. Это ведь не только вопрос престижа, но и того самого воспитания. Получается, что они не смогли привить ей простейших норм поведения в обществе, пусть и в кругу близких людей. Тётя Эладия хмыкает, а затем тихим голосом говорит, чтобы мы не дёргались, сама же отправляется вслед за своей племянницей, видимо, чтобы мозги вправить. Отец же щёлкает пальцами, и рядом с ним появляется один парень из прислуги, который на подносе что-то несёт. Он доходит до меня и отдаёт конверт.

— Тебе письмо от учителя, Нивес. Надеюсь, это никаких пересудов не вызовет — всё-таки личная переписка между преподавателями и учениками запрещена, — впервые вижу на лице отца такое жёсткое выражение, как будто он поставил перед собой какую-то цель и теперь не собирается отступать от неё.

А мне же лишь не терпится прочитать ответ нага, каким бы он не был. «Главное, что ответил. А остальные разногласия, я уверена, мы сможем преодолеть», — чуть дрожащими руками принимаю письмо.

Отрешаюсь от всего происходящего, вновь запираясь в своей комнате. На этот раз с долгожданным ответом от Даара. Бегло читаю приветствие, наслаждаясь каждым словом, каждой буквой в послании. Наг пишет в первую очередь о том, что рад моему благоразумию, что я его не забываю и иду навстречу его желанию помириться. Рассказывает о том, что происходит в Академии, пока северяне отсутствуют, жалуется на самодурство ректора, который неожиданно привел на занятия, как он заявил, "свою будущую невесту". Последняя новость меня поражает, ведь Раад л'Валд не похож на человека, который бы сам себе выбирал бы спутницу жизни, скорее бы последовал советам старших и, не глядя даже на лицо девушки, повел бы её к алтарю. Такой уж он, даже я успела понять за несколько не слишком-то информативных встреч. Далее ль'Ву по привычке просит меня быть осторожнее, никому не доверять, но эта его позиция мне и так известна, её я придерживаюсь уже несколько месяцев, с самого моего появления на Материке. Бдительность, чтоб её. В самом конце мужчина извиняется за то, что инициировал ссору между нами, говорит, как сильно об этом сожалеет. И пусть между нами несколько веков на Земле и пару десятков лет тут, никого более близкого для себя, кроме меня, он не нашел и вряд ли уже найдет.

На душе у меня становится легко-легко, словно камень, давящий до этого на сердце, внезапно превратился в перышко. Как прекрасно, оказывается, разобраться с проблемами, которые жизни не давали, а появились изначально из-за глупости. Если я уезжала на праздники домой, думая о многом, переживая, не желая возвращаться в Академию, то теперь во мне прямо противоположное желание, ведь там меня ждут. Тот, кто знает моё истинное происхождение, сможет помочь разобраться с покушениями на жизнь. Уверена, ль'Ву на это способен.

Из-за того, что мой организм решил не дожидаться солнцезатенения, чтобы унаследовать родовую Магию, праздник уже не имеет для меня особого смысла. Да, меня принаряжают, спрашивают мнение, какие блюда я бы хотела видеть на столах, даже позволяют выбирать из музыкантов, что будут играть на балу, и шутов, которые станут развлекать гостей. Пересматриваю несколько десятков кандидатур, прежде чем останавливаюсь на двух близнецах, которые отлично обыгрывают свою похожесть и шутят над ней. Лим и Бим — ну что за забавные имена у них, больше похожие на собачьи клички. Но мне нравится смотреть на этих смуглых ребят, по крайней мере, они не лебезят, как другие работники. Я даже прошу выделить им отдельную комнату в замке — парни соглашаются лишь тогда, когда убеждаются, что их не разлучат. Благодарят меня, делают колесо и уходят, оставляя недоумевать чужой гибкости.

Пожалуй, самым сложным для меня становится прийти к Кирену. Я его так и не простила, он же уперся в то, что мне надо быть более чуткой к своим «близким». Ему не рассказываю, что в этом доме любимых родственничков меня уже попытались отравить, но парень чувствует по Связи, что что-то не так, однако, вопросы уже давно не задаёт, знает, что не отвечу.

— Я пойду с тобой в сопровождении только потому, что имела глупость не так давно попросить об этом одолжении. Но желанием не горю, не думай, что это меня к чему-то обяжет, — предупреждаю наследника, чтобы не строил никаких планов, думая, что я его

простила. — Никакой близости, кроме твоей руки на моей талии во время танцев.

— По традиции я должен преподнести тебе первый цветок полуночи.

Да, об этом мне специально пришлось читать, как и об остальных традициях королевского бала в северных угодьях. Первым цветком называют водяной лотос, который растёт на единственном озере, что не замерзает тут при аномально низких температурах. Наследница должна его получить от своего кавалера как доказательство чистых намерений последнего. В некоторых рукописях говорится о том, что именно с этого цветка начиналась любовь почти всех правителей Севера.

Я же предпочитаю даже не думать о том, что кто-то воспримет лотос на моей руке как доказательство того, что со стороны ал'Вулы началось ухаживание. Для местных очень многое значат традиции, они любое твоё действие воспринимают через призму множества прошлых лет, историю. Так что шагать нужно осторожно, чтобы не оступиться.

— Преподнесешь, я не буду отказываться. Но не строй иллюзий, снова тебя прошу! — однако, умолять не буду. Иначе окончательно потеряю достоинство в своих же глазах. — И, учти, сделаешь это наедине, чтобы другие не посчитали, что тебе нужны свидетели официального предложения.

Да, и о таких случаях я слышала. И девушкам приходилось потом разбираться с последствиями.

— Сложно с тобой, Нивес. Очень жаль, что ты так изменилась. Вначале мне казалось, что ты поумнела, но, нет, лишь перестала позволять себя заирать.

— В таком случае давай разорвем Связь. Мне она не нужна, тебе, как вижу, тоже, — попытка не пытка, как говорится. — Раз я такая плохая, то не порти свою репутацию в чужих глазах.

Но он отказывается, и в очередной раз я осознаю, что парень что-то скрывает, какую-то выгоду для себя. Смирюсь с тем, что правды не услышу. Она мне и не нужна по сути, когда доверие уже потеряно. Предпочитаю сосредоточиться на том, на что ещё могу повлиять, например, на мнение моих подданных обо мне, как о будущей правительнице.

Тщательно продумываю речь, произношу её перед зеркалом снова и снова, отрабатывая мимику, подгоняя её под стандарты своего статуса, хоть и чувствую себя при этом бесконечно глупо. Как будто не девушка, а мартышка впервые увидела своё отражение. Всё в нём мне кажется несуразным и глупым: растянутые в притворной улыбке губы, глаза, чьи уголки приподнимаются, делая меня похожей на азиатку, даже нос смотрится клоунским — не смотря на Магию, постоянно мерзнет тут, на Севере. И это конечно же не добавляет уверенности. Но я убеждаю себя мыслью, что надо отмучиться всего один вечер, а затем, на следующий день, смогу вернуться в Академию, туда, где мне куда уютнее.

Украшения это конечно хорошо, но не когда их на тебе несколько килограмм. Бриллианты — лучшие друзья девушек? Точно не когда их количество слепит владелицу. Косметика? Так это вообще зло. Мне никогда ей особо не нравилось пользоваться, и теперь, чувствуя, как служанка пуховкой проходится по моим щекам, единственное желание это чихнуть, потому что пудра лезет в нос, глаза, если бы могла, наверно, и уши бы заложила. Чувствую себя большой куклой, с которой всего лишь хотят поиграть, а затем выкинуть — иначе никак не объяснить то, зачем меня, вполне себе симпатичную девушку (особенно после наследования Магии) вдруг решили разукрасить, словно матрёшку.

— И не нужно делать такой обиженный вид, этого требуют традиции, так что не ной и подчиняйся, — самым худшим оказывается то, что сестру собирают вместе со мной. Из неё яд льется, словно из зубов змеи. И никуда нельзя деться от чужой злости. — Думаешь, я тут от счастья помираю, находясь рядом с тобой?

На секунду меня посещает предательская мысль, что ей и вовсе нечего на празднике делать, тем более рядом со мной. Она не наследница, не старшая в семье. Она никто. Хочет погреться в лучах чужой славы погреться, раз сама не заслужила. Но тут же себя одергиваю, ведь это неправильно. Какой бы не была Олвен, все ещё является моей сестрой, родной, кровной, близнецом. И, если задуматься, огромной занозой в заднице не только у меня, но и всех, кого задевают её выпады и поступки. Сомневаюсь, что родители радуются, когда узнают, как дочь себя ведёт с прислугой и другими людьми. Удивительно, как она ещё смогла найти друзей, но, как всем известно, на каждую колючку найдётся свой ёжик, вот она и не страдает в этом плане.

Что меня ещё удивляет, так это почти одинаковые платья у меня с сестрой. Как объяснила это мама:

— Пусть она и не наследница, но все ещё твоя сестра-близнец и вторая в очереди на престол Севера. Люди не поймут, если она будет выглядеть хуже. Я вообще не понимаю, Нивес, что с тобой случилось? Раньше такие вопросы не волновали тебя, а теперь прямо не узнаю собственную дочь!

Для них происхождение, видимо, оправдывает любые поступки.

Сами же родители, когда я их в первый раз вижу перед выходом под взгляды дворян, выглядят максимально просто и неприметно. Иклин облачен в темно-синий костюм, расшитый едва заметными серебряными звездами, а Гевондолин в голубое платье, прямо противоположное по цвету мужа, без украшений и он, и она; прическа у матери представляет из себя простой высокий пучок, в который вставлена шпилька с цветком — вот и всё. Тот же Кирен куда более наряден. Таким я его ещё не видела — истинный наследник короны своего государства, будто звезда спустилась с неба и теперь привлекает внимание. Но, когда спускаюсь по лестнице вниз, подаю ему руки, то вижу такое восхищение в чужих глазах, то понимаю — главная звезда вечера сегодня я.

— Какая красивая пара.

— Смотрятся чудесно, а уж детки какими получатся: просто загляденье.

Подобный шепот я слышу от толпы внизу, подобострастно вставшей на колени, приветствуя наследницу. Сама по себе на моем лице появляется улыбка, пусть это все звучит глупо, но всё-таки приятно, когда тебя называют красивым, пусть в связке с ал'Вулой. Ему

же происходящее точно нравится, потому что наконец-то получает признание со стороны народа, одним из правителей которого собирается стать, если женится на мне. Пусть дальше пребывает в своих розовых мечтах, каждым подобным действием всё сильнее отталкивает меня от себя, показывая, что пока в этом мире я встретила только меркантильных людей, которые что-то хотят с меня поиметь, если не учитывать нага Даара. Но пока я отбрасываю эти мысли, так как нужно сосредоточиться на происходящем, ни в коем случае не ударить в грязь лицом, показать себя с лучшей стороны и попытаться завоевать чужое доверие, ну или хотя бы симпатию, ведь эти люди рано или поздно станут теми, о чьем благополучии должна буду заботиться, забыв о том, что у меня есть своя жизнь.

Конечно же, очередное происшествие не позволяет мне с достоинством пройти до зала, в котором будет проходить церемония объявления меня наследницей. Едва мы делаем с Киреном первые шаги в его сторону, как чувствую, будто что-то меня удерживает. Это Олвен наступила ногой на подол моего платья, что я вижу, когда оглядываюсь. Будь это какая-то другая ситуация, я бы не стала мешкать, тут же бы обернулась и пнула её посильнее, чтобы знала, противная девчонка, что не стоит иногда меня выводить, тем более в такой ответственный момент. Но сейчас я не смею показывать своеволия, как бы мне этого не хотелось, поэтому приходится слегка наклониться к Кирену, прошептать ему на ухо:

— Если ты ничего не сделаешь, то мы с тобой опозоримся раньше, чем дойдём до конца коридора, — его тщательно уложенные волосы касаются моих губ, придавая странной пикантности ситуации. Ни шагу не могу сделать, понимая, что если двинусь хоть на сантиметр, то часть моего платья оторвётся, превратив все произведение искусства в бесполезную тряпку, которой потом разве что полы можно будет мыть. Тороплю парня, — скорее, иначе и ты окажешься втянут в эти неприятности!

Слышу тихий шелест чужих слов, произносящегося заклинания, а затем возглас сзади и звук удара — это Олвен упала. Кирен же, как ни в чем не бывало, лёгким взмахом руки подзывает к себе одного из прислужников и велит:

— Помогите сестре наследницы подняться, а также переодеться, если она испачкалась, — будто и не он это всё натворил, с таким безразличием произносит.

Я же ему очень благодарна за то, что хоть в этот раз он встал на мою сторону, не задумываясь о том, что действия принесут ему самому. Однако, не позволяю себе обмануться, ведь этот человек вначале привязал меня к себе, а затем предал. И, только когда передо мной открываются массивные двери в ритуальный зал, я забываю обо всём, что происходило до этого.

Наступает один из самых важных моментов в моей жизни. Я официально стану наследницей Северных угодий.

— Их королевские величества король и королева северных угодий: Иклин и Гвендолин ал'Сандр! — объявляет придворный глашатай, щуплый мужчина лет пятидесяти с бородкой, как у козлика. Чинно кланяется, затем становится на одно колено, приветствуя своих правителей. Но в глазах у него неподдельная любовь.

Это меня поражает всё время, что я в северных угодьях — народ ценит короля и королеву, уважает их и решения, что они принимают, слова поперёк не говорят. С такой беззаветной преданностью я ещё никогда не встречалась, она меня ошеломляет. Чем же они её заслужили? Ведь пока ничего особенного в своих родителях я не увидела, люди как люди, даже магией не пользуются, по крайней мере прилюдно. Так в чем же секрет?

— Наследница северных угодий Нивес ал'Сандр и её сестра Олвен, — вот это уже меня радует куда больше. Акцент наконец-то не на младшей родственнице, а на мне, как и полагается.

Проходим следом, занимая места ниже трона, причем я все равно оказываюсь выше Олвен, пусть и всего на две ступени. Малыш же Луми с родителями располагается, подпрыгивая от восторга и нетерпения, однако, никак не мешает церемонии. Только теперь я позволяю себе осмотреться, тихо переведя дух.

Присутствующих гостей точно можно разделить на несколько уровней: родственники королевской семьи, именитые придворные, придворные, кто стал таковыми благодаря заслугам и службе, а также простые граждане, точнее, мальчики и девочки из них, что допущены на праздник, чтобы показать благородство и единство Иклина и Гвендолин с народом. Все, от богатых до бедных, от мала до велика, одеты настолько празднично, насколько могут себе позволить: девушки и женщины в платьях, мужчины и юноши в костюмах и чем-то похожим на военную форму. Смотреть на них приятно, как и получать восхищенные взгляды в ответ. Чувствую, как начинают гореть щеки от всеобщего внимания к моей персоне, руками прикрываю их, но тут же отдергиваю, чтобы не повредить искусно нанесенный макияж — не зря же прислужницы старались над ним несколько часов.

Когда все наконец собираются, все тот же глашатай закрывает двери с глухим стуком, и тогда со своего трона поднимается отец. Поднимает бокал с прозрачной жидкостью внутри и произносит вступительную речь:

— Сегодня мы собрались здесь в честь праздника солнцезавенения. Но истинным цветком, что распустился, является моя дочь, Нивес, что совсем недавно вступила в наследование. Так проведём же ритуал её посвящения все вместе, чтобы укрепить узы, которые позже она будет защищать, — режет ножом ладонь, собравшуюся кровь сливает в бокал.

Жидкость начинает двигаться быстрее, завихрения гипнотизируют. И каждый в зале делает то же самое. Затем отец передает свой бокал матери, она свой Луми...и так, по цепочке, поступают гости. Единственная кто остаётся без кровавого напитка, это я. Мне по ритуалу положено добавить свою кровь всем людям, собственный же бокал наполнить по чуть-чуть из остальных. Занятие утомительное и занимает много времени, пока брожу от одного гостя к другому, но в конце концов, окончательно утомившись, приближаюсь к Кирену. Тот ни жестом, ни словом не показывает, как благодарен за проявленное к нему доверие, ведь обычно членов других королевских семей к ритуалу не допускают. Пусть он и

не имеет права испить моей крови, но сам факт того, что окажется связан с действующими королем и королевой, его поражает.

— Моя королева, — шепчет так, что слова различить могу только я, когда капает из своей емкости в мою.

Меня пугает это. Не хочу ещё больше ответственности, Магия и так считает меня и ал'Вулу чуть ли не супружеской парой, а нить Связи между нами по толщине напоминает канат, связывающий наши жизни крепко-накрепко. А я этого не желаю. Мне не хочется ни к кому привязываться, чувствовать единение, потому что не знаю, что ждёт дальше, если уж в родном доме пытаются убить.

Но сейчас ничего не могу возразить. Не смотря на парня, принимаю его дар. Возвращаюсь на свое место, поднимаю бокал и говорю:

— Во славу Рода, чья кровь течет в моих жилах, во славу тех, кто даровал свою, очищая мою, во славу всех жителей северных угодий да покажет Магия свое решение.

С первым же глотком, что я делаю, чувствую Силу, что проходит через меня, и понимаю: ритуал исполнен.

Глава 45. Пролог в Эпилоге

Перелистываю страницы дневника, который начала вести в первые месяцы пребывания в этом мире и поражаюсь, как многое изменилось с тех пор. Из неуверенной в себе попаданки я преобразилась и выросла в наследницу королевского престола, хоть и не очень приятно вспоминать о бале в честь праздника солнцезатенения. В тот вечер все так радужно началось, я была в центре внимания, пока проходил ритуал, а после...после вновь стала той, кого не замечают. Только Кирен со мной и разговаривал, даже родители почему-то уделяли внимание лишь Олвен и Луми. И, если ничего против милого и доброго братишки я ничего не имею, то самодовольное выражение лица сестры хотелось стереть парой оплеух. Чтобы не смела ухмыляться, хихикать и издеваться за моей спиной. Как этого не сделала, даже и не знаю.

Но родители, даже показав, что их не волнует старшая дочь, почему-то все равно не вызывают во мне злости. Возможно, потому что раньше у меня их вообще не было, я росла в одиночестве, снedaемая страхами и болью. Поэтому, получив хоть кого-то, начинаешь ценить, как никогда раньше.

Тем мне больнее, когда ль'Ву приносит лично письмо, в котором рассказывается, что их больше нет в живых. Короля и королевы нет на этом свете. И умерли они не по своей воле.

— Ты понимаешь, что всё это значит? — наг не может спокойно остановиться на одном месте, мечется из стороны в сторону, пытаюсь объяснить, чем для меня обернётся происходящее, — это значит, что первой подозреваемой становишься ты!

— С чего бы? Я вообще сейчас в Академии, как бы я могла их убить? — моему недоумению нет предела, ведь это действительно звучит бредово: я и убийца, что может быть глупее?

— Разве может быть иначе, когда власть в этом мире передается по наследству? Конечно же первым подозреваемым становится тот, кто следующим должен сесть на престол, а это именно ты. Большинство людей, а конкретно в Совете, считают, что наследники нередко готовы пойти на все, что угодно, лишь бы получить причитающиеся им законные права. Даже на убийство.

Неужели ль'Ву меня так плохо знает, что готов в своих фантазиях сделать меня убийцей? Конечно, он уже долгие годы прожил на Материке, сросся с ним, стал единым, усвоил традиции и законы, но почему чисто по-человечески он не осознает, что я бы никогда не пошла на убийство собственных родителей? Это ранит меня в самое сердце, даже сильнее, чем мысль о том, что я так быстро осталась без родителей, которых только-только приобрела.

— И это ещё не всё, — наконец Даар останавливается, смотрит мне прямо в глаза, будто пытается в них что-то прочитать. И добивает без капли сожаления, — Совет уже созван. Ректор скоро будет тут, чтобы арестовать тебя. Поэтому я и пришел, чтобы предупредить. Тебе надо бежать.

Конец первого тома

Больше книг на сайте - Knigoed.net